

ХРАНИТЕЛИ

ДЖЕК КАВАНО

Джек Кавано

ХРАНИТЕЛИ

Jack Cavanaugh

The GUARDIANS

Originally published
in English under the title
“The Guargians”

Published by Cook Communications Ministries,
4050 Lee Vance View, Colorado Springs,
Colorado 80918, U.S.A. All rights reserved

Джек Кавано

ХРАНИТЕЛИ

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

УДК 821.111.(73)-31
ББК 84(7Спо)6-44
К 12

Кавано Джек

К12 Хранители. – К.: Свет на Востоке, 2010

ISBN 978-3-939887-52-2 (герм.)

ISBN 978-966-2089-31-8 (укр.)

Джек Кавано – писатель, автор двадцати пяти романов, многие из которых получили широкую известность. Прежде чем посвятить себя литературному творчеству, он был пастором трех церквей в округе Сан-Диего, и теперь использует богословские знания для отражения духовности в своих образах и сюжетах. У Джека трое взрослых детей.

В настоящее время он вместе с женой проживает в Южной Калифорнии.

УДК 821.111.(73)-31
ББК 84(7Спо)6-44

Перевод Надежды Бражник

Редактор Наталья Вовк

Корректоры: Ирина Никольская, Ирина Зотова

Дизайн и верстка Андрея Цорна

Изд. № 01.503

ISBN 978-3-939887-52-2 (герм.)

ISBN 978-966-2089-31-8 (укр.)

© «СВЕТ НА ВОСТОКЕ», 2010

СЕРИЯ • ЕГО ЛЮБИМЫЙ РОМАН •

История одной семьи

Посвящается моему отцу, Уильяму Кавано,
и дяде, Джеймсу Кавано, –
вы научили нас, что означает быть братьями.

Оглавление

Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	38
Глава 5	55
Глава 6	66
Глава 7	89
Глава 8	99
Глава 9	115
Глава 10	123
Глава 11	131
Глава 12	143
Глава 13	158
Глава 14	171
Глава 15	187
Глава 16	201
Глава 17	214
Глава 18	228
Глава 19	235
Глава 20	252
Глава 21	261
Глава 22	273
Глава 23	278
Глава 24	286
Глава 25	295
ЭПИЛОГ	297

У смерти не было никаких причин гулять по улице в этот вечер. Было по-сентябрьски тепло. Ветер с калифорнийского побережья разогнал облака, и с неба мягко светила полная луна. Идеальный вечер для беззаботной прогулки. И совершенно неподходящий – для убийства.

С заднего сиденья патрульной машины, через сетку из тонкой проволоки, детектив Этан Морган увидел, как сочеталось несочетаемое: его дом и место преступления.

Хищники-репортеры кружили в поисках добычи; соседи взволнованно толпились у обочины, перешептываясь и указывая пальцами.

Этан закрыл глаза и глубоко вздохнул, прося у Бога силы мужественно встретиться с тем, что его ожидало. В руке он сжимал программу школьной постановки:

Мировая премьера
спектакля
«Портрет американской семьи»
по комиксам Эндрю Моргана

Этану не верилось, что еще совсем недавно он сидел в актовом зале начальной школы и с ума сходил от скуки.

* * *

– Обещаю тебе, ты переживешь этот вечер.

Колено Этана Моргана пульсировало, словно насос. Сидевшая рядом Мередит положила на него руку, чтобы успокоить боль. Этан глубоко вздохнул и попытался успокоиться.

Затем он посмотрел на часы.

– Я не пойду на сцену. Не пойду, и все! – отрезал он. – Скай обещал, что меня не станут вызывать. Даже если он не вернется вовремя, я все равно туда не пойду.

– Этан, да успокойся ты, наконец! Он вернется.

В зале выключили свет. Зрители затихли.

– Я просто напоминаю, – прошептал Этан. – Скай сказал, что от меня сегодня не потребуют никаких действий или речей. Все, что от меня требуется, – это присутствие.

Колено снова начало дергаться.

На пурпурный занавес упало яркое пятно прожектора, прямо по центру сцены.

Как путешественник, внезапно прибывший через волшебный портал из вымышленного мира в мир реальный, сквозь занавес проскользнул человек. Он был худой, как шпала, и одет в мешковатые коричневые штаны, бледно-желтую рубашку с длинными рукавами и шерстяную жилетку с узором из ромбов. Человек прокашлялся, и кончики его рыжеватых усов заходили из стороны в сторону.

Зал приветствовал его жиденькими аплодисментами.

– Это мистер Пандурски, – прошептала Мередит, – он преподает в шестом классе. Это он предложил Эндрю поставить пьесу.

Этан прищурился, чтобы внимательно рассмотреть виновника его сегодняшних мучений.

Мистер Пандурски поправил очки в тонкой металлической оправе. Поскольку свет падал на них под углом, создавалось впечатление, что у него круглые белые глаза, как у сиротки Энни из известного комикса.

– Добро пожаловать в начальную школу имени Уильяма Дженнинга Брауна! – сказал Пандурски, чрезмерно чеканя слова. – Сегодня нам выпала огромная честь представить вашему вниманию мировую премьеру «Портрета американской семьи», пьесы по мотивам комиксов Эндрю Моргана.

Зрители вежливо зааплодировали.

Мередит склонилась к Этану:

– Про твою семью написали пьесу – ну и как ты себя теперь чувствуешь?

– Ужасно неловко.

Мистер Пандурски продолжил:

– Чуть позже я еще представляю вам наших почетных гостей. Для нас большая честь приветствовать в этом зале самого автора, Эндрю Моргана, его очаровательную жену Мередит, а также Этана Моргана – его неотличимого брата-близнеца, агента сыскной полиции города Сан-Диего.

Этан застонал. Похоже, надвигался худший час его жизни.

– Пусть только попробуют вытащить меня туда! – прошипел он.

Мередит нахмурилась:

– Ты бы лучше помолчал. Если бы ты не забыл Библию, Эндрю был бы сейчас здесь.

– Я не специально.

Мистер Пандурски похлопал в ладоши, а затем с видимым удовольствием потер их:

– А теперь устройтесь поудобнее и наслаждайтесь игрой наших восходящих звезд в спектакле «Портрет американской семьи»!

Под торжественный звук фанфар он скрылся за занавесом.

– Действие начинается!

Занавес разъехался в стороны. Зажегся свет.

* * *

Темная фигура бесшумно переметнулась от куста к кусту. Затем она остановилась, осматриваясь по сторонам, чтобы сориентироваться на местности. Все было в точности так, как описывали. Аллея. Фонарь на телефонном столбе. Забор. Садик за домом. И, наконец, сам дом, обшитый белой вагонкой.

У него было все необходимое, чтобы справиться с заданием, включая полуавтоматический пистолет со старательно стертým регистрационным номером. Единственное, что ему не предоставили, так это причину. Но Корби в ней не нуждался. У него была масса собственных причин.

Свес крыши с южной стороны дома давал ему подходящее укрытие. Из кармашка сумки, висевшей через плечо, он вытащил отмычку и осторожно вскрыл окно.

Наружу вырвался теплый домашний воздух; в нем ощущался запах жареной картошки.

Тот факт, что совсем недавно коп набил свой желудок картошкой, вызвал у Корби злорадство. Совсем как последняя трапеза заключенного перед смертной казнью!

Корби еще раз осмотрелся: что если кто-то выгуливает собаку, или бегают, или не вовремя выглянул в окно? Убедившись, что никто его не видит, он сгреб в охапку сумку и забрался внутрь, ступая тяжелыми ботинками на белый кухонный линолеум.

Оказавшись в доме, он прислонился к стене, держа правую руку на прикладе и внимательно вслушиваясь, нет ли кого в доме. Тому, кто собирается совершить убийство, не мешает перестраховаться.

Удовлетворенно отметив, что он здесь один, Корби закрыл окно.

Небольшая стопка писем, прижатая канцелярским ножиком с рекламой авторемонтной мастерской Свита, лежала на кухонном столе справа от него.

Сверху был счет за электричество. Корби внимательно посмотрел на адрес получателя:

Этан Морган
127 Коупли-авеню,
Сан-Диего, Калифорния 92116

Он усмехнулся: адрес верный, все идет по плану!

Корби прошелся по кухне. В раковине были сковородка, тарелка со следами кетчупа, вилка и чашка.

Дверь справа вела в столовую, за которой была гостиная и входная дверь. Прямо тянулся коридор, ведущий в две остальные комнаты.

Как ему сказали, Морган живет один. Теперь Корби сам это проверил и убедился, что дом пуст. Тем не менее, ему вдруг стало не по себе оттого, что он расхаживает по чужому дому в отсутствие хозяина. Он подумал, что был бы рад поскорее выбраться отсюда. Но вначале нужно было убить Моргана.

Логово полицейского представляло собой старый дом с маленькими комнатами. Мебель была подобрана из соображений удобства, а не для приема гостей. Изношенное кресло с откидной спинкой стояло перед телевизором. Рядом был журнальный столик с лампой, подставкой под чашку и программой телепередач, открытой на вчерашнем дне.

Перегородкой для зонирования комнаты служил мягкий матерчатый диван. Стопка газет и две стопки журналов, лежащие на нем, свидетельствовали о том, что коп уже долгое время коротал вечера в одиночестве.

И только один предмет мебели не вписывался в общий интерьер. Издалека он был похож на старое бюро, за которым бухгалтер в пенсне, сидя на высоком табурете, некогда листал свои толстые засаленные книги. Вот только дерево было слишком благородным и отполированным для простого бюро, а наклонная поверхность была не деревянной, а стеклянной.

Но Корби не удивился этому предмету. Он точно знал, что это: музейная витрина. Он также знал, для какого экспоната она использовалась.

Он заглянул вовнутрь.

– Что-то здесь не так... – пробормотал он.

Предоставленная ему информация впервые оказалась неточной.

– Витрина должна быть пуста.

Но она не была пуста. Внутри лежала старая Библия, открытая на Книге Псалмов, с витиеватым цветным орнаментом, щедро украшающим поля.

Корби почесал подбородок, недоумевая, как понимать присутствие Библии. Он попробовал открыть витрину, но та была заперта.

Несколько долгих минут он смотрел на свое отражение в стекле на фоне Библии. Ему сказали, что Морган принесет с собой Библию, когда вернется. Однако, по сути, ничего не менялось. Прежде чем пристрелить копа, нужно потребовать, чтобы он открыл витрину, вот и все. Результат будет тот же: Морган будет мертв, а Корби заполучит Библию.

Уяснив, что беспокоиться не о чем, он развернул кресло к парадной двери и уселся в него, держа пистолет на коленях. Через тонкие занавески он сразу увидит фары подъезжающей машины или силуэт того, кто будет подходить к двери.

Чуть подумав, он поднялся и пошел на кухню, а вернулся оттуда с пакетом чипсов, несколькими шоколадными кексами и бутылкой газировки. Когда он снова усаживался, его внимание привлекла фотография в рамке.

На фотографии была стройная и привлекательная рыжеволосая девушка, опирающаяся на две симметричные человеческие фигуры – совершенно одинаковых мужчин.

– Ну и как это понимать? – удивился Корби. – Оказывается, их двое!

* * *

В первом действии спектакля сцена была оформлена в виде детской, разделенной на две равные части двумя одинаковыми кроватями с одинаковыми тумбочками и ночниками. Однако на этом сходство заканчивалось.

Кровать с левой стороны сцены была застлана покрывалом с огромной молнией – эмблемой команды «Сан-Диего Чарджерз». Стены этой части комнаты украшали плакаты с изображением звезд американского футбола¹, в основном нападающих, – Дэна Фаутса, Джона Элвея, Дэна Марино и Джо Монтаны вместе с его любимым напарником Джерри Райсом.

На кровати справа красовалась большая буква «S», а стены были увешаны плакатами с супергероями – Бэтмена, Супермена, Человека-паука и Черепашек Ниндзя, а также репродукциями Микеланджело, Леонардо, Рафаэля и Донателло.

На покрывале с молнией сидел мальчик лет десяти и завязывал шнурки на кроссовках. Рядом лежал футбольный мяч.

Со стороны супергероев в комнату вошел второй мальчик – точная копия первого. В руках у него была миска с каким-то кушаньем. Он прошел к центру сцены.

– Чего тебе надо, суперслабак? – спросил мальчик, играющий роль Этана Моргана.

– Хочу быть старшим, – ответил мальчик, играющий роль Эндрю.

– А нельзя! Я тебя обогнал на две минуты, – он вскочил с кровати и взял в руки мяч. – Ничего с этим не поделаешь!

– Но ты же не хочешь быть старшим!

– Это кто такое сказал?

– Ты сам сказал. Помнишь, на уроке в воскресной школе? После того как учительница рассказала нам, что у первородного сына были особые права и обязанности.

¹ Здесь и далее подразумевается американский футбол. – *Прим. пер.*

– Знаешь что, – сказал мальчик Этан, – я поделюсь с тобой, пополам. Мне – права, а тебе – обязанности.

Зрители засмеялись.

– Ты же знаешь, что будет! – запротестовал мальчик Эндрю. – Твое имя будет записано на титульной странице Библии только потому, что ты родился раньше.

– Ну и что с того?

– А то, что тебе придется вести себя правильно и духовно.

Мальчик Этан ухмыльнулся:

– А вот и нет!

– А вот и да, и ты прекрасно это понимаешь!

Судя по выражению лица Этана, он действительно это понимал и был от этого не в восторге.

– Когда твое имя будет записано в Библии, – не унимался Эндрю, – ты станешь ответственным за будущее рода Морганов. Так было всегда.

– Но только не сейчас, – упрямо возражал Этан.

– Лучше уступи это мне.

– Уступить что?

– Право быть первородным сыном.

Мальчик Этан хмыкнул:

– Вроде бы, уже поздно.

– Ничего не поздно. Исав и Иаков тоже были близнецами. Исав был старше, но он этого не хотел, поэтому продал свое первородство Иакову за какую-то кашу... кажется, гречневую.

Мальчик Эндрю протянул брату миску.

– Так что бери себе кашу, а я буду старшим.

Мальчик Этан презрительно посмотрел на миску:

– Фу! Терпеть не могу гречку!

В этот момент на сцене появилась их мама, в свежевыглаженном платье в цветочек.

– Чем занимаетесь, мальчики? – спросила она.

– Сейчас я стану старшим братом! – радостно воскликнул Эндрю.

– Это как же? – озадаченно спросила мама.

– Так же, как в Библии. Я куплю у Этана первородство за гречневую кашу!

По маминому лицу скользнула улыбка, но все же она сдержалась, чтобы не рассмеяться.

– Боюсь, ты перепутал, дорогой, – объяснила она. – Видишь ли, в Библии Исав продал Иакову первородство за чечевицу, а не за гречку.

Зрители снова рассмеялись.

– Я ж тебе говорил, что ничего у нас не выйдет, тормоз! – сказал мальчик Этан.

– Этан! Как некрасиво! А ну-ка, извинись перед братом!

– Извини, – послушно откликнулся Этан. – Мне очень жаль, что ты такой тормоз!

Зрители заулюлюкали.

В первом ряду Этан прошептал Мередит:

– На самом деле все было не так.

– Замолчи и смотри! – ответила Мередит.

На сцене мама обняла надувшихся Этана и Эндрю, привлекая их друг к другу. Тут зашел отец.

– Думаю, пора рассказать ребятам об их духовном наследии, – сказала мама.

Мальчик Этан застонал:

– Но меня ждут друзья! Мы идем играть в футбол!

В зале Этан прошептал:

– А вот это похоже на правду!

– Тихо!

Отец – который был намного стройнее и красивее их настоящего отца – сказал:

– Это очень увлекательная история, Этан. В ней участвуют шпионы, и индейцы, и пираты...

– Пираты! – воскликнул мальчик Эндрю.

Ребята уселись у ног отца, а мама – рядом с ним.

– Все началось в Виндзорском замке, – начал он голосом умелого рассказчика, – в тот день, когда Дрю Морган впервые встретил епископа Лола. Ибо именно с того дня жизнь Дрю покатила под откос...

Свет начал гаснуть, и семейство постепенно растворилось в темноте. Через несколько секунд прожектор осветил мистера Пандурски, стоявшего на другом конце сцены.

– Так начинается «Портрет американской семьи», – сказал он, –

история удивительнейшей семьи и... – он поднял макет Библии увеличенных размеров – удивительнейшей книги – фамильной Библии рода Морганов.

* * *

Эндрю Морган оставил дверцу машины открытой.

Туда и обратно. Таков был план. Забрать Библию и вернуться в школу.

Он хотел было не выключать мотор, но передумал. Друзья-полицейские засмеют брата, если прямо из-под его двери угонят машину с ключом в блоке зажигания.

Бросив ключ от машины в карман и ускорив шаг, Эндрю перебрал ключи на связке брата и отделил два из них: от входной двери и от витрины.

Затем он взглянул на часы и побежал по тропинке к двери. Он уже смотрел на часы несколько секунд назад, пока парковался. Нервы, подумал он. Не каждый день ставят пьесу об истории твоей семьи.

В отличие от Этана, он радовался и волновался по поводу пьесы.

Этан.

Хоть Эндрю и выгораживал брата перед Мередит, но сам был уверен, что Этан специально оставил Библию дома, чтобы иметь повод улизнуть.

Если бы Эндрю позволил брату вернуться домой за Библией, тот наверняка потратил бы на это массу времени и приехал бы обратно к концу последнего действия. А Эндрю уже несколько раз присутствовал на репетициях, включая генеральную, и все видел. Сейчас он хотел, чтобы и Этан мог посмотреть спектакль.

Слыша отзвук своих шагов во внутреннем коридоре, он вставил ключ в надежный замок и толкнул дверь.

Замерев от испуга, он спросил:

– Кто вы?

Фанерные декорации были раскрашены «под камень», изображая внутренние стены Виндзорского замка. Вдоль стен стояла впечатляющая коллекция средневековых рыцарских доспехов. Один комплект доспехов выделялся на фоне других.

Согласно истории, эти доспехи отличались тем, что внутри них был рыцарь; остальные были пусты. Однако, согласно бюджету школьного театра, только в них и *мог* быть рыцарь, так как остальные были просто картонными макетами.

18 | Эпископ с отвисшим брюшком проводил недовольного слугу до двери и сделал вид, что и сам выходит вместе с ним. Он открыл и закрыл дверь, будто бы уже с другой стороны, а сам на цыпочках вернулся и подкрался к рыцарю в доспехах.

Рыцарь, думая, что остался один, немного наклонился вперед, а затем осторожно отступил от стены.

Эпископ тут же бросился вперед.

– Стоять, сэръ рыцарь! – закричал он.

Рыцарь от неожиданности потерял равновесие. Он хотел было отступить назад к стене, но, размахивая руками, задел другие доспехи, и те попадали, словно костяшки домино.

Зрителей это очень позабавило.

– Ты действительно думаешь, что так оно и было? – прошептал Этан на ухо Мередит.

Мередит с интересом наблюдала, как епископ помогал упавшему рыцарю подняться на ноги.

– В то время жизнь была гораздо проще, – продолжал Этан. – Не то что сегодня.

– Не уверена, что твои предки согласились бы с тобой, – ответила Мередит.

– Нет, все-таки Скай прав. Это отличный материал для комиксов. Мередит покачала головой:

– Я так не считаю. Меня в вашей семейной истории как раз то и привлекает, что она похожа на правду.

Этан не сдавался:

– Не думаю. И вообще, в жизни больше нет места приключениям.

* * *

В кресле сидела невыразительная тень с пистолетом в руках, наведенным прямо на Эндрю.

Эндрю замер в дверном проеме, все еще держа в руке ключи брата.

– Что вам нужно? – он хотел спросить это уверенно, но голос задрожал.

– Ты что-то забыл, да? – поинтересовался незваный гость. В его голосе не было дрожи, только дерзость. И это было вполне объяснимо – ведь у кого был пистолет в руках?

Сотни мыслей билась и трепетали в голове Эндрю, как мошки вокруг электрической лампочки. Сколько раз он рисовал в своих комиксах подобные ситуации, где его герои глядели смерти в лицо! И все же там не было такого напряжения. Вероятно, потому, что художник знал: в следующей рамке он нарисует, как его герой выскальзывает из рук врагов, не обращая внимания на пули, свистящие со всех сторон.

Эндрю отступил на полшага назад. Если бы он ринулся бежать, возможно, ему удалось бы уклониться от одной-двух пуль. Но что толку? Ему ни за что не удастся пробежать через весь двор и скрыться. Он наверняка получит пулю в спину.

Злодей поднялся с кресла. Он оказался на удивление маленького роста.

– Закрой дверь, – сказал он.

Нужно срочно что-то решать. Бежать? Отвлечь его резким движением? Или делать то, что он говорит? Чего бы я только не отдал сейчас за какую-нибудь из сверхъестественных способностей своих героев!

Эндрю зашел в дом и прикрыл дверь, оставив небольшую щель на случай, если представится возможность бежать.

– Послушай, – сказал он, – лучше уйди, пока все целы, а я обещаю, что никто ничего не узнает.

Злодей сделал шаг навстречу. Его смутные черты вырисовались более определенно. Грубая кожа в оспинах. Над левым глазом – шрам, разрывающий бровь на две части.

– Хорошо ты придумал! – ухмыльнулся он. – Происшествие обошлось без жертв. Так?

– Ну вроде того, – несмело отозвался Эндрю.

Еще один шаг, и стало видно, что за пистолет у него в руках. Эндрю нарисовал в своей жизни достаточно оружия, чтобы распознать, что это полуавтомат.

Злодей покачал головой и выругался:

– Ты что, меня не узнаешь?

Не разворачиваясь и не опуская пистолета, он отступил обратно к креслу. Там он вытащил что-то из своей сумки и швырнул в Эндрю.

Это что-то, промелькнувшее в воздухе и угодившее Эндрю прямо в лицо, оказалось темно-синей футболкой. Эндрю развернул ее и увидел эмблему «Изгоев из Невады», профессиональной футбольной команды.

Этан понял бы моментально, но Эндрю потребовалась на это добрая минута. А когда он понял, его сердце оборвалось. Положение оказалось намного серьезнее, чем он думал.

– Перестрелка на парковке, – сказал он.

Злодей молниеносно перескочил разделявшие их несколько метров и приставил пистолет к виску Эндрю.

– Ты убил моего брата! – завопил он.

Он полагал, что перед ним Этан.

Хоть это открытие и не удивило Эндрю, оно поставило его перед дилеммой: сказать, кто он на самом деле, или оставить это в тайне?

– Роджер Корби, – сказал Эндрю.

– Да, это мой брат! – прокричал Корби.

Сказать или нет?

Если он скажет, что сделает Корби? Что помешает ему убить Эндрю, а затем и Этана, когда тот придет его искать? А что если Этан приведет с собой Мередит?

Эндрю решил притвориться, что он и есть Этан.

– Твой брат хотел меня задавить, – сказал Эндрю, входя в роль своего брата-полицейского.

– Мой брат был безоружен! – проревел Корби.

– Он пытался переехать меня на грузовике! – возразил Эндрю. – Он вел себя, как сумасшедший, а вокруг были люди. Что еще мне оставалось делать? Он не оставил мне выбора. Я должен был остановить его, прежде чем он кого-нибудь задавит...

– Ага, конечно! Только тебе это не удалось! – с издевкой заявил Корби. – Из-за тебя погиб тот мальчик.

Эндрю ощутил боль своего брата. Он помнил, как удручен был Этан после той перестрелки. В тот день он спас жизнь многим людям – и все же один подросток, отправившись на футбольный матч, вместо этого угодил в морг.

– Твой брат не оставил мне выбора, – сказал Эндрю, подражая словам и интонации брата, когда тот описывал это происшествие. – Я выполнил свой долг.

– А теперь я выполню свой, – сказал Корби. Он подошел к витрине. – Открывай!

Эндрю удивился:

– А зачем тебе Библия?

* * *

Этан наклонил часы, чтобы перехватить луч света со сцены, затем обернулся и поискал глазами брата.

– Наверное, он уничтожает твои шоколадные кексы, – хмыкнула Мередит.

– Эндрю не дурак. Он понимает, что стоит ему притронуться к кексам, и я его из-под земли достану!

На сцене сменились поколения. Морганы вместе со своей фамильной Библией пережили предательство и гонения со стороны епископа Лода, бурную переправу через Атлантический океан, болезни и голод в Новом Свете.

Началась новая сцена. На краю кукурузного поля стояла деревянная башня с открытой площадкой, а на ней сидела прелестная индианка, охраняя урожай от ворон.

Она даже не заметила, как на поле прокрался молодой колонист. Но он не мог отвести от нее взгляд. Было ясно, что он влюбился.

Пытаясь пододвинуться, чтобы лучше видеть ее, он задел кукуруз-

ные стебли. Девушка тут же вскочила на ноги и обрушила в его сторону целую лавину камней.

– Ай! Ай! Перестань! Это я, Филипп! – закричал колонист.

Мередит наклонилась к Этану:

– Сменяются поколения, а мужчины из рода Морганов ничуть не меняются.

– Ну такого дурацкого выражения лица ты никогда у меня не видела и не увидишь! – возразил Этан.

– Одень Моргана хоть в крестьянские бриджи, хоть в униформу, хоть в костюм с галстуком, а история повторяется. Все они падки на широкие невинные глаза и острый язычок.

– Не знаю насчет невинных глаз, – ответил Этан, – а острый язычок Скай себе уже нашел.

* * *

Корби небрежно помахал пистолетом.

– Ты можешь усложнить мне задачу, а можешь не усложнять, – сказал он. – Брось мне ключ, или мне придется пристрелить тебя и взять его у тебя в кармане.

Связка ключей Этана мелькнула в воздухе, и ловким движением Корби ее поймал. Не нужно было спрашивать, какой из ключей отмыкает витрину. Необычному замку соответствует такой же необычный ключ.

Корби с легкостью откинул стеклянную крышку на золотых петлях.

– А теперь надевай футболку, – сказал он.

– Зачем?

– Делай то, что я сказал! Надень ее под рубашку.

Эндрю не пошевелился. Корби сверлил его взглядом до тех пор, пока он не начал расстегивать рубашку.

– Она не так дорого стоит, как ты думаешь, – сказал Эндрю, видя, что Корби собирается вынуть Библию из витрины. – Там есть повреждения.

Библия оказалась более тяжелой и громоздкой, чем ожидал Корби. Достать ее из витрины можно было только обеими руками. Он спокойно отложил пистолет, понимая, что Эндрю слишком далеко, чтобы представлять реальную угрозу.

– Переверни ее, – сказал Эндрю. – Ты увидишь, что я говорю правду.

Корби осмотрел тыльную сторону переплета.

– Кажется, она прострелена, – сказал он.

Внушительных размеров дыра пронзала переплет и несколько сотен страниц с конца книги.

– Зенитный огонь над фашистской Германией, – сказал Эндрю. – Один из наших предков был пилотом бомбардировщика. Эта Библия спасла ему жизнь.

Видимо, эта история заинтересовала Корби, однако вскоре он вспомнил, что не время отвлекаться.

– Жаль, что тебе она не поможет, – сухо сказал он. – И сколько же стоит эта ваша книжка?

Сняв рубашку, Эндрю просунул руки в рукава футболки.

– Эта Библия хранится в моей семье уже четыреста лет, – сказал он.

– Я спрашиваю, сколько стоит! – процедил сквозь зубы Корби.

Эндрю натянул на себя футболку.

На что я только не пойду ради брата, промелькнуло у него в голове.

– В мире осталось меньше двухсот оригинальных экземпляров Библии короля Иакова издания 1611 года, – объяснил он Корби. – Пять лет назад одну из них продали на аукционе «Сотбис» за четыреста тысяч долларов.

– Это почти полмиллиона! – воскликнул Корби.

– Нет! Ты меня не слушаешь! Этот экземпляр сильно поврежден и изношен. За него дадут гораздо меньше.

Корби действительно не слушал. Он пожирал глазами книгу, которую держал в руках.

Эндрю попытался мысленно сопоставить разные данные. Корби знал, что Этана не будет дома. Его комментарий («ты что-то забыл?») говорил о том, что он не ожидал, что Этан вернется так скоро. Может быть, его изначальный план состоял в том, чтобы взломать витрину и украсть Библию? Но тогда непонятно, зачем он заставил Эндрю надеть футболку и завел все эти разговоры о мести за брата. К тому же, он понятия не имел о ценности Библии.

– Сомневаюсь, что тебе дадут за нее хотя бы пятьдесят долларов в лавке старьевщика, – сказал Эндрю. – Чтобы получить сумму того порядка, о котором ты думаешь, книгу нужно выставить на аукцион от имени уважаемого антиквара. Но никакой уважаемый антиквар к ней не притронется, если будет заявлено о ее краже.

Корби безучастно кивал головой, как будто уже принял решение.

– Вот что я предлагаю, – сказал Эндрю, застегивая надетую сверху рубашку. – Я дам тебе полмиллиона долларов, если ты положишь Библию обратно в витрину и уйдешь отсюда.

Корби презрительно фыркнул:

– Ты что, за идиота меня держишь? Откуда у копа такие деньги?

– Я могу их достать. Мой брат – состоятельный человек.

Корби на секунду задумался, но вскоре покачал головой:

– Близо, но мимо, Морган. А теперь застегни рубашку доверху, чтобы я мог тебя убить.

* * *

Мерedit захлопнула мобильный телефон.

– Он его выключил, – сказала она, – чтобы не зазвонил во время спектакля.

Этан стоял в углу открытой веранды, частично скрытый за деревом в большой кадке, сжимая в руке наполовину пустой стаканчик с пуншем.

24 | Был антракт. Зрители прогуливались на свежем сентябрьском воздухе, смотрели на звезды, пили пунш, ели пирожные и рассматривали стенды, где были представлены рекламные материалы школьного центра искусств, а также комиксы Эндрю Морган. Среди них видное место занимал «Портрет американской семьи» – набор из восьми книг.

Мерedit казалась обеспокоенной.

Из-за ее спины вдруг возникла маленькая филиппинка, едва ли полутора метров ростом. Она заламывала руки. Этан не мог припомнить, когда он в последний раз видел, чтобы кто-то буквально заламывал руки.

– Миссис Морган, – завела женщина умоляющим голосом, – ваш муж обещал, что...

Тут она заметила Этана.

– О, а вот и вы! Мистер Морган, вы ведь обещали, что будете подписывать свои комиксы за книжным столом. Помните? Посмотрите, там уже выстроилась длинная очередь!

– Графические романы, – поправил ее Этан.

– Извините, что?

– Графические романы, а не комиксы.

Женщина покраснела:

– Да-да, хорошо... но, видите ли...

– Вы говорите не с тем Морганом, – сказал Этан. – Я полицейский.

– Ой...

– Вам нужен Скай.

– Скай?

– Это прозвище, которое он дал своему брату, – вмешалась Мередит. – К сожалению, миссис Дубаи, моего мужа пока нет. Он поехал за семейной Библией Морганов и еще не вернулся.

– Но как же это... – причитала миссис Дубаи, еще больше заламывая руки. – Он обещал, что будет подписывать свои ко... графические романы!

– Уверена, что он будет здесь с минуты на...

– Это я виноват, – вклинился Этан.

Миссис Дубаи посмотрела на него, непонимающе хлопая ресницами.

– Я должен был ее принести. Библию. Это было поручено мне. Я старший сын. Тот, который терпеть не может гречневую кашу.

– Понятно.

– Так что вините во всем меня, – сказал Этан.

– Ну, я уверена, что вы не нарочно оставили ее дома.

– Зря вы так уверены!

– Ну и ну...

На этот раз Мередит буквально встала между миссис Дубаи и Этаном.

– Просто передайте всем, что Эндрю с удовольствием подпишет книги после спектакля. Он задержится, насколько это будет необходимо. Все желающие непременно получают автограф, миссис Дубаи.

– Я только подумала... – не отступала миссис Дубаи.

Она высунула голову из-за спины Мередит и обращалась к Этану.

– Может быть, его брат сможет подписать книги в его отсутствие? Вас ведь не отличить друг от друга. Никто не заметит разницы.

– Я замечу! – набросился на нее Этан. – Не говоря уже о том, что это уголовное преступление! Да я вас могу упрятать за...

Ее голова тут же укрылась за спиной Мередит.

Голос Этана разнесся по всей террасе. Группки людей перестали разговаривать и уставились на них.

– Миссис Морган, я же вовсе не имела в виду, что...

– Ну разумеется, нет, миссис Дубаи. Просто передайте всем, что Эндрю скоро вернется.

Мерedit резко обернулась к Этану:

– Это было совершенно лишним!

– Что?! Это ведь подделка подписи! – возразил Этан. – А если в этой толпе окажется настоящий коллекционер, который решит подать в суд на нас всех? Эта женщина пыталась сделать меня сообщником в преступлении. Я до сих пор думаю, а не надеть ли на нее наручники.

Он вошел в азарт и впервые за весь вечер развеселился. Но Мерedit не оценила его игривого настроения. Она думала об Эндрю.

Этан посмотрел по сторонам, ища, куда выбросить стаканчик. Не найдя подходящего сосуда, он пристроил его в кадку рядом с деревом.

– Съезжу-ка я посмотрю, что его так задержало, – сказал он.

Мерedit схватила его за рукав.

– Останься. Я съезжу.

Этан попробовал спорить, но она его остановила, уже нащупывая в сумочке ключи.

– Вы с Эндрю сегодня звезды. Хотя бы один из вас должен быть здесь.

– Никакая я не звезда, – возразил он, – и не хочу ею быть.

– На сегодняшний вечер – придется, – сказала Мерedit. Ее голос звучал терпеливо и непреклонно, как у мамы, заставляющей ребенка есть манную кашу. – Я скоро вернусь.

– Скай тоже так говорил, – ответил Этан.

Он посмотрел ей вслед.

– Ладно уж, останусь, – пробормотал он себе под нос, – но я не обязан делать вид, что мне здесь нравится. И уж тем более я не пойду на сцену.

Мальчик-актер, ростом не более метра, проковылял по веранде в картонных «доспехах», звоня в колокольчик. Люди указывали на него друг другу, умиленно улыбались и постепенно возвращались в зал.

Этан прошел в первый ряд, перехватывая взгляды и кивки в свою сторону. Он еще никогда не чувствовал себя настолько неловко – даже когда выслушивал от начальства отзывы о своей работе.

В зале погас свет.

Зрители затихли.

Этан скрестил руки на груди.

Как и в самом начале, мистер Пандурски проскользнул между занавесок. Усы его снова заходили туда-сюда, как будто он чистил ими зубы.

– Прежде чем мы увидим второе действие «Портрета американской семьи», – с выражением заговорил Пандурски, – еще раз напомню, что...

– О нет! – пробормотал Этан.

– ...мы имеем честь принимать в этом зале...

Ну пожалуйста, пожалуйста, только не это...

– ...двух братьев Морганов, которые являются прямыми потомками тех самых людей, чью вдохновляющую историю мы сегодня видим на сцене.

Этан был не из тех, кто верит в чудеса, но это не мешало ему молиться о чуде. В отчаянии он снова взглянул назад, затем на боковые двери, затем выгнул шею, чтобы заглянуть и за кулисы, с надеждой и мольбой о том, чтобы Скай все-таки вернулся прямо сейчас.

– Насколько мне известно, сейчас среди нас только один из братьев, а второй тем временем готовит нам еще больший сюрприз по окончании спектакля. Поэтому ваши аплодисменты мистеру Этану Моргану!

Этан вжался в кресло.

Они ему аплодируют. С какой стати они ему аплодируют? И никак не перестанут. Ну сколько можно?

Мистер Пандурски проскользнул через сцену, оказался прямо перед Этаном и жестом поманил его.

Аплодисменты усилились.

Этан покачал головой. *«Не делайте этого. Пожалуйста, не надо!»* – умолял он про себя.

Но тут на него навели прожектор, и он увидел собственный силуэт на фоне основания сцены.

Аплодисменты безжалостно продолжались.

Мистер Пандурски попросил его встать.

Этан собрал все свои силы, чтобы не вытащить служебный револьвер и не приказать Пандурски повернуться лицом к стене.

* * *

Эндрю лежал распростершись на полу в гостиной брата, ощущая щекой мягкий ворс ковра. Едкий запах пороха витал над ним, подобно отлетающей душе. Получив четыре пули в грудь, он онемел от шока, но мысленно отметил ироничность ситуации.

Перестарался. Мне вполне хватило бы и двух пуль.

Он чувствовал усталость... Огромную усталость.

Ковер под ним был мокрым и теплым.

Он слышал, как убийца ходит по комнате, но не видел его и никак не мог его остановить.

Дышать становилось все труднее.

Он вспомнил о Мередит, и на глаза навернулись слезы. Он любил ее больше, чем кого бы то ни было. Он любил ее, даже зная, что она его не любит и никогда не любила.

Этан. Ему будет тяжело это перенести. Он будет винить себя.

Держись, Этан. Ты не виноват. Хорошо, что здесь оказался именно я, а не ты.

Эндрю скорчился от боли, чувствуя, как невидимая рука сжимает его сердце в тисках смерти.

Если бы только я мог... Если бы я мог... рассказать тебе...

Эндрю испустил хриплый стон умирающего.

И тут ему в голову пришла идея. Но успеет ли он?

Он слегка пошевелил бедром и протянул руку за телефоном, который висел у него на поясе. Удалось его нащупать. Но телефон выскальзывал и не давался в руки. Еще одна попытка, и снова безуспешно. Телефон был накрепко зажат в объятиях чехла.

А сколько раз он дурачился, выхватывая телефон из чехла, словно шестизарядный револьвер, открывая его и отвечая на звонок – и все это одним легким движением!

Но сейчас... сейчас... простая задача казалась невозможной. Пальцы были липкими... липкими от крови. Сила уходила от него с каждым вдохом.

– Я... сделаю это... даже через свой труп... – промычал он, довольный своей шуткой. Если он не утратил чувство юмора, значит, мозг еще работает.

Наконец телефон удалось высвободить.

Густой туман застилал глаза. Эндрю изо всех сил постарался восстановить фокус, чтобы справиться с этой последней задачей.

Двумя руками он открыл телефон, а потом, крепко зажав его в одной руке, второй стал нажимать на клавиши: «4», «3», «1»...

На этом его силы почти исчерпались. Он сделал паузу, чтобы отдохнуть, но тут же мысленно отчитал себя за это. Некогда отдыхать. Отдых означает смерть.

Теперь он не мог вспомнить номер. Как же дальше? Думай. Думай! Четыре, три, один... а дальше? Один, шесть.

Точно! А потом?

Истекало все: силы, время и сама жизнь. В легких уже не было воздуха. Теперь там была какая-то жидкость.

Он еще раз нажал «1». Палец скользнул по клавиатуре, оставляя красный след. А вот и «7». Он нажал и эту клавишу.

– Эй! А это еще что такое? – закричал голос сверху.

Черный ботинок выбил телефон из руки Эндрю.

Он увидел, как телефон кувыркоком покатился по ковру.

Но это уже неважно. Получилось. Оставалось надеяться, что Этан расшифрует его послание.

Он уже почти ничего не видел. Со всех сторон сгущалась тьма, сужая поле зрения до маленького кружка, а потом и вовсе до одной точки в центре, как в фильмах пятидесятых годов.

Он уперся взглядом в деревянную ножку столика, стоявшего рядом с креслом Этана. Ножка стала растворяться в темноте, пока совсем не исчезла.

От жизни остались одни воспоминания. Он вцепился в образ Мередит. В счастливый образ. Вот она застенчиво улыбается ему, еще в те дни, когда он ошибочно полагал, что она его любит.

А потом и она исчезла.

Этан Морган плюхнулся в свое кресло в первом ряду, наконец-то избавленный от света прожектора. Он пообещал себе, что непременно отомстит Скаю за свои мучения.

Второе действие началось со спора между братьями-близнецами – единственными близнецами в роду Морганов до появления Этана и Эндрю.

30 | Действие разворачивалось во время войны за независимость США. Иаков Морган, борец за свободу колоний, был схвачен по обвинению в шпионаже и ожидал повешения в холодной сырой камере. Его брат-близнец Исав накачал его лекарствами, а сейчас переобувал, чтобы туфли были надеты не на ту ногу – часть хитроумной симуляции побега. Если все пойдет по плану, то Исава (в целом сочувствующего британской короне) повесят вместо брата.

За спиной у Этана здесь и там раздавались сдавленные всхлипывания. Зрители переживали, глядя, как один из Морганов намеревается отдать жизнь за брата.

Но Этан видел здесь только преувеличенный драматизм.

Мерedit ошибается, подумал он. В действительности все гораздо прозаичнее.

* * *

Что-то здесь не так.

Мерedit подъехала к бровке у дома Этана и выключила мотор.

На дорожке перед домом она увидела машину Эндрю – с широко распахнутой дверцей.

Входная дверь была приоткрыта. Внутри зияла темнота.

Не дойдя до двери, она стала звать мужа.

– Эндрю!

Ответа не последовало. Она медленно толкнула дверь.

– Эндрю!

В гостиной было темно. Она немедленно бросила взгляд на витрину в противоположном конце комнаты и увидела, что та открыта. Библии внутри не было.

– Эндрю! – еще раз позвала она, проходя вглубь дома.

Обойдя журнальный столик, стоявший у дивана, она увидела на полу пару туфель, подошвами вверх. В них были лодыжки. Ноги. Кровь.

– Эндрю!

Сумочка выпала у нее из рук и шумно приземлилась на пол. Мередит упала на колени. По чулкам и подолу юбки стала просачиваться кровь мужа.

Эндрю лежал без движения, широко открыв глаза и рот.

Мередит всхлипнула:

– Эндрю...

Она положила руку ему на спину и не ощутила биения жизни. В метре от него на полу лежал раскрытый мобильный телефон.

И тут Мередит вдруг осознала, что тот, кто сделал это с Эндрю, может по-прежнему находиться в доме. Несколько запоздавшее осознание.

Краем глаза она разглядела пару черных рабочих ботинок. Она повернула голову и подняла глаза на незнакомца, прижимаясь к земле, словно дикая кошка, защищающая своих детенышей.

Сверху на нее смотрел низенький человечек с нездоровым цветом лица и довольной ухмылкой. В одной руке у него был пистолет. Второй он сжимал фамильную Библию Морганов.

– Ты – девка с фотографии, – сказал киллер, указывая пистолетом на фото в рамке.

– А ты кто такой? – закричала Мередит. – Зачем ты... сделал... это? Ее разум отказывался принимать свершившееся.

– Тебе сегодня не повезло, красотка, – продолжил киллер. – Еще две минуты, и я бы ушел, а ты дождала бы до завтра.

Нужно заговорить ему зубы, осенило Мередит. Пусть лучше болтает, чем стреляет.

Она отползла чуть назад.

– А ты ему кто? Сестра, что ли? – спросил киллер.

– Я его жена.

– Жена? Ты его жена?

Мерedit продолжала медленно отползать.

– И как это они упустили тебя из виду? Ты слишком смазлива для жены копа!

Назад. Еще назад.

– Жаль, что ты раньше не явилась! Было бы здорово укокошить тебя у него на глазах, так чтобы это было последнее зрелище в его жизни. Ну да ладно – что сделано, то сделано. Он уже покойник, а сейчас ты отправишься вслед за ним.

Он поднял пистолет.

Мерedit резко прыгнула за угол дивана, по направлению к двери. Он прыгнул вслед за ней – а она только на это и рассчитывала. Собрала все свои силы, она толкнула диван на него.

Диван зацепил журнальный столик, а тот с грохотом опрокинулся, ударяя киллера прямо по коленным чашечкам. Взвыв, как раненный волк, он оступился, потерял равновесие и плюхнулся на копчик.

Мерedit рванулась к двери. Она уже подумала, что ей удастся убежать.

Но негодяй быстро пришел в себя. Слишком быстро. Она была уже на пороге, когда он схватил ее за волосы, затащил обратно внутрь и швырнул на диван.

В спине у нее что-то щелкнуло, и боль словно перекрыла дыхание. Мерedit проехала по диванным подушкам, разбросанным журналам и газетам, затем свалилась на пол, перекатилась через тело мужа и, наконец, затормозила о свою оброненную сумочку.

Тяжело ступая, киллер обошел диван и встал над ней, целясь ей прямо в голову.

Мерedit подняла взгляд. Дуло пистолета высилось всего в полуметре от ее виска. Она отвернулась, не в силах на это смотреть.

– Уходи! – рыдала она. – Уходи!

Умоляя его о пощаде, она тем временем запустила руку в сумочку у себя под спиной.

– Это ты зря сделала, красотка, – сказал киллер, тяжело дыша и пытаясь совладать с болью. – Я думал просто тебя убить. Быстро

и безболезненно. Но теперь я размажу тебя по стенке. Я так тебя разукрашу, что мать родная не узнает.

– Пожалуйста... – хныкала Мередит, – ну пожалуйста, не надо...

Ее рука шарила по сумке. Только бы найти... найти...

Он подошел еще на шаг.

Мередит понимала, что жить ей осталось считанные секунды. В любое мгновение может раздаться очередь, и горячие пули разнесут ее голову на части.

– Пожалуйста, не надо... пожалуйста!

Она нащупала то, что искала – баллончик.

Снова подняв голову, она уперлась взглядом прямо в дуло. Она перевела взгляд дальше, в глаза киллера.

– Пожалуйста... – повторила она. А тем временем уже вытасила баллончик из сумки. Все было как в старых вестернах – кто быстрее? Кто успеет выстрелить первым?

Струя жидкого огня ударила киллера в лицо.

Он взвыл от боли и, пошатываясь, отступил назад. Выронив Библию, он стал тереть руками лицо. При этом он клацнул себя по лбу пистолетом, забыв, что тот по-прежнему у него в руке.

Пока он корчился в агонии, Мередит уже вскочила на ноги. Она подошла к нему вплотную, продолжая давить на баллончик, пока не выплеснула все его содержимое. Тогда, отбросив его в сторону, она взяла со столика лампу, выдернула шнур из розетки и стала наносить киллеру удар за ударом.

Шатаясь, тот отступал, а она наступала с возрастающей яростью.

Киллер махал руками, попадая только в воздух.

Мередит не остановилась даже тогда, когда от лампы вначале отвалился абажур, а потом и половина корпуса. Две части лампы, еще скрепленные проводом, стали в ее руках нунчаками, которыми она продолжала наносить нескончаемый поток ударов.

Он уперся спиной в стену. Она остановилась, продолжая вопить.

И тут он воспользовался моментом и наотмашь ударил Мередит по голове рукой с пистолетом.

Мередит отлетела назад без чувств и снова ударилась о диван. На этот раз она не перекатилась через него, а резко отскочила обратно и упала на пол лицом вниз.

Она лежала на полу, оглушенная и беззащитная.

Вне себя от ярости, киллер шатался по комнате, словно пьяный, врезаясь в одну стену за другой. Он не мог приоткрыть глаза больше, чем на полсекунды. Все, на что ему хватило ума, – это подобрать Библию и вывалиться из двери.

Мередит пролежала на полу еще несколько минут, прежде чем смогла собраться с силами и медленно приподняться на четвереньки. Она проползла вокруг дивана, подобрала сумочку и нащупала в ней мобильный телефон. Зажав телефон в руке, она присела на пол, едва дыша. Явно чувствовалось, что она что-то повредила во время падения.

Переводя дыхание, она поборола сперва приступ боли, потом приступ паники. Пальцы перебирали клавиши телефона.

В номерах быстрого вызова значилось: «Этан (в случае ЧП)».

На секунду она засомневалась. Куда звонить – Этану или в полицию? В принципе, это почти одно и то же. Но ведь Этан, наверное, отключил телефон на время спектакля...

Голова Эндрю покоилась в нескольких сантиметрах от ее колена. Свободной рукой она провела по его волосам.

Затем она вызвала номер:

– Это я, – сказала она. – Эндрю... Эндрю мертв... Я немного пострадала, но ничего страшного... – она прикрыла рот рукой, чтобы собеседник не услышал сорвавшийся стон. – Убийца взял с собой Библию. Не знаю... не... знаю... Я не могу сейчас сосредоточиться... Кажется, нет... Ага... сейчас позвоню...

Мередит закончила разговор и набрала номер полиции.

* * *

Все аплодировали стоя. Этан тоже встал, вежливо хлопая в ладоши, а втайне мечтая, чтобы все поскорее разошлись по домам.

На сцене появились две девочки в розовых платьицах с оборками. Они так отчаянно улыбались, словно участвовали в детском конкурсе красоты. Одна из них держала в руке бутоньерку с розовой гвоздикой. Она на цыпочках просеменила по сцене и оказалась прямо перед Этаном.

Он застонал. Интересно, закончится ли когда-нибудь этот ночной кошмар?

Внезапно Этан понял, что он не один. Из ниоткуда перед ним возникла женщина, взяла у маленькой балерины бутоньерку и приколола ее к пиджаку Этана. От женщины сильно пахло мятными конфетами.

Затем появился мистер Пандурски – Мистер-Дурные-Новости, как окрестил его Этан. Кошмар не только не заканчивался – он становился все страшнее.

– Бриттани, Рэчел, – сказал Пандурски, – пожалуйста, проводите нашего гостя на сцену.

У Этана душа ушла в пятки. Он решительно замотал головой в знак отказа.

– Нет, спасибо... не стоит... нет... – повторял он мистеру Пандурски, девочкам и женщине с запахом мятных конфет.

Пандурски обратился к зрителям:

– Кажется, мистеру Моргану нужна ваша поддержка!

Аплодисменты усилились.

Этан постарался как следует разглядеть человека, стоявшего на сцене, и запомнить каждую черточку его улыбающегося усатого лица. Попадись ему Пандурски на улице, и он обязательно найдет причину, – а если нужно, то и сфабрикует! – чтобы задержать этого изверга. Пусть Пандурски познакомится с *его* миром – вот тогда Этан поспеется от души.

Девочки в балетных пачках схватили Этана за руки и потащили к ступенькам, ведущим на сцену. С тем же успехом они могли проводить его и на гильотину.

Его сопровождал слепящий свет прожектора, так что он едва видел ступеньки. Споткнувшись на последней из них, он чуть не упал на малышку Бриттани (или Рэчел?). Лишь каким-то чудом он все-таки удержался на ногах и не раздавил будущую «мисс Америка» своим весом.

Девочки подвели Этана к центру сцены.

– Дамы и господа! – объявил Пандурски. – Вы только что лицезрели несколько сцен из семейной истории рода Морганов. А сейчас я имею честь представить вам одного из виновников сегодняшнего торжества – мистера Этана Моргана!

Этан растерянно стоял посреди сцены. Его руки неловко болтались, словно сосиски, а ноги были ватными. Прожектор светил ему прямо

в лицо, и он даже не видел, кто ему аплодирует. В голове крутилась единственная мысль: поскорее бы уйти со сцены!

Из-за кулис вышел полный актерский состав и окружил Этана. Зрители захлопали еще громче. Ну почему бы им просто не пойти домой?

Но, в полную противоположность Этану, мистеру Пандурски очень нравилось находиться на сцене.

– Дамы и господа! – объявил он. – В завершение вечера мы планировали явить вам, так сказать, первопричину сегодняшнего спектакля – оригинал фамильной Библии Морганов. Эта книга покидает свое хранилище очень редко, только по особым случаям.

Зрители открыли рты от изумления. Можно было подумать, что Пандурски объявил, что в гости неожиданно приехал Билли Грэм, или президент, или Джонни Депп.

– К сожалению... – Пандурски сделал паузу для пушшего эффекта, – несмотря на то что Библия Морганов уцелела во время опасного плавания через Атлантику, побывала в плену у индейцев, неоднократно переходила из лагеря в лагерь во время войны за независимость и выдержала не только гражданскую войну, но и миграцию на запад, первую и вторую мировые войны, а также военные действия во Вьетнаме – иными словами, хотя она пережила четыреста лет американской истории, тем не менее, она пока не смогла преодолеть восемь километров от района Нормал Хайтс до этого зала.

Зрители засмеялись.

– Это все пробки на дорогах, – сказал Этан и тут же об этом пожалел.

– Смиримся же с этим жестоким разочарованием и, в духе сегодняшнего вечера, преподнесем мистеру Моргану замену пресловутой Библии на то время, пока он не найдет пропавший оригинал.

Из-за кулис вышел маленький мальчик, неся в руках бутафорскую Библию – ту самую, которая использовалась в постановке. Он вручил ее Этану.

Библия оказалась на удивление тяжелой. Этан внимательно осмотрел ее и понял почему. Она была сделана из коробки со стиральным порошком, который так и остался внутри. Несколько бело-голубых гранул выпало Этану на туфли.

Этан поблагодарил мальчика и остальных детей, окруживших его

и хлопавших в ладоши. Он из последних сил старался изображать благостное расположение духа.

– Наша Библия вовсе не пропала, – поспешил заверить он. – Просто, м-м-м... по какой-то причине, Эндрю задерживается.

Женщина из-за кулис громко прошептала:

– А как же еще один сюрприз?

Этан скривился.

Зажегся свет, и сквозь туман от сценических прожекторов Эндрю заметил, как распахнулись двери в конце зала. Да, это было бы в стиле Ская – вернуться сейчас и продлить его мучения.

Но вошел не Скай, а двое полицейских в форме. Этан знал их обоих. Они наклонились к билетерше, которая указала на Этана, стоявшего на сцене.

Полицейские взглянули прямо на него, и по выражению их лиц Этан тут же понял, что они явились сюда отнюдь не для того, чтобы посмотреть спектакль.

– Разрешите... – сказал он, пытаясь спуститься со сцены.

Но Пандурски преградил ему путь:

– Как же... Ведь мы еще не...

– Программа окончена, – отрезал Этан, отодвигая его в сторону.

Он протолкнулся мимо актеров, технического персонала, родителей из группы поддержки и ребенка с наволочкой в руках, наряженного какой-то птицей. Затем он молниеносно слетел по ступенькам и побежал по проходу. Полицейские встретили его на полпути.

– Что произошло? – спросил Этан.

Ни тот, ни другой не смогли посмотреть ему в глаза. И тогда Этан понял, что брата уже нет в живых.

Металлическая сетка отделяла Этана от офицеров полиции Митчелла и Циснероса, когда он, на заднем сиденье патрульной машины, возвращался домой. Так положено, сказали они. Этан начал было сопротивляться, он мог бы приехать и сам, но вспомнил, что у него нет ключей от собственной машины. Он отдал их Эндрю вместе с остальной связкой.

Пластиковая обшивка заднего сиденья была грязной, липкой и воняла блевотиной. Но еще более тяжелое впечатление производила сетка. За свою профессиональную жизнь Этан привык, что она отделяет сотрудников полиции от преступников и жертв. Сейчас он сидел на месте жертвы.

Жертва. Это слово к нему не клеилось. Жертвы обычно вызывают жалость и сочувствие – эмоции, которые Этана раздражали. Как правило, жертвами становятся слабаки, простофили, неудачники, не сумевшие предвидеть проблему или неспособные за себя постоять.

Чуть подвинувшись на сидении, Этан влез рукой во что-то липкое. Он попытался вытереть это носовым платком.

С тех пор как они выехали из школы, Митчелл с Циснеросом не сказали ни слова. Ни ему, ни друг другу. Каждые несколько минут тишина прерывалась приятным женским голосом районного диспетчера:

Четыреста пятнадцатый, приготовиться триста четырнадцатому. Перекресток Техас-авеню и Мид-стрит. Мужчина средних лет, без определенного места жительства, угрожает клиентам винно-водочного магазина «Вэлли Ликвер».

Восемьсот одиннадцатый – восемьсот четырнадцатый. Домашнее насилие в апартаментах Лас-Пальмас, по адресу: двад-

цать пять ноль четыре, Полк-авеню. Драка между мужем и женой. Вызов поступил от менеджера апартаментов. Это вся информация на данный момент.

Всем подразделениям. Грубые нарушения правил дорожного движения. Университи-авеню, в районе трехсотых номеров, в восточном направлении. Трое подростков в голубом «Мицубиси Эклипс», номер машины неизвестен, обгон в запрещенных местах, по встречной полосе, неприличные жесты.

Восемьсот двадцать шестой, отправляйтесь по вызову о торговле наркотиками, угол Парк и Мид. Двое белых мужчин, на вид около двадцати пяти лет, одеты в темное, сбывают неизвестные наркотики. Конец связи.

Обычные вызовы для Мид-Сити. Соответствующие подразделения тут же реагировали.

Чуть раньше, когда прозвучал его адрес, это было гораздо необычнее.

Выстрелы из огнестрельного оружия. Возможно, человеческие жертвы.

– Эндрю... – сам того не заметив, Этан произнес вслух имя брата.

Он заметил, что Митчелл внимательно посмотрел на него в зеркало заднего вида. В его глазах так и читался вопрос: «Интересно, что чувствует человек, когда убили его брата-близнеца?»

Этан едва удержался, чтобы не врезать кулаком по сетке и не гаркнуть, чтобы Митчелл не совал нос в чужие дела. Он и сам удивился, откуда в нем столько ярости.

Он повернул голову и уставился в окно в грязных разводах. Что это за разводы? Пот? Слюна?

На перекрестке рядом с ними остановилось «вольво» последней модели. Оттуда Этана просверлили взглядами мужчина и женщина средних лет – слишком культурные, чтобы показывать пальцами и смеяться, как делают некоторые другие. Тем не менее, Этан догадывался, о чем они думают: «Что это за изверг? Что он натворил?»

Сзади к окну прижались две мальчишеские мордашки.

«Хорошо учитесь, мальчики, не забывайте молиться перед сном и держитесь подальше от неприятностей. А иначе вас может ожидать такой же конец, как этого пройдоху».

Этан отвернулся.

С каких это пор дорога домой стала такой долгой?

Еще пару километров, и патрульная машина повернула налево, на Орегон-стрит, а затем направо, на Коупли-авеню. Они подъехали к его дому с западной стороны.

Было по-сентябрьски тепло. Ветер с калифорнийского побережья разогнал облака, и с неба мягко светила полная луна. Идеальный вечер для беззаботной прогулки. И совершенно неподходящий – для убийства.

С заднего сиденья патрульной машины, через сетку из тонкой проволоки, Этан Морган увидел, как сочеталось несочетаемое: его дом и место преступления.

Обычно в такое время Этан стряхивал с себя остатки рабочего дня, расслаблялся и начинал думать о содержимом холодильника и телепрограммы. Но сейчас картину полностью изменили полицейские автомобили и микроавтобусы телестудий, один за другим тесно припаркованные вдоль улицы. Этан ощутил, как у него внутри включаются все защитные механизмы – невидимое оружие, помогающее отстраниться от тех ужасов, которые ему предстояло увидеть.

Зеваки, собравшиеся в кучку на другой стороне улицы, разговаривали друг с другом только шепотом. Кем бы ни был этот монстр, атаковавший дом, они не хотели его будить. Съёмочные группы прилепили на дом снаружи неестественно яркие лампочки. Тени от них нервно танцевали на двери гаража.

Место преступления было отгорожено желтой лентой, которая протягивалась от куста на углу двора до ручки двери гаража, огибая машину Мерседит и касаясь багажника машины Эндрю. В последней была по-прежнему распахнута дверь со стороны водителя, словно ожидая его возвращения в любой момент.

Входная дверь в дом также была открыта. Уходя, Этан оставил ее закрытой и запертой на замок.

Через полупрозрачные занавески виднелись тени полицейских и

следователей, непрестанно снующие туда-сюда. Фотограф то и дело сверкал вспышкой.

Машина, в которой они ехали, резко остановилась. Этану не терпелось вырваться наружу. Он протянул руку, но не нашел ручки двери. Элементарный факт – как же он мог это забыть? Его разобрала злость. Он выглядел в точности так же, как любая другая жертва преступления, стремящаяся поскорее вырваться из полицейской машины. Нетерпеливо ерзая на сидении, Этан дождался, пока Циснерос откроет дверь снаружи.

– Подожди здесь, – сказал ему Циснерос.

Но Этан его не слушал. И уж тем более не ждал. Он нырнул под желтую ленту и устремился к дому, но его тут же остановил полицейский в форме. Он был килограммов на двадцать крупнее Этана и совершенно ему незнаком.

– Простите, детектив Морган, но вам туда нельзя, – сказал полицейский.

– А я так не считаю, – Этан попробовал обойти его сбоку, но тот быстро перекрыл путь.

– Таков приказ лейтенанта, – извиняющимся тоном объяснил он.

Человек в форме неправильно выбрал профессию. Ему следовало быть защитником в баскетбольной команде НБА.

– Послушайте, офицер...

– Раппапорт.

– Это мой брат, и я туда пойду, если только вы не свяжете меня по рукам и ногам.

Митчелл и Циснерос заняли места по обе стороны от Раппапорта.

– Извини, Морган, – сказал Митчелл, – это приказ.

Из всех четырех мужчин – пяти, если отдать должное Раппапорту и посчитать его за двоих, – Этан был самым мелким. Но иногда размер не имеет значения, и это был как раз тот случай. Никто не сможет помешать ему войти в его собственный дом!

Как там говорят? Чем ты выше, тем больше падать? Этан нацелился в высокого – сильный толчок в грудь...

Раппапорт явно не был знаком с этой пословицей, поскольку Этан отскочил от него, как теннисный мячик. Митчелл и Циснерос подскочили на помощь коллеге, хотя тот явно в ней не нуждался.

– Не мешай нам, Морган! – воскликнул Митчелл, хватая Этана за руку. – Мы всего лишь выполняем свою работу.

Требовалась новая тактика.

Через тонкую занавеску Этан видел спину лейтенанта полиции, находящегося у него в гостиной. Это был крупный мужчина по фамилии Савала, с круглой лысиной, отражающей яркий свет люстры. С другой стороны, на улице, несколько репортеров уже заинтересованно наблюдали за стычкой Этана с полицейскими.

– Я хочу поговорить с лейтенантом Савалой, – сказал Этан, высвобождая свою руку.

– Это невозможно, – ответил Митчелл. – Он-то как раз и приказал не пускать тебя вовнутрь.

Кажется, до Митчелла не дошло. Этан совершенно не спрашивал у него позволения.

– Я хочу поговорить с лейтенантом Савалой! – прокричал Этан.

Теперь Митчелл понял, к чему он клонит, и бросил нервный взгляд на репортеров.

– Перестань, Морган! – прошипел он. – Не делай этого.

Этан закричал еще громче:

– Как это – мне нельзя увидеть моего брата?

Репортеры столпились так близко, как это было возможно, не заступая на место преступления. За ними по пятам следовали операторы, нацелив камеры на Этана.

– У меня есть права! Вы не можете не пустить меня в собственный дом! – орал Этан. – Все, чего я хочу, – это увидеть брата!

На самом деле полиция имела полное право не пустить Этана домой, и он об этом знал. Пресса тоже об этом знала. Но заявка, что полиция не соблюдает прав человека, – это как кость для собаки. Стоит подкинуть ее журналистам, и они еще долго будут таскать ее в зубах. И, как старшему по званию, лейтенанту Савале придется что-то предпринять, ведь это непременно будет освещено в вечерних новостях.

Шум и вспышки камер привлекли внимание Савалы. Он откинул занавеску, чтобы получше разглядеть, что происходит, и пробормотал что-то себе под нос. Занавеска еще не вернулась на свое место, а лейтенант уже спешил через лужайку.

Видя, что Савала на подходе, Этан начал снова твердить о своих правах.

Митчелл пожал плечами, как бы извиняясь перед начальством. Савала бросил на своих подчиненных недовольный взгляд и жестом отпустил их. Взяв Этана под руку, он увел его в сторону от репортеров и камер.

– Что это ты себе позволяешь? – возмутился Савала.

– Я хочу к себе в дом, – сказал Этан, нимало не оправдываясь. – Там мой брат и невестка, я хочу их видеть.

– Твою невестку уже увезли в больницу.

– Как она?

– Сильно избита. Ее бросали через всю комнату. Жаловалась на боль в животе. Я скажу Митчеллу, чтобы отвез тебя в больницу.

– Вначале я хочу увидеть место преступления и своего брата.

– Морган, не выдумывай. Ты же знаешь, что я не могу тебя впустить.

– Почему? О чем вы беспокоитесь? Что я буду путаться под ногами? Уничтожать улики? В конце концов, я же следователь по убийствам! Уж я-то знаю, как вести себя на месте преступления.

– Вот именно поэтому я и не могу тебя впустить. Это ж будет праздник для защиты! Кто еще способен исказить улики так же искусно, как несчастный родственник, случайно оказавшийся еще и следователем по убийствам? Я не могу этого допустить.

В его словах было рациональное зерно. Этан знал Савалу как профессионального полицейского и хорошего человека, преданного семье, отца двух дочерей-подростков.

– Савала, – взмолился Этан, – если бы там был ваш брат, что бы вы делали?

Савала пристально посмотрел на него:

– Только ни к чему не прикасайся.

Уже на крыльце Этан спросил:

– А меня тоже подозревают?

– Нет. Мы знаем, где ты был. Весь актовый зал подтвердит твою алиби.

Этан и Савала надели поверх обуви бумажные бахилы. Лейтенант начал вводить его в курс дела:

– Полицейские, прибывшие в дом первыми, сообщили, что, когда они вошли, Мередит говорила с кем-то по мобильному телефону.

– С диспетчером?

Савала покачал головой.

– Нет, похоже, что она решала какие-то дела. Когда она их увидела, то сразу же отключилась.

– Решала дела? Что же она говорила?

– Все, что они разобрали, – «спасибо хотя бы на этом...»

– Я ее спрошу, когда увижу.

Он перешагнул порог и оказался прямо в центре событий. Это место не было похоже на его гостиную. Со всеми лампами и людьми, оно более походило на студийный макет его гостиной, изготовленный для съемки какого-нибудь детектива. Не считая тела, лежащего на полу лицом вниз, – оно как раз выглядело настоящим. Руки Эндрю были одеты в бумажные кульки, чтобы сохранить улики.

У Этана задрожали колени. Видеть тело брата, оформленное по всем правилам следствия, оказалось сложнее, чем он ожидал. Ему пришлось прислониться к двери.

– Наверное, все же не стоило тебя впускать, – сказал Савала.

– Я в порядке, – заверил его Этан, хотя сам не ощущал такой уверенности. Но не хотелось давать лейтенанту повод выдворить его обратно на улицу.

Подошедший полицейский прошептал что-то на ухо Савале. Тот кивнул и сказал, обернувшись к Этану:

– Мне нужно на минутку отлучиться.

– Можете обо мне не беспокоиться, – кивнул Этан.

Савала посмотрел на него с недоверием.

– Обещаю, что буду хорошо себя вести.

Лейтенант удалился вглубь дома, а Этан напомнил себе о психологической самозащите. «Я с этим справлюсь» – твердил он про себя.

Он окинул обстановку взглядом детектива, как в любой аналогичной ситуации. Тело, лежащее на полу, как обычно, было центром всеобщего внимания; вокруг него вращались по своим орбитам следователи и технические сотрудники. Они собирали улики, искали отпечатки пальцев и фотографировали каждую деталь под всевозможными углами.

Этан не только знал, что они делают, но и прекрасно понимал, зачем это нужно. Он сам проходил это уже сотню раз, и сейчас так и рвался поучаствовать – сделать хоть что-нибудь полезное. Но он также знал, что Савала с него голову снимет, стоит ему к чему-то прикоснуться.

Он обошел вокруг дивана, осторожно, чтобы не вступить в кровь, и глянул на тело брата. Затем он опустил на колени.

В комнате все притихли. Этан поднял голову. Все стояли неподвижно, словно статуи, и смотрели на него.

Наверное, они думают о том, как странно видеть себя мертвым на полу. Но они ничего не понимают. Все не так. Совершенно не так.

Никогда в жизни Этан не видел в своем брате-близнеце себя. Эндрю не был его отражением. Они отличались столь же разительно, как две половины их детской. И разница заключалась не только во внешности.

Эндрю был мечтателем, счастливчиком, всеобщим любимчиком, талантливым, привлекающим прекрасных женщин наподобие Мередит – в общем, олицетворением успеха. В то время как он приобретал славу и богатство, Этан уклонялся от кредиторов.

Между ними не было соперничества, как это часто бывает у близнецов. Этан не завидовал успеху брата. Успех был Эндрю к лицу, а ему – не очень. Этан вполне довольствовался ролью пессимиста, скептика, одиночки. Его профессия и образ жизни соответствовали его характеру.

Деятельность в комнате возобновилась и вскоре пошла прежним чередом, оставив Этана в какой-то мере «наедине» с Эндрю. Воспоминания нахлынули на Этана, пробивая его защитную броню. Он старался смотреть на тело так, как на любую другую жертву огнестрельного оружия, но вспышки событий из прошлого напоминали ему о том, что это – его брат.

Он вспомнил, как радовался Эндрю в восемь лет, когда один из его рисунков получил приз на конкурсе и был опубликован в газете.

Он вспомнил голос брата в ночной темноте, в их детской спальне, когда предполагалось, что они уже спят и видят сны. В то время для них не было никого ближе друг друга. Только они, вдвоем, ночью в своих кроватях. Он вспомнил застенчивую улыбку Эндрю, когда тот сжимал в руке зеленую бархатную коробочку с золотым кольцом. В тот день он предложил Мередит стать его женой.

Наконец, он вспомнил досаду на лице Эндрю этим вечером, когда Этан сделал вид, что забыл дома Библию. Эндрю ни на секунду не повелся на эту уловку. Он сразу понял, что Этан изобрел ее, чтобы сбежать с вечернего мероприятия.

Это он, Этан, должен был лежать сейчас на полу. Его ребяческая затея стоила Эндрю жизни.

– Прости меня! – прошептал Этан.

Эти слова имели действие пробки, вылетевшей из бутылки. За ними хлынули все те эмоции, которые Этану до сих пор удавалось сдерживать: грусть, злость, сожаление. Глаза Этана наполнились слезами, в горле застрял комок. Но сильнее всего оказалась жажда мести. Она поднялась в Этане огромной и страшной волной, так что у него задрожали руки.

Он наклонился низко-низко, чтобы никто его не слышал, и прошептал в самое ухо Эндрю:

– Я найду того, кто это сделал. Даже если это будет стоить мне жизни, я найду этого человека!

Он говорил медленно и отчетливо, как будто каждое слово содержало отдельное обещание, а все предложение вместе – целую низку обещаний.

Этан протянул дрожащую руку к телу брата, чтобы скрепить обещание прикосновением. Он уже проигрывал битву с собственными слезами. Его губы дрожали. Но прежде чем чувства Этана успели окончательно вырваться из-под контроля, прибыл судебно-медицинский эксперт. Это событие помогло водворить пробку на место.

Из молчаливого изумления судмедэксперта стало ясно, что его не предупредили о наличии у покойного брата-близнеца. Однако манеры эксперта не подвели, чего нельзя было сказать о его ассистенте, молодом следователе, которого Этану представили только по фамилии – Ньюкирк.

– Ого! Это еще что за чертовщина? – воскликнул Ньюкирк, переводя взгляд с Этана на Эндрю и обратно. – Ну прямо как в кино, когда дух покидает тело, и смотрит на себя со стороны, и не может поверить, что это действительно...

– Если ты не заткнешься, – прервал его судмедэксперт, – сейчас здесь будет два трупа.

Доктор Айзек Текле надел резиновые перчатки. Это был мужчина лет под шестьдесят с густыми седыми волосами и искрящимися глазами, которые сразу вызывали ассоциации с Санта-Клаусом. В полиции он пользовался заслуженным уважением. Даже будучи начальником отдела, он нередко и сам выезжал на место преступления, особенно если дело подвергалось пристальному вниманию общественности – например, когда погибал близкий родственник полицейского.

– Примите мои сердечные соболезнования, – сказал Текле Этану и положил руку ему на плечо. – А также извинения за грубость моего ассистента.

Ньюкиркухватило ума, чтобы промолчать. Он принялся открывать ящики с инструментами.

Текле несколько минут внимательно разглядывал тело, нависая над ним с различных сторон. Затем он взглянул на Этана:

– А теперь мне нужно его перевернуть.

Иными словами, он предлагал Этану возможность отлучиться.

– Я останусь, – ответил тот.

Осторожным движением Текле перевернул Эндрю на спину. На его рубашке не оставалось чистого места от крови.

Этан стиснул зубы. И не из-за крови – на своей работе он повидал ее в таких количествах, что можно было покрасить ею сарай. Ужаснее всего было видеть незрячие глаза Эндрю. Раньше, когда бы Этан ни смотрел в глаза брата, в них всегда была жажда жизни. Он впитывал и впитывал все вокруг – цвета, лица, манеры, жесты.

Доктор Текле осмотрел входные отверстия от четырех пуль. Затем он расстегнул рубашку на Эндрю.

– Я смотрю, ваш брат был поклонником «Изгоев из Невады», – заметил он.

Он отодвинулся в сторону, чтобы Этан мог взглянуть. То, что он увидел, совершенно его озадачило.

– Этого не может быть, – сказал он. – Эндрю не любил футбол. Это не его футболка.

– Разве вы можете знать все вещи в гардеробе вашего брата? – усомнился Текле.

– Я знаю его самого. Он скорее бы умер, чем надел футболку «Изгоев».

Это был просто речевой оборот! Лишь несколько секунд спустя Этан осознал, что сказал. К чести присутствующих, все сделали вид, что не слышали, даже Ньюкирк.

– Этан, можно тебя на секундочку?

Сзади подошел сержант Эдуард Вайсберг, начальник следственной группы номер один.

– Хочу задать тебе несколько вопросов.

Вайсберг отвел Этана в сторону. Это был мужчина средних лет с тонким носом и чересчур близко посаженными глазами. Этан был о нем не слишком высокого мнения. Вайсберг заслужил повышение не столько тяжелым трудом, сколько подхалимством. Теперь же, став начальником, он полагал, что первая обязанность подчиненных – работать на его репутацию. Вайсберг был первым начальником Этана, когда тот только стал следователем. Между ними произошло несколько стычек по разным поводам, и поэтому, когда появилась вакансия в четвертой следственной группе, Вайсберг устроил так, что Этана перевели. А тот и сам был рад уйти.

– Ты узнаешь вот это? – спросил Вайсберг, указывая на раскрытый мобильник на полу. – Это телефон твоего брата?

Этан опустился на колени, чтобы хорошенько рассмотреть телефон. Это была дорогая модель. Экран не светился.

– Кажется, да, – ответил он, – но точно не уверен.

– Финч снял с него этот номер. Он тебе знаком? – Вайсберг показал Этану листок, на котором было написано: 431-1617.

Этан покачал головой:

– Четыреста тридцать один? Это не местный номер.

– Откуда ты знаешь?

Для детектива, Вайсберг иногда немного тормозил.

– А вы пробовали по нему звонить? – спросил Этан.

Не дожидаясь ответа, Этан уже вытащил из кармана свой телефон и набрал номер.

– Что ты делаешь? Перестань! Не надо!

Этан понял, что Вайсберг еще не звонил по этому номеру, и знал, что он будет возражать. Поэтому он так и поступил.

В ответ он услышал сообщение телефонного оператора: «Данный номер не обслуживается».

Он поднял телефон в руке, чтобы Вайсберг тоже услышал сообщение.

- Это последний номер, по которому звонил мой брат?
- Не звонил. Только набрал. Номер светился на экране, но не был вызван.

Этан взвесил в уме этот факт. Еще одна загадка. Загадки постепенно накапливались. Во-первых, телефонный звонок Мередит, затем футболка «Изгоев», а теперь еще и это.

Как правило, преступление складывалось из таких вот маленьких загадок, и Этан это понимал. Каждая маленькая загадка, обретя загадку, превращалась в кусочек общей мозаики. Но в данном случае «мозаикой» была смерть его брата, и каждая маленькая загадка раздражала его больше, чем обычно.

Вайсберг пометил в своем блокноте то, что Этан узнал из телефонного звонка, а потом позвал его:

- Иди сюда!

Огибая тот участок на полу, где судмедэксперт продолжал обследовать тело Эндрю, Вайсберг повел Этана к столовой.

Этан остановился возле кресла:

- Я этого здесь не оставлял, – сказал он, указывая на пакет из-под чипсов, обертку от кекса и пустую банку из-под лимонада на журнальном столике. – И, кстати, фоторамка тоже передвинута.

- Ты уверен? – спросил Вайсберг, тыкая ручкой в обертки.

- Конечно. Я ничего не ел с обеда.

- Может быть, твой брат решил перекусить?

- Нет, он спешил вернуться в школу до антракта.

Вайсберг занес и эти сведения в свой блокнот.

- Довольно нагло с его стороны, – пробормотал он, скребя ручкой по бумаге, – вор вламывается в дом, убивает человека, а затем садится в кресло и устраивает себе перекус.

- Возможно, он сидел в засаде.

Вайсберг поднял голову:

- Тебя ждал, что ли? Или ты хочешь сказать, что ему нужен был твой брат? Но как он мог знать, что Эндрю сюда явится?

- Нет, он нас перепутал, – ответил Этан. – Киллер принял Эндрю за меня. Эндрю и сам заранее не знал, что окажется сегодня у меня дома.

Вайсберг записал это в блокнот.

– А что было здесь?

Он указал на витрину. Та была открыта и пуста. В замке по-прежнему был ключ, с которого свисала вся связка ключей Этана.

Вид пустой витрины и связки его ключей был двойным ударом в сердце Этана.

– Библия, – только и смог сказать он.

Вайсберг поднял брови:

– Я никогда не замечал за тобой особой религиозности, Морган.

– Это фамильная реликвия.

– Дорогая?

Этан посмотрел на брата, расprostертого на полу. Доктор Текле закончил первый этап осмотра. Он как раз снимал перчатки, диктуя что-то Ньюкирку.

– Последний раз, когда Эндрю отправлял ее на экспертизу, ее оценили в пятьсот тысяч долларов.

Вайсберг присвистнул и объявил на всю комнату:

– Мальчишки и девчонки, мы только что обнаружили мотив преступления. Украдена Библия стоимостью полмиллиона долларов.

Затем он повернулся к Этану:

– Сколько людей знали о существовании Библии?

– Трудно сказать.

– Почему трудно сказать?

– Ну, это достаточно известный факт. Эндрю написал об этом цикл романов. А еще раньше в Голливуде был снят об этом фильм, который, правда, так и не вышел в прокат.

– Фильм, говоришь? И кто же играл тебя? погоди, дай-ка я угадаю... Как зовут этого сердцееда? Того, по которому сейчас сохнут все школьницы? А, точно, Джонни Депп!

Этан криво улыбнулся:

– Фильм был о моих предках. История моего рода – и этой Библии – прослеживается на четыреста лет назад.

Незаметно, чтобы Вайсберга это впечатлило. Не прикасаясь к витрине, он внимательно ее рассмотрел.

– Книга, которой четыреста лет и которая оценивается в пол-

миллиона долларов... На твоём месте, я бы не оставлял её посреди гостиной без охраны.

Этан хотел было огрызнуться, но сдержался. Вайсберг поддался искушению, типичному для всех полицейских и сводящемуся к мысли «сам заслужил». Когда преступление уже совершено, так и хочется сообщить людям, как следовало его предотвратить. Этан и сам сто раз так поступал. Оказалось, что слышать подобные замечания в свой адрес далеко не так приятно.

– Где именно он вломился в дом? – спросил Этан.

Вайсберг провел его на кухню, где детектив Брайан Хинки снимал отпечатки с подоконника. Этан внутренне содрогнулся, увидев этого человека у себя в доме.

Обладатель коротких рыжих курчавых волос и лица, густо усеянного веснушками, Хинки производил примерно тот же эффект, что и скрежет железа по стеклу, моментально раздражая всех присутствующих. Этан был убежден, что Хинки не спит ночами, изобретая новые способы действовать людям на нервы.

Ну почему из всех, кто мог снимать отпечатки, оказался Хинки?

Этан увидел его в действии в первый же день своей работы в полиции. Они расследовали убийство девушки, студентки университета Сан-Диего, проживавшей в квартире рядом с парком Бальбоа. Однажды утром она вернулась домой с пробежки и обнаружила у себя в квартире постороннего человека – как оказалось, своего бывшего парня.

Сначала было неясно, каким образом убийца вторгся в квартиру. По одной версии, у него был ключ. Однако мать жертвы, которая являлась также владелицей квартиры, была твердо убеждена, что дочь ни за что не дала бы ключ этому парню. Наоборот, она переехала в ту квартиру, чтобы скрыться от него.

На окнах первого этажа не было обнаружено никаких отпечатков, и тогда мать попросила Хинки обследовать и окна второго этажа. Тот заявил, что это пустая трата времени, поскольку к ним практически нет доступа. Мать настаивала и в конце концов пожаловалась Вайсбергу, который отдал Хинки приказ проверить отпечатки и сверху.

Разозлившись, что она пожаловалась начальству, Хинки снял отпечатки со всех подоконников на втором этаже, а потом и с оконных

рам, и со всех дверей, и с тумбочек, и со шкафов, и с картин, и с каждой безделушки в квартире. Таким образом он решил отомстить бедной женщине за то, что она посмела указывать ему, как работать.

Большинство людей полагают, что самое неприятное в уборке места преступления – это кровь. Но это не так. Самое неприятное – это работа с отпечатками пальцев. Снимать отпечатки – работа грязная, кропотливая, дотошная. Как и сам Брайан Хинки.

Ему было наплевать, что он таки нашел отпечатки пальцев бывшего парня на одном из подоконников второго этажа, и что доступ к нему таки был.

– Как успехи? – спросил Вайсберг у Хинки, пыхтящего у кухонного подоконника.

Хинки сверкнул глазами на Этана, прежде чем ответить.

– Видимо, этот парень надел перчатки. Есть вмятины там, где он взламывал окно, но никаких отпечатков.

– Посмотри на кухонном шкафчике и холодильнике, – сказал Этан.

– Пустая трата времени, – отозвался Хинки.

– Мы точно знаем, что он взял там продукты, – объяснил Этан. – Возможно, он снял перчатки. В гостиной есть обертки и банка из-под газировки – их тоже нужно проверить.

– Говорю тебе, что это трата времени! Хочешь копаться в мусоре? Вперед, а я здесь при чем?

Хинки прекрасно понимал, что Этану запрещено к чему-либо прикасаться.

– При том, что это твоя работа! – гаркнул Этан.

Хинки выпрямил плечи и пошел на него. Вайсберг встал между ними и отдал распоряжение Хинки:

– Проверь шкафчик, холодильник, обертку и банку.

Проворчав что-то себе под нос, Хинки бросил убийственный взгляд на Этана. Он собрал свои инструменты, отправился на кухню и принялся обследовать дверцы шкафчиков, начиная с верхнего.

– Что ты делаешь? – закричал Этан.

– То, что мне приказано.

– Я храню кексы вот в этом шкафчике.

– Убийца этого не знал и мог сначала пошарить в других.

– Но мы ведь точно знаем, что *этот шкафчик* он открывал, – взмолился Этан.

Хинки не обращал на него никакого внимания.

Этан прекрасно понимал, что происходит – Хинки снова мстил за то, что его ткнули носом в его работу. Он решительно направился к болвану, но Вайсберг остановил его.

Сержант оглянулся через плечо, беспокоясь, что за ними может наблюдать лейтенант Савала. Но того не было видно. Снова повернувшись к Хинки, он прошепел:

– Да хоть раз в жизни перестань вести себя как идиот! Выполняй свою работу!

Хинки начал было что-то говорить, но, в редком приступе самоконтроля, замолчал. Снова сгребая в кучу инструменты, он перебрался к тому шкафчику, где лежали кексы.

– Убедитесь, что он осмотрит фотографию в рамке, там, в гостиной, – прошептал Этан Вайсбергу.

– Я сам способен справиться со своими обязанностями, Морган, – отрезал Вайсберг.

Хинки услышал, о чем они говорят:

– Вы о фотографии с рыжей девкой? А она очень даже ничего!

– Заткни пасть, Хинки, – сказал Вайсберг, прежде чем успел вмешаться Этан. Но Хинки продолжал:

– А вы втроем очень мило смотрите на той фотке. Даже не разберешь, кто ее муж. Она-то сама вас различала?

Руки Этана сами сжались в кулаки. Он отвернулся от Хинки и решил выйти из кухни, пока не сделал чего-нибудь такого, о чем потом пожалеет. Но Хинки никогда не умел вовремя остановиться:

– Эй, Морган, а ты никогда не пробовал ее разыграть? Ну, заявиться к ней поздно вечером и притвориться, что это твой брат?

Этан не помнил, как он развернулся. Он не помнил даже, как набросился на Хинки. Однако он хорошо помнил, как врезал ему по зубам, и как у того из рук вылетела банка с порошком, и как он с размаху завалился на пол, а черный порошок посыпался на него сверху.

Хинки инстинктивно закрыл глаза, а когда открыл, они сияли белизной посреди черного, как у актера водевиля, лица.

Именно в этот момент в кухню вошел лейтенант Савала.

Чтобы оттащить Этана от Хинки, понадобились усилия нескольких полицейских. Когда это наконец было сделано, лейтенант Савала приказал выпроводить Этана из дома. Его снова затолкнули на заднее сидение патрульной машины и приказали водителю ехать в больницу Мерси.

К счастью, больница находилась всего километрах в пяти от его дома, так что ему пришлось находиться в этой ужасной машине лишь несколько минут.

Машина остановилась в нескольких шагах от парадной двери, и Циснерос молча отворил перед Этаном заднюю дверцу. Прежде чем отъехать, оба полицейских в последний раз окинули его взглядом, говорящим: «Бедный Этан!»

Этан стоял в зоне высадки посетителей, держа под мышкой «Библию» из стирального порошка, и рассматривал современный фасад больницы – острые углы, зеркальные окна, фигурно подстриженные кусты. С этой стороны больница выглядела весьма элегантно. Этан больше привык к заднему ходу, куда подъезжали машины скорой помощи, – простой двери на белой стене без всяких декораций.

Сенсорные двери разъехались в стороны, предугадав его приход. Этан терпеть не мог больницы. Этим учреждениям удавалось маскировать человеческую слабость при помощи теплых красок, комнатных растений, улыбок, ложного ощущения красоты и порядка; но в действительности, последнее слово всегда было за смертью.

Он шел по просторному вестибюлю со сводчатым стеклянным потолком, упираясь взглядом в пятиметровое деревянное распятие, подвешенное на противоположной стене. Час был поздний, и кроме Этана посетителей не было. За столиком с надписью «Информация» персонал также отсутствовал. Этан шел прямо, пока не обнаружил приемное отделение в дальнем углу вестибюля.

– Як Мередит Морган, – сообщил он коренастой медсестре. – Она только что поступила, так что, возможно, ее еще нет в вашей компьютерной системе.

Сестра, которой на вид можно было дать двадцать с небольшим, подозрительно посмотрела на коробку у него под мышкой. Оказывается, из нее сыпался порошок, уже оставивший след через вестибюль.

– Ой, извините, – сказал Этан. Он остановил поток гранул, зажав потрепавшийся угол в руке. – Это реквизит со школьного спектакля.

– Пациентка – ваша жена? – спросила медсестра, вводя в компьютер имя Мередит.

– Невестка.

– Извините, но приемное время уже окончилось.

– Ее мужа сегодня убили.

Трудно было определить, осознала ли медсестра смысл его слов: что «муж невестки» – это его брат. Как бы то ни было, никаких эмоций она не проявила. Ни шока, ни сочувствия. Она продолжала исполнительно барабанить по клавишам, вот и все. Этан подумал, что, при всей своей молодости, она уже успела насмотреться человеческих трагедий. Они перестали ее шокировать.

На всякий случай он полез в карман за полицейским удостоверением. Он был намерен увидеть Мередит сегодня, сколько бы ни было времени.

– Палата четыреста двадцать шесть. Лифты находятся под крестом.

Этан улыбнулся про себя: вот это они начудили! Интересно, что думает человек, заходя в лифт под крестом и слыша фразу: «Вам вверх или вниз?»

Он снова пошел по бескрайнему вестибюлю, очень явно ощущая свое одиночество. Словно весь мир решил официально сообщить ему: Эндрю мертв, теперь ты остался один.

Он нажал кнопку вызова «вверх», и дверь тут же открылась.

Выйдя на четвертом этаже, он осмотрелся по сторонам, а затем повернул направо. Короткий коридор привел его к медсестринскому посту, который был не только центром всей деятельности, но и географическим центром этажа. Палаты располагались по периметру от него.

За стойкой сидели четыре медсестры, все с опущенными головами. Они читали, писали в историях болезни, раскладывали таблетки по маленьким бумажным стаканчикам. Либо они не замечали Этана, либо попросту игнорировали.

Какая разница? Этан мог и сам найти палату Мередит.

Палата четыреста двадцать шесть оказалась угловой, одноместной. Светильник на потолке был выключен. Все было тихо. Мередит лежала на спине, вытянув руки поверх аккуратно подвернутого по-додеяльника. Ее глаза были закрыты.

Она выглядела точно так, как хотелось бы пресс-службе больницы, – спокойно и умиротворенно, – а вовсе не как женщина, недавно видевшая труп мужа и сама еле выжившая в рукопашной схватке с убийцей. И, тем не менее, она казалась на много лет старше, чем несколько часов назад на спектакле.

Изголовье ее кровати уходило в нишу, обшитую металлом, с горизонтальными неоновыми лампами с обеих сторон. В нише были сосредоточены всевозможные устройства и приборы, гнезда и выключатели; о предназначении некоторых Этан знал, а о других мог только догадываться. На крючке был подвешен кулек с прозрачной жидкостью, медленно капающей через пластиковую трубочку в вену на руке Мередит.

Поставив на стул макет Библии, Этан стоял возле кровати и смотрел на Мередит. Он испытывал облегчение, видя, что она спит. Так лучше. Так ее не терзает боль происшедших событий. Кроме того, он бы не знал, что ей сказать.

Вдруг ее глаза распахнулись. Какую-то секунду ее блуждающий взгляд фокусировался, а затем она вспомнила. Вспомнила все, что случилось. Этан молча стоял рядом.

– О, Этан! – воскликнула она.

Она протянула ему руку, и он взял ее обеими руками. Она прижала его руки к лицу, уткнулась в них и зарыдала. Этан ощущал ее горячее дыхание и слезы.

Она попыталась говорить. Ее слова прерывались рыданиями, но то, что Этан сумел разобрать, тронуло его до глубины души.

– Это было так ужасно! – всхлипывала она. – Сущий кошмар! Он лежал на полу, совершенно неподвижный... Там было столько... столько крови. И я ничего не могла сделать! О, Этан! Я ничего не могла сделать!

Этан чувствовал себя беспомощно. Слова были бы совершенно неуместны – не более чем жалкая претензия на утешение.

Вот поэтому он и ненавидел больницы. В каждой палате, в каждой кровати люди страдали от жестокой боли, а он не мог сделать ровным счетом ничего, чтобы облегчить эту боль. Все, что он мог, – это стоять и смотреть.

Вот и сейчас он стоял, сжимая руку Мередит и глядя, как она плачет. Он ничего не говорил, но ему было очень больно. Больно за Мередит, больно за Ская.

Спустя некоторое время слезы Мередит начали иссыхать. Она взглянула на Этана:

– А ты как?

– Пожалуйста, не спрашивай, – попросил ее Этан. – Это я должен тебя спрашивать. Мне сказали, что ты сильно пострадала.

На Мередит нахлынула новая волна эмоций – очень сильная, судя по тому, каких усилий стоило ее сдержать. Она стиснула зубы. Глаза снова наполнились болью.

– Он избил меня, – прохрипела она. – Он сильно меня избил... и я потеряла ребенка.

Новость свалилась на Этана, как лавина, выбивая почву из-под ног и неся в пропасть.

Он вдруг вспомнил школьную постановку: ребенка в птичьем костюме с наволочкой в руках и шепот из-за кулис: «А как же еще один сюрприз?» Теперь все это прояснилось. Ребенок изображал аиста.

– А Эндрю знал? – спросил Этан.

Мередит отрицательно покачала головой:

– Я хотела удивить вас обоих сразу... посмотреть на ваши лица.

Заходя в двери больницы, Этан думал, что его сердце разбито уже окончательно. Он ошибался. В это мгновение он почувствовал, как оно трещит и хрустит по всему объему, превращаясь в крошечные осколки.

Скай мог бы стать отцом!

Этан не знал более подходящих кандидатур на эту роль. Скай обожал бы даже тени своих детей. Он бы играл с ними, смеялся с ними, воспитывал их, учил бы их гордиться тем, что они – Морганов. Этан всегда говорил Скаю, что продолжить род Морганов – это его святая обязанность.

– Мальчик?

Мерedit кивнула.

Что это за мир, где в один вечер погибают отец и его нерожденный ребенок? Где справедливость?

– Я найду того, кто это сделал, – поклялся Этан. – Обещаю тебе, Мерedit. Я найду того, кто это сделал, и заставляю его расплатиться.

Эта гневная клятва пронзила воздух, подобно молнии в летнюю ночь. Этан сказал это, чтобы успокоить Мерedit, но получилось как раз наоборот.

– Ты видел Эндрю? – спросила она, понизив голос.

– Я только что из дома.

На ее лице снова появилось отсутствующее выражение. Она мысленно вернулась в дом, ко всем тем ужасам.

Этан прикоснулся к ее руке, чтобы увести ее оттуда.

– Я разыщу убийцу, Мерedit. Обещаю.

– Но кто мог такое сделать? Кто, Этан? Кому нужно убивать Эндрю?

– Может быть, он просто спугнул грабителя, и тот открыл огонь?

– Ты так думаешь?

– Не знаю. Некоторые детали не сходятся.

– Ты о чем?

Этан пообещал себе, что сегодня не будет задавать Мерedit никаких вопросов. Но, похоже, ее желание разобраться в происшедшем отвлекало ее от боли. Поэтому он спросил:

– Скажи, у Ская была футболка с эмблемой «Изгоев из Невады»?

– Эндрю терпеть не мог футбол, ты же знаешь.

– Да, знаю. Но, может, он надел эту футболку шутки ради?

– На нем была футболка?

– Да, судмедэксперт обнаружил ее под рубашкой.

– Под рубашкой? – удивилась Мерedit. – Не может быть. Эмблема бы просвечивалась.

Об этом Этан даже не подумал. Когда он видел рубашку с футболкой, они были насквозь пропитаны кровью и прилипли к груди брата.

– Ты права, – отозвался он. – Ты бы это заметила, правда?

Мерedit пожала плечами:

– Я его сегодня практически не видела. Эндрю провел большую часть дня в школе. А я приехала только перед началом спектакля. А ты? Ты ведь видел его вечером. Была ли на нем футболка?

Этан изо всех сил попытался представить себе, как был одет брат, но безуспешно.

– Меня так раздражало все это шоу, что я ничего вокруг не замечал, – ответил он. – Я даже не помню, в каких он был брюках.

Мерedit положила свою руку на его.

– Ты слишком строг к себе, – сказала она. А потом добавила: – В темно-зеленых.

Этан отвернулся, чтобы не выдать презрения к себе. Он, и только он виноват во всем, что произошло. Из-за него Эндрю оказался под прицелом пистолета. А Этан дулся, как ребенок, ничего не замечая. Хотя быть наблюдательным – это его профессия!

– Что это? – спросила Мерedit. Она указывала на что-то за спиной у Этана.

Этан проследил за ее жестом – это был макет Библии.

– Когда Скай так и не появился с Библией, – объяснил он, – начались шуточки о том, что после четырехсот лет надежного хранения мы со Скаем ухитрились ее потерять. Тогда мне презентовали бутафорский экземпляр. Сказали, что мы можем оставить его себе, пока не найдем оригинал.

Этан не видел здесь ничего смешного, но Мерedit все же улыбнулась. Впрочем, улыбка быстро сошла с ее лица.

– Ты видела, как киллер забрал Библию, да? – спросил Этан.

Мерedit кивнула.

– Я верну ее.

Она сжала его руку.

– Пообещай мне, что не станешь лишний раз рисковать. Это всего лишь книга, Этан. Она не стоит еще и твоей жизни.

Этан внимательно посмотрел на нее. Раньше она бы так ни за что не сказала. Как и Скай (если не больше!), Мерedit ужасно гордилась Библией Морганов и всем семейным наследием, символом которого та являлась. Но стоит стать свидетелем убийства, и приоритеты тут же меняются.

Их прервала медсестра, внесшая в палату поднос с бумажным стаканчиком.

– Вы не должны здесь находиться! – обрубилa она. – Я вынуждена попросить вас уйти.

То, как она говорила и несла себя, однозначно указывало: здесь ее царство. Все должны осознавать и принимать неоспоримый факт, что она – королева.

Мерedit решила вступить за Этана:

– Это брат моего мужа.

Сестра налила воды из пластмассового графина в стакан и протянула его пациентке вместе с таблеткой. Она подождала, пока Мерedit не проглотит таблетку.

Ее отношение к Этану несколько смягчилось, но все же она не отступала.

– Мои соболезнования, мистер Морган, – сказала она, – но миссис Морган нужен покой.

Этан взял свою бутафорскую Библию, не забыв заткнуть пальцем дырку в углу.

– А ты уже звонил родителям? – сказала Мерedit ему вдогонку.

– Нет. Я решил, что позвоню из отеля.

– Из отеля?

– В моем доме ведется расследование. Я не могу там сегодня ночевать.

– Так переночуй у нас!

Услышав местоимение множественного числа, они оба потеряли дар речи. Первым пришел в себя Этан:

– Спасибо, но что-то не хочется. Во всяком случае, не сегодня.

Мерedit не стала его переубеждать.

Дойдя до двери, Этан обернулся:

– Полицейские сказали, что, когда они зашли в дом, ты говорила с кем-то по телефону.

Он тут же заметил, что Мерedit заволновалась.

– Ах, да... с мамой. Я позвонила маме. Я сидела там, ждала полицию... очень нервничала, конечно... и решила позвонить маме. Она сказала мне вызвать полицию, а потом снова перезвонить ей. Я не хотела оставаться одна.

Ее глаза нервно бегали из стороны в сторону. Она лгала. Будучи полицейским, Этан достаточно часто слышал ложь, чтобы научиться ее распознавать.

Почему Мерedit лгала?

Медсестра по-прежнему стояла рядом. Улучив секунду, она сказала:
– Вам пора идти. Приходите завтра.

Он снова повернулся к двери.

– Этан!

Опять разворот – и лобовое столкновение с сестрой. Та бросила на него сердитый взгляд.

Но в это время Этан смотрел на Мередит. Судя по всему, она не хотела, чтобы беседа окончилась на лжи, но не могла придумать, что еще сказать. Они обменялись молчаливым соболезнованием.

– До завтра, – попрощался он.

Уже в вестибюле он понял, что у него нет машины. Он достал из кармана телефон, и палец сам потянулся к кнопке быстрого вызова брата. Этан перевел дыхание.

Он думал было позвонить в участок, но решил, что на сегодня хватит сочувственных взглядов и езды на заднем сиденье.

Набрав справочную, он узнал телефон такси. Диспетчер спросила, где он находится и куда направляется. Этан с трудом нашел что ответить. Он понятия не имел, куда он направляется.

* * *

Этан сидел на краешке гостиничной кровати. По дороге таксист рассказал ему, что поселяет в этот отель свою мать и несносного отчима всякий раз, когда они приезжают в гости из Луисвилля. Он готов заплатить любые деньги, чтобы не смотреть с отчимом бейсбол по вечерам.

На тумбочке лежала бутафорская Библия. Небольшая кучка порошка просыпалась на поверхность, отделанную «под дерево». Не считая мобильного телефона, эта коробка была единственным предметом, который Этан принес с собой. У него не было никакого багажа – ни пижамы, ни зубной щетки, ни каких-либо туалетных принадлежностей.

Он сидел, опустив плечи, держа палец на кнопке вызова. Звонок должен был соединить его с родителями, живущими в Лас-Вегасе.

За всю карьеру полицейского ему только однажды пришлось сообщать родителям о смерти их ребенка. Это был подросток, разбившийся в автокатастрофе; за рулем был его приятель. Было поздно. Они сильно превысили скорость. Родители поняли, что дело плохо,

как только увидели на пороге двух человек в форме – в два часа ночи. Они показались Этану хорошими людьми. Хорошими родителями. Этан подумал, что они не заслужили таких новостей.

И теперь его посетила та же мысль. Отец, ветеран войны во Вьетнаме, уже и так насмотрелся на смерть и ужасы жизни. Мать потеряла брата (он разбился на мотоцикле) и первого ребенка на раннем сроке беременности. Но, сколько бы трудностей ни выпало уже на их долю, эта новость сразит их наповал.

Этан нажал кнопку. На другом конце раздался сигнал вызова.

Этан пытался отрепетировать несколько фраз, надеясь, что сумеет смягчить удар. Но разве есть такая «мягкая форма», чтобы сказать отцу и матери, что их сына – лучшего из двоих – сегодня убили?

Телефон продолжал звонить.

Этан запаниковал. А что если мама возьмет трубку? Он не сможет ей сказать. Достаточно трудно сказать об этом отцу, но матери – невозможно. Невозможно. Но если она возьмет трубку, он не сможет попросить отца к телефону. Она тут же поймет, что что-то случилось. А если отца не будет дома? Ведь нельзя просто сказать: «Я перезвоню попозже». Не в этом случае. Придется ей сказать.

Телефон продолжал звонить. Этан уже почти повесил трубку.

– Алло?

Этан с облегчением закрыл глаза.

– Привет, папа.

– Этан, это ты?

Отец безошибочно различал сыновей по внешности. Но по телефону их голоса звучали очень похоже. Впрочем, теперь с этим проблем не будет. У него остался только один сын.

– Да, я.

– А мы уже ждем твоего звонка, – сказал отец.

Этан выпрямился. Неужели им уже сообщили? Но кто мог это сделать? Нет, погодите... они ничего не знают. У отца совершенно неподходящий голос.

– Сегодня ведь премьера, правда? – спросил отец.

– А, ты об этом... Да.

– Ну и как? Как все прошло? Понравилось смотреть на историю своей семьи в детском исполнении?

– М-м-м... Да, все прошло хорошо. Послушай, папа. Я рад, что ты взял трубку, а не мама.

На том конце провода воцарилась мертвая тишина. Этан прокашлялся.

– Папа, боюсь, что у меня плохие новости.

– О Боже... это Эндрю?

– Да, папа. Эндрю.

* * *

Лежа на спине на чужой кровати, в крошечной тьме, Этан смотрел в потолок. Сон к нему не шел. Видимо, здесь слишком воняло смертью.

«Ну что ж, Скай, куда нам дальше идти?»

Он ждал ответа. Вопрос не был риторическим.

Проговорив с родителями больше часу, Этан спустился к консержу и попросил набор туалетных принадлежностей. Затем он купил банку газировки из автомата в конце коридора. Он вернулся к себе в номер, включил телевизор и начал переключать каналы, избегая новостей. В криминальных сюжетах репортеры всегда все перекручивают, а сегодня это бы разозлило его вдвойне. Он посмотрел несколько сюжетов из комедийных сериалов, а также финал женского чемпионата страны по бильярду, проходящий в Атлантик-Сити.

Он боялся выключить свет и лечь спать. Темнота и одиночество – два ночных демона; они сильнее всего, когда работают в паре. Но не выключать свет казалось ребячеством, поэтому около четырех утра он повернул выключатель и погрузился во тьму. К его удивлению, он был не один.

Этан не мог этого объяснить, но в комнате присутствовал кто-то хорошо знакомый. Как в те времена, когда у них со Скаем была одна спальня на двоих. Это было настолько ощутимо, что он бы не удивился, услышав шорох простыней на другом конце комнаты.

– Как в старые добрые времена, да? – сказал Этан, улыбаясь в темноте.

Эндрю согласился. Без слов. Но Этан почувствовал, что он согласен. Почему-то их общение совсем не казалось ему странным.

За всю свою жизнь Этан с Эндрю слышали массу мистических историй о близнецах: как они читали мысли друг друга, заканчивали

предложения друг друга, ощущали одни и те же чувства, находясь на огромном расстоянии. Историй, в которых один близнец ощущал смерть второго, находясь на другом конце земного шара. Или же они умирали в одно и то же мгновение.

При жизни Эндрю эта мистика полностью отсутствовала. Они были совершенно независимы друг от друга. Но смерть все изменила. Теперь они стали ближе. Так близко, что Этан ощущал брата внутри себя. У них было одно сердце, один разум.

– Мне страшно, Скай, – сказал Этан. – Теперь все лежит на мне, да?

Эндрю опять согласился. *Ты справишься. Ты обязательно справишься.*

– Да, тебе легко говорить...

Этан заплакал. Вытирая слезы со щек, он прошептал:

– Я не плакал с тринадцати лет.

С того дня, как тебя не взяли в команду по плаванию.

Этан улыбнулся.

– А ты все помнишь!

Тебе не нужно стыдиться слез. За один вечер ты потерял брата-близнеца, нерожденного племянника и Библию – фамильную драгоценность с четырехсотлетней историей. Поэтому сегодня можешь поплакать. А завтра мы начнем приводить все в порядок.

С разрешения брата Этан лежал в темноте и плакал.

Глаза Этана нестерпимо болели, а веки казались окаменевшими от недостатка сна. Как в тумане, он добрел до ванной. Но, хоть тело ныло и трещало, на душе у него было легко. Он был счастлив. Уже много лет он так сердечно не говорил с братом.

Он умылся, почистил зубы и причесался дешевой расческой из гостиничного комплекта. Одетый во все то же, что и вчера, он спустился в кафе позавтракать. На завтрак он заказал стандартное утреннее меню: два яйца, два кружочка зажаренной колбасы, тост и кофе.

Обычно за завтраком он просматривал заголовки свежей газеты. Но сегодня он просто присматривался к новому миру, в который его неожиданно забросило против его воли, – миру, где он был единственным ребенком в семье и отвечал за сохранность семейного наследия, при этом не обладая его основным гарантом – многовековой Библией.

Он ощущал острую потребность вновь утвердить контроль над собственной жизнью. С тех пор как он услышал новость о Скае, он только и делал, что корчился от боли, как тот боксер, которого бросают на канаты. С началом нового дня начался и новый раунд. Перейдя в наступление, он так и рвался нанести пару хороших ударов – найти убийцу брата.

Вместо сигнала, возвещающего о начале второго раунда, Этан услышал телефонный звонок. Это был лейтенант Савала. Полиция закончила обследовать место преступления. Один из инспекторов передаст ему ключи от дома. Савала посоветовал ему взять несколько выходных.

Едва притронувшись к завтраку, Этан вытер рот салфеткой, бросил ее сверху на тарелку и попросил, чтобы Савала немедленно прислал этого инспектора за ним в отель.

Напоследок он заявил лейтенанту, что хочет присутствовать на завтрашнем совещании следственной группы. Савала начал было его отговаривать, но Этан настаивал. Взяв с него обещание «хорошо себя вести», Савала пообещал позвонить Вайсбергу и сделать все что в его силах.

Этан попросил счет. Второй раунд начался.

* * *

Остаток дня Этан посвятил уборке своих владений, превращая место преступления в свой дом. Для начала он сорвал с пола ковровое покрытие, запятнанное кровью. Он думал было нанять для этого рабочих, но решил, что ему будет полезно выплеснуть накопившуюся энергию. Затем он взялся за все черные пятна, которые оставил после себя Хинки. Их было множество, и после первой сотни Этан прекратил их считать. При помощи растворителя, силы рук и крепких словечек ему удалось смыть почти весь черный порошок со стен, шкафчиков и подоконников.

В час дня он по-спартански перекусил: сыр, сельдерея, бутылка минеральной воды. Все мышцы болели от срывания ковра, но он яростно оттер себя в душе, надел чистую одежду и отправился в больницу. Ему предстояла куда более тяжелая задача, чем уборка дома, – выяснить, как будут складываться его отношения с Мередит теперь, когда Ская нет в живых.

Все пошло наперекосяк с самого начала, как только он вошел к ней в палату. Мередит оторвала глаза от журнала, открыла рот и замерла, как будто увидела мужа, воскресшего из мертвых.

Секунду спустя она разразилась слезами.

– Мередит, извини! – сказал Этан. – Я должен был вначале позвонить.

Она помахала платком – мол, ничего страшного.

– Нет, правда... Я должен был предупредить тебя.

– Тебе не за что извиняться, – заверила она.

Мередит и Скай всегда были так близки... Этан подумал: а наступит ли время, когда она сможет спокойно на него смотреть, не видя при этом покойного мужа?

Она рассказала, что доктора оставляют ее в больнице под наблюде-

нием еще на один день. Ей прописали антидепрессанты и сеансы психотерапии у больничного психолога. Кроме того, ее регулярно проводывал местный капеллан, а также служители и друзья из церкви, которую посещали они с Эндрю.

Этан также узнал, что из Огайо прилетает ее мама и останется с ней до похорон. Хотя он и порадовался за Мередит, но понял, что это еще больше затруднит их общение. Оливия Купер одобрительно относилась к Эндрю, но явно недолюбливала Этана. Ее обращение с ним варьировалось от прохладного до откровенно холодного.

Уйдя из больницы, Этан допоздна продолжал драить свой дом, как будто при этом очищал его от злых духов, посетивших его. К сожалению, он никак не мог начисто выдраить свою память. Воспоминания снова нахлынули на него поздно вечером, когда он включил телевизор в гостиной, чтобы посмотреть бейсбол. Опуская глаза на пол, он всякий раз видел у своих ног труп Ская. Он старался изгнать эти воспоминания из головы, но с таким же успехом мог бы попробовать разогнать тучи в небе.

Этан решил посмотреть бейсбол в баре неподалеку.

* * *

Через день после убийства брата Этан вышел на работу. Полицейское управление Сан-Диего занимало целый квартал в восточной части города, на пересечении Бродвея и 14-й улицы, в полутора километрах от скоростной трассы номер пять.

Здание было квадратным и унылым, высотой в семь этажей. В 1987 году, когда его только построили, скучный серо-синий фасад вызвал шквал критики. Хотя полиции и было необходимо новое помещение, оно так сильно отличалось от прежнего романтического здания в испанском стиле на Маркет-стрит, в точке, называемой «Пятачок Мертвецов».

Когда-то там были похоронены моряки, погибшие при обследовании и составлении карт бухты Сан-Диего. Сейчас эту территорию объявили архитектурным заповедником.

Этан проехал через уличную парковку к подземному паркингу для сотрудников. Поставив машину, он поднес удостоверение к сканирующему устройству, открыл входную дверь и поднялся на лифте на

четвертый этаж, который делили между собой отдел расследования убийств и коммуникационные службы.

Следователи часто проводили совещания, чтобы обменяться информацией. Таким образом, каждый знал то, что и все остальные. Этана допустили на совещание с одним условием – тот не должен вступать ни в какие пререкания с детективом Хинки. Этан не возражал. Он согласился бы надеть высокие каблуки и костюм Санта-Клауса, чтобы только туда попасть. Каждая следственная группа занимала квадратный кабинет пять на пять метров, где едва помещались рабочие столы, несколько стеллажей с бумагами и пара стульев для посетителей. На каждом столе было по компьютеру и телефону. Полицейские сидели лицом к стене и, соответственно, спиной к центру комнаты.

Этан прибыл как раз к началу встречи. Он еле заметно кивнул Вайсбергу – в знак благодарности за то, что ему позволили здесь быть, – присмотрел свободный стул и уселся, больше никого не приветствуя. Вайсберг бросил на него предупреждающий взгляд.

– А он что здесь делает? – возмутился Хинки.

Хинки имел нездоровый вид. Он выглядел похудевшим – глаза запали, на лице четко просматривалась каждая морщинка. Этот эффект создавался порошком для снятия отпечатков, который въелся во все углубления на его лице и уже не отмывался.

Этан подавил в себе смех, но улыбка все же прорвалась наружу. Этой улыбки было достаточно, чтобы спровоцировать Хинки. Тот сорвался со стула и направился к нему, но Вайсберг приказал ему сесть. Из сдавленных смешков в комнате стало ясно, что других полицейских тоже забавляет внешний вид Хинки.

– Какие новости по делу Моргана? – спросил Вайсберг, начиная встречу. – Осорио, начинайте.

Айви Осорио была смуглой брюнеткой, которая, улыбаясь, выставяла напоказ не только зубы, но и десны, и поэтому очень стеснялась своей улыбки. Этан знал о ней мало, разве что тот факт, что иногда она слишком усердно старалась доказать, что она не хуже любого мужчины. Говорили, что она может быть злопамятной, но в целом ее профессионализм не вызывал у Этана сомнений.

Осорио зачитала записи из своего блокнота.

– Телефонный номер, отображенный на мобильном телефоне

погибшего, явно неправильный, – сказала она. – Станции «четыре-ста тридцать один» не существует. Есть четыреста тридцать – город Тайлер, штат Техас. Есть четыреста тридцать два – Одесса, штат Техас. Но четыреста тридцать первого нет.

– Возможно, он нажал не ту кнопку, – сказал Вайсберг, – это было бы вполне понятно в данных условиях.

– Да, я об этом думала, – ответила Осорио. – Но в какой цифре – или цифрах – ошибка? Два? Три? Единица? А может, в двух из них? Или во всех трех?

Она развернула свой блокнот, чтобы всем было видно. Страница была исписана комбинациями из трех цифр.

– Я обыграла все возможные комбинации, пытаюсь сопоставить их с номерами из внутренней памяти мобильного телефона, но безуспешно.

Вайсберг повернулся к Этану:

– Вы не знаете, имелись ли у вашего брата знакомые в Тайлере или Одессе?

– Не знаю, – ответил Этан. – Но это не означает, что не было. У него были деловые контакты по всей стране. Вам нужно спросить у Мередит.

Он тут же пожалел о сказанном – ну конечно, они спросят у Мередит. Они и сами знают, как вести следствие. Поморщившись, он сделал извиняющийся жест рукой:

– Простите, молчу.

Все отнеслись с пониманием и не оскорбились – разумеется, за исключением Хинки.

Вайсберг продолжил:

– Финч, что говорит баллистика?

Детектив Бобби Финч прокашлялся, готовясь к докладу. Круглолицый, с торчащими ушами, он очень напоминал Чарли Брауна, известного персонажа комиксов. У него было необычное и горячо любимое хобби – метание подков. Все, кто когда-либо бывал на полицейских пикниках, могли рассказать какой-нибудь курьезный случай о Финче и его подковах.

Финч сделал доклад, намеренно избегая зрительного контакта с Этаном:

– В жертву было выпущено четыре пули сорок пятого калибра, с близкого расстояния. По заключению медэксперта, сердце и жизненно важные органы задеты не были. Смерть наступила в результате потери крови. Если бы пострадавшему была вовремя оказана медицинская помощь, его можно было бы спасти.

В комнате воцарилась тишина. Соперником полиции часто выступает время, и это соревнование они проиграли. Всем было тяжело это слышать.

– Воллах, – сказал Вайсберг, – что вы узнали от соседей?

Билл Воллах был самым старшим членом группы, о чем свидетельствовала седина у него на висках. Он терпеть не мог внутренние интриги и совершенно не стремился к повышению. Ему нравилось работать следователем, и он делал это добросовестно и профессионально.

– Никто не слышал и не заметил ничего необычного до прибытия полиции, – сообщил Воллах.

– Не может быть! – воскликнул Этан. – Они что, засунули свои головы в холодильники? Был теплый вечер, окна были открыты. Как можно было не услышать выстрелов?

Еще одно косвенное обвинение в том, что полиция плохо работает. Слегка обидевшись, Воллах аргументировал свой доклад:

– Соседей по обе стороны не было дома во время стрельбы. Одним домом дальше супруги по фамилии Блэкберн сказали, что вроде бы слышали выстрелы. Но они оба слегка глуховаты и как раз смотрели телевизор на повышенной громкости. Время, когда они якобы слышали выстрелы, не совпадает со временем пребывания убийцы в доме, по нашим сведениям.

С каждым докладом настроение Этана ухудшалось. Следствие только началось, но пока что никакие показания или улики не выглядели многообещающе.

– Хинки, – сказал Вайсберг, – вам слово.

Хинки поднял голову и одарил Этана наглым оскалом.

– Как я и подозревал, отпечатков пальцев нигде не было. Ни на кухонном подоконнике, ни на шкафчиках, ни на обертках и банках. Нигде! Убийца был в перчатках.

Глядя на Этана сияющим взглядом, он добавил:

– Уж поверьте мне, я ничего не пропустил!

Он хихикнул, довольный собственным остроумием.

Этан стиснул зубы, изо всех сил стараясь промолчать. Не хотелось давать Хинки сатисфакцию.

Финч помахал Хинки:

– Эй, Брайан, у тебя что-то вот здесь, – он указал соответствующее место на своем лице.

Хинки попытался вытереть там, куда показывал Финч.

– Ой, извини, обознался, – сказал Финч. – Видимо, это твое новое косметическое средство.

Хинки злобно выругался, а все остальные дружно засмеялись.

– А что насчет футболки «Изгоев из Невады»? – спросил Этан.

Вайсберг ждал этого вопроса:

– Я спрашивал у жены вашего брата, и она не могла ни подтвердить, ни опровергнуть то, что у него была такая футболка.

– Не было! – уверенно заявил Этан. – А даже если бы и была, в тот вечер он бы ее не надел. Ведь на нем была парадная рубашка.

– Ну и что? Мужчины часто носят футболку под рубашкой, – сказал Хинки.

– Не с таким ярким рисунком, – вступил в разговор Воллах. – И не те, у кого есть хоть какой-то вкус. А судя по тому, что нам известно о погибшем, это был парень со вкусом.

– Мой брат ни за что бы не надел спортивную футболку под рубашку, – повторил Этан.

– Но факт тот, что он это сделал, – огрызнулся Хинки.

– Вы видели своего брата раньше в тот вечер, – обратился к Этану Вайсберг. – Можете ли вы с уверенностью утверждать, что на нем не было футболки?

– Точно не скажу, – признался Этан. Пришлось говорить правду, как бы сложно это ни было.

– Но давайте предположим, что это не его футболка, – продолжил он. – С какой стати убийца заставлял бы Эндрю надеть эту футболку, прежде чем его расстрелять?

– У тебя есть какие-то данные в пользу того, что его заставили? – язвительно спросил Хинки.

– Я знаю своего брата. Этого достаточно.

Вайсберг не согласился:

– Видимо, вы исходите из той предпосылки, что взлом и убийство вашего брата как-то связаны с делом Корби из Лас-Вегаса?

– С делом Корби? – недоуменно спросила Осорио.

– Да, это давнишнее дело, – Этан не стал вдаваться в подробности, любопытствуя, что скажет Вайсберг. Тот понял и продолжал:

– Полицейское управление Лас-Вегаса подтвердило, что у Корби остался брат. По моему запросу, они его проверили. Извини, Этан, но у него железное алиби.

– Только не говорите, что алиби – это его мама, – заявил Этан. – Она скажет что угодно, чтобы выгородить своих мальчиков. Во время суда она сообщила журналистам, что это она была за рулем грузовика.

– Нет, на этот раз не она, – ответил Вайсберг, – а данные с его места работы. В тот день он отработал полную смену. Об этом свидетельствуют его непосредственный начальник и запись в учетном журнале. Он никак не успел бы приехать в Сан-Диего, чтобы убить Эндрю Моргана.

– Он работает в компании по измельчению документов «Железный Кулак»? – спросил Финч.

– Да, кажется так, – ответил Вайсберг. – А что?

Финч взял со своего стола книгу и предъявил всем:

– Вообще-то это не имеет отношения к делу. Просто это одна из компаний, принадлежащих Мэлори Саймону.

Книга, которую Финч держал в руках, лежала на многих столах в полицейском управлении. Многие сотрудники участвовали в конференции в Лас-Вегасе, на которой автор этой книги был главным выступающим.

Мультимиллионер Мэлори Саймон сколотил свое состояние в новой области бизнеса, переживающей необыкновенный подъем: он производил аппараты для измельчения секретных документов. Раз в два года он проводил семинар по лидерству и мотивации на основе своего бестселлера «Три гигантских шага к успеху». Это был один из самых популярных семинаров в Америке. На него приезжали даже иностранные делегаты.

– Как бы там ни было, – Вайсберг решил вернуть разговор к его теме, – линия Корби упирается в тупик. Давайте подумаем о мотивах

преступления. Осорио, вы распространили информацию по ломбардам?

– Так точно, – ответила Осорио. – Мы обзвонили все местные ломбарды, а также разослали им вот эти листовки.

Она раздала всем зеленые листки с описанием фамильной Библии Морганов и требованием немедленно сообщить в полицию, если кто-то попытается заложить ее в ломбарде.

– Патрульные машины развозят их по всем ломбардам в округе, – сказала она. – Мы также опубликовали эту информацию в Интернете, а сейчас предупреждаем торговцев антиквариатом и редкими книгами, чтобы они не пропустили эту книгу, если она появится.

Вайсберг кивнул. Видимо, он был доволен и считал, что дело продвигается настолько хорошо, насколько это возможно. Этан не разделял его удовлетворения.

– Есть ли еще комментарии по делу Моргана? – спросил Вайсберг, закрывая эту папку и переходя к следующей.

Никто не отозвался.

– Можете идти, – сказал Вайсберг Этану. – Я буду держать вас в курсе событий.

Этан встал. Никто на него не посмотрел. Даже Хинки.

Прежде чем выйти, Этан задал еще один вопрос:

– А как зовут Корби?

– Какое это имеет значение? – удивился Вайсберг.

– Никакого. Просто любопытно.

Вайсберг прищурился, словно пытаясь прочесть в глазах Этана скрытые мотивы. Ничего не разглядев, он ответил:

– Ричард. Ричард Корби.

Через лабиринт стенок и перегородок четвертого этажа Этан прошел в кабинет своей следственной группы номер четыре в северо-восточном углу здания. Из всех необъяснимых обстоятельств, сопровождающих смерть его брата, больше всего его терзала эта футболка. Скай и «Изгой из Невады» были настолько несовместимы, что на это нельзя было закрывать глаза.

Конечно, этот странный факт мог замыкаться сам на себя. Может быть, Скай проиграл пари или придумал какой-то розыгрыш. Вот, например, Мередит сюрприза ради нарядила какого-то ребенка

в костюм аиста. Может быть, и Скай придумал какой-то сюрприз? Хотя это маловероятно. Скай знал, как болезненно Этан пережил инцидент в Лас-Вегасе. Если это была шутка, то какая-то неудачная.

Но если он надел футболку не добровольно, значит, его заставили. Под прицелом пистолета? Из мести за Лас-Вегас? Вполне возможно, особенно если убийца знал, что Скай – его брат.

Нет, если убийца думал, что Скай – это я. Тогда это точно месть, заключил Этан.

Ричард Корби был явно к этому причастен, если не прямо, то косвенно. Вайсберг заблуждался. И если он не собирается распутывать эту нить, тогда этим займется Этан.

Этан сел за свой стол и включил компьютер. Занятые своими делами, другие полицейские даже не подняли глаз. На столе у Этана лежало дело о сотруднице фармацевтической компании, которая украла с работы медикаменты и отравила своего мужа. Этан отложил его в сторону и запустил на компьютере адресный справочник Лас-Вегаса. Через несколько секунд у него уже был домашний адрес Ричарда Корби.

* * *

Случай с Корби, произошедший в Лас-Вегасе, получил широкую общественную огласку. Хотя невиновность Этана в перестрелке была доказана, факт оставался фактом: погибли два человека. Одного застрелил он сам, второго не смог спасти.

Когда родители Этана, еще в достаточно молодом возрасте, вышли на пенсию и переехали в Лас-Вегас, он переехал вместе с ними. Бак Морган был преуспевающим владельцем компании-поставщика электричества. Еще в начале своей карьеры ему посчастливилось правильно вложить деньги: он приобрел «Кволкомм» по той единственной причине, что тот находился по соседству. Когда акции «Кволкомма» стремительно возросли в цене, Морган-старший ушел на пенсию, решив, что в жизни есть дела поважнее, чем ставить столбы и натягивать провода. Он продал свой бизнес и переехал в Дезерт-Спрингс – район Лас-Вегаса, построенный для таких же богатеньких пенсионеров, как он. Там он совершал утренние прогулки, выпивал лобзиком трехногие деревянные табуретки и раскладывал пасьянсы на компьютере.

Яркие огни казино его совершенно не привлекали. Он выбрал Лас-Вегас, поскольку тот понравился ему расположением и размером. Он решил, что полумиллионный город с процветающей туристической индустрией способен снабжать своих жителей бесперебойной электроэнергией, чистой водой и удобным авиасоединением, чтобы он всегда мог слетать в Сан-Диего к внукам, если его сыновья произведут таковых на свет.

Закончив полицейскую академию, Этан сразу же переехал в Лас-Вегас. Он рвался к перемене пейзажа и взятию новых высот. К тому времени, когда он смертельно ранил Роджера Корби, он прослужил в полиции уже десять лет.

«Изгои из Невады», команда, входящая в национальную футбольную лигу, постоянно нанимала полицию Лас-Вегаса для охраны матчей. В духе своего пестрого города фанаты «Изгоев» были известны вызывающими костюмами и устрашающим поведением. Один спортивный журналист из Нью-Йорка написал о них: «Чего еще следует ожидать? Мозги этих людей плавятся под раскаленным солнцем пустыни шесть месяцев в году. Они темпераментны, как семейство мафиози, приятны в общении, как скунсы на вечеринке, дружелюбны, как гремучие змеи». Как игроки, так и фанаты лидировали по количеству скандалов, заворушек, штрафов и арестов.

Была середина октября. Фанаты «Изгоев» ждали игры с «Вашингтонскими краснокожими» еще с прошлогоднего чемпионата, когда гол, забитый «Краснокожими» в последнюю долю секунды, отправил их в финал, а «Изгоев» – по домам. Позднее, при замедленном повторе, выяснилось, что гол был забит уже по истечении игрового времени, однако решение судей не подлежало критике. Все лето фанаты «Изгоев» носили в груди затаенную обиду.

Этан осуществлял пешее патрулирование зоны парковки. Охрана приносила дополнительный заработок, а он копил деньги на новый кабриолет «мустанг»: красный с серебристыми гоночными полосками, с кожаным салоном и ручной коробкой передач (а не какой-нибудь «автомат» для «чайников!»).

Как правило, патрулирование перед матчем сводилось к решению споров о месте парковки, просьбам приглушить звук магнитол, отказам от предложений «выпить пивка», изредка – к задержанию тех,

кто уже успел напиться. Но это был матч с «Краснокожими», и у всех на уме было одно слово – возмездие.

До Этана и его напарника – новичка из Орегона, впервые патрулировавшего футбольный матч, – дошел слух, что в секторе G-4 фанаты захватили нескольких человек из группы поддержки «Краснокожих». Они направились туда, чтобы выяснить, что произошло.

Там они увидели толпу, собравшуюся вокруг черного пикапа с несоразмерно большими колесами. Сверху на кабине стоял парень в одних трусах и ковбойских сапогах, размахивая огромным флагом «Изгоев» и вопя, словно дух смерти.

В кузове, связанные и с кляпом во рту, стояли на коленях пять человек в футболках и кепках с символикой «Вашингтонских краснокожих».

Этан вызвал подкрепление.

Судя по всему, немедленной угрозы ситуация не заключала, однако могла повернуть на худшее. Поначалу плененные болельщики выглядели скорее раздраженно, чем испуганно. Толпа (состоявшая, по оценке Этана, примерно из ста подвыпивших фанатов) также пока довольствовалась словесным насилием. Но одна лишь искра – меткое слово, азартная идея – могла бы привести к большому взрыву.

Партнер Этана схватился за дубинку, словно сэра Ланселот, вытаскивающий из ножен меч. Это было похоже на акт самозащиты. Он не на шутку перепугался.

Этан попросил его успокоиться. Пока что они не собирались вмешиваться. Сначала нужно было выявить зачинщиков беспорядка.

Судя по всему, их было четверо, включая вопящего знаменосца. Двое парней в черных ковбойских шляпах и банданах стояли бок о бок позади машины, у откидного борта, явно довольные собой и вниманием, которое перепало им от толпы. Третий ходил взад и вперед – огромных размеров культурист с обнаженным торсом и в джинсах настолько обтягивающих, что они казались нарисованными.

Позднее Этан узнал, что полубоюбленного гиганта звали Роджером Корби и он был профессиональным борцом, известным на ринге под кличкой Смертоносный Удар.

Явно получая удовольствие от шоу, Корби прохаживался перед пленниками, иногда останавливаясь, чтобы поиграть мускулатурой

и порычать к пушному восторгу толпы. Вскоре он развернулся и кинул клич: «Снять скальп с „Краснокожих“!»

Толпа взревела и подхватила клич. Началось скандирование.

«Снять скальп с „Краснокожих“!»

«Снять скальп с „Краснокожих“!»

«Снять скальп с „Краснокожих“!»

Корби запрыгнул в кузов к жертвам, дирижируя криками толпы. Теперь пленники испугались. Один из них заплакал.

Этан огляделся, ища глазами подкрепление, но увидел только новых фанатов «Изгоев», стекавшихся со всех сторон, чтобы поглазеть на зрелище.

– Мы вступаем в игру, – сказал Этан новичку. – Чтобы поговорить. Только поговорить и все. Понятно? Наша задача – разрядить обстановку.

Новичок нервно кивнул:

– А можно...

Он поднял вверх дубинку. Она дрожала. Этан боялся, что если приказать ему спрятать дубинку, то в критический момент он полезет за пистолетом. Уж лучше пусть его руки будут заняты дубинкой.

– Опусти ее и спрячь за спину, – скомандовал он. – Не поднимай без крайней необходимости.

Новичок согласился.

Прокладывая дорогу руками, Этан просочился сквозь толпу, а новичок – вслед за ним. Их появление привлекло внимание Корби. Он развернулся к ним лицом. Возвышаясь над своими пленниками, он смотрел на Этана с платформы пикапа, видимо, считая себя богом с Олимпа.

– Кажется, вы словили себе парочку краснокожих, – прокричал ему Этан, стараясь вести беседу в шутовском тоне.

Друзья Корби следили за ними, оскаливаясь, словно пьяные гиены.

– Ага, и вечер только начинается! Словим еще!

Связанные краснокожие смотрели на Этана умоляющими глазами.

– Может быть, на поле, это да! – сказал Этан. – Но здесь, боюсь, охота окончена. Развяжите их, и пусть себе идут.

– И не подумаю! – заявил Корби, сгибая и разгибая руки, словно все можно было решить демонстрацией мускулов.

Тем временем дружки Корби окружили напарника Этана, который судорожно сжимал свою дубинку. Маньяк на крыше пикапа продолжал орать и размахивать флагом, в его глазах явно читалось действие наркотиков.

Этан не упускал из виду Корби. Тот был тяжелее Этана как минимум килограммов на пятнадцать; его грудь, руки и ноги казались просто необъятными. До прибытия подкрепления Этан предпочел бы не переходить от слов к делу. Пока Корби общается с ним, пленники вне опасности. Единственное, о чем беспокоился Этан, – это чтобы его напарник продержался необходимое время. Хотелось проверить, как он там поживает, но Этан не решался отвести взгляд от Корби.

– Ты ведь не хочешь сделать им ничего плохого, – продолжил беседе Этан.

– Ха! Ошибаешься!

– Нет, я точно знаю, что не хочешь! Ведь тогда тебе придется пропустить игру!

Для октября солнце Невады палило слишком сильно, добавляя жару к без того уже разгоряченной толпе. Скандирование с требованием скальпов краснокожих возобновилось. Знаменосец безудержно орал. Корби совсем осмелел, воодушевленный поддержкой толпы.

Внезапно у Этана появилась новая проблема. Краем глаза он увидел, что одному из приятелей Корби удалось выхватить дубинку у его напарника. Хулиган поднял ее над головой, как трофей, и скалился, показывая полный рот черных зубов.

Новичок-полицейский потянулся рукой к пистолету.

Этан схватил его за запястье. Только этого и не хватало, чтобы испуганный коп размахивал пистолетом под носом у толпы!

Парень с дубинкой заметил, как новичок потянулся к пистолету. Он взял дубинку так, как будто это была бейсбольная бита, и изо всей силы ударил новичка по голове. Раздался треск такой громкий, что толпа на минутку притихла. Полицейский рухнул на землю, словно мешок с костями.

То, что произошло дальше, заняло всего несколько секунд.

Поскольку Этан все еще держал напарника за запястье, тот, падая,

повлек его за собой. Этан чуть было не завалился сверху, а тем временем парень с дубинкой готовил новый удар, на этот раз по голове Этана. Дубинка поднялась в воздух и на мгновение застыла в верхней точке траектории, а потом начала опускаться как раз в тот момент, когда Корби ринулся вниз на Этана, закрывая собой солнце. Выпустив напарника, Этан перехватил дубинку на полпути, сделал шаг в сторону и завершил удар, направив его прямо в челюсть Корби и сбивая его с ног. Этан готов был поклясться, что земля задрожала, когда тот рухнул. Дальше в дело вступили его сноровка и подготовка. Не теряя ни секунды, он прижал Корби коленом, отвел его руки за спину и защелкнул наручники, синхронно с прибытием еще полдюжины охранников.

С захватом предводителя бойцовский дух покинул двух гиен, и их удалось взять достаточно легко – чего не скажешь об обкуренном знаменосце. Понадобилось несколько залпов из электрошокового пистолета, чтобы снять его с крыши. Как только болельщики «Краснокожих» были освобождены, толпа рассосалась, переключившись на начинающуюся игру.

На следующий день Этану досталось немало дружеских шуточек на работе. В местной газете написали, что он вполне может претендовать на звание чемпиона мира по борьбе, поскольку нокаутировал Роджера Корби по прозвищу Смертоносный Удар в первом же раунде.

Скай прислал Этану шарж, где изобразил его в полицейской форме, стоящим на спине побежденного борца с поясом чемпиона в поднятых руках.

Напарник Этана провел несколько дней в больнице с сотрясением мозга, но успел выписаться к церемонии вручения Этану грамоты «за профессионально проведенную операцию».

Этан думал, что на этом все кончится. Но не тут-то было.

Двумя неделями позже «Изгой из Невады» принимали у себя «Оклендских рейдеров». Журналисты прозвали этот матч «фанкошмаром», поскольку болельщики обеих команд вырядились поистине устрашающе. Вдобавок ко всему матч выпал как раз на Хеллоуин.

Патрулируя парковку, Этан чувствовал себя так, будто попал в фильм ужасов. Ряд за рядом, черно-золотые костюмы сталкивались

или пререкались с черно-серебристыми. До начала матча оставалось еще два часа, а охрана уже задержала около пятидесяти человек за нарушение общественного порядка, как правило, в нетрезвом виде. Этан уже разнял две драки – одну между мужчинами и одну между женщинами. Он впервые патрулировал матч между «Изгоями» и «Рейдерами» – и поклялся себе, что в последний. Те деньги, что ему платили, этого никак не компенсировали.

На минуту он остался один. Его напарник задержался, объясняя дорогу к главным достопримечательностям Лас-Вегаса туристу из Висконсина в шляпе в виде куска сыра² (Этан ума не мог приложить, как того занесло в землю «Изгоев»).

Этана отвлек запах *карне асада* – мяса, маринованного по-мексикански и поджаренного на гриле. Упитанный мужчина в ковбойской шляпе из оранжевого поролона – в знак поддержки «Изгоев» – и кожаном жилете с бахромой снимал с переносного гриля ароматные куски мяса, а двое сыновей-подростков уже стояли наготове с тарелками, выстланными тортильями. Рядом на складном столике стояли мисочки с тертым сыром, соусом гуакамоле и сальсой.

У Этана заурчало в желудке. Он вырос в Сан-Диего и с детства любил мексиканскую кухню. Это была одна из его главных слабостей.

Секундой позже снова послышалось некое урчание, но на этот раз оно исходило извне. Этан развернулся и увидел черный пикап с огромными колесами. За рулем сидел сам Тихий Ужас, облекшись в лицо Роджера Корби. Его глаза были больше похожи на звериные, чем на человеческие, и пристально следили за Этаном.

Пикап медленно лавировал по парковке между рядами машин и микроавтобусов, как большая кошка, прячущаяся в траве и выслеживая жертву.

Сердце Этана сжалось от страха – не за себя, но за всех людей вокруг. Его глаза лихорадочно забегали по сторонам, пытаясь оценить, что можно предпринять.

Неподалеку от них было открытое пространство – участок парковки, который пока еще был свободен. Десять-двенадцать рядов

² Шляпы в виде кусков сыра, сделанные из поролона или пенопласта, носят в основном болельщики американской футбольной команды «Грин Бей Пекерз» из Висконсина, но также это ассоциируется со штатом Висконсин в целом, поскольку там производится много сыра. – *Прим. пер.*

машин – а дальше голый асфальт, на котором два мальчика перебрасывались летающей тарелкой. Нужно было выманить Корби туда, подалее от людей, пикникующих возле своих машин.

Этан вышел на центр проезда между рядами и взглянул в лицо Корби, словно вызывая его на дуэль. Только в этой дуэли силы были неравные: пешеход против грузовика с сумасшедшим культуристом за рулем.

Мужчина в поролоновой шляпе наколот на вилку кусок мяса с гриля и поднял глаза. И тут он увидел грузовик.

– Господи, помилуй! – воскликнул он. Мясо упало с вилки прямо в огонь между прутьями.

Мотор грузовика вначале зажужжал, а затем заревел все громче и громче.

Этан взял в руки рацию:

– Срочно требуется помощь!

Сообщив номер парковочного сектора, а также приметы и номера грузовика, он повесил рацию на пояс. Затем он повернулся спиной к Корби и не спеша двинулся по направлению к открытому пространству. Машины с группками людей возле них служили ориентиром для обратного отсчета.

Пять.

В пятом ряду от края стояла белая «тойота», а возле нее два друга на раскладных стульях ели гамбургеры и картофель-фри, запивая кока-колой.

Четыре.

Прислонившись к зеленому «лексусу», трое пожилых мужчин вспоминали подробности предыдущих матчей. Они смеялись и хлопали друг друга по плечу.

Три.

Время Этана вышло. Он не успел как следует рассмотреть, кто был в третьем ряду от края.

У него за спиной взревел мотор и заскрипели шины. Этан обернулся и увидел клубы белого дыма. Пикап внезапно понесся вперед на огромной скорости, достаточной, чтобы передние колеса оторвались от земли.

Корби потерял контроль над управлением.

К ужасу Этана, машина вильнула в сторону семьи, жарящей мясо. Продукты, гриль и красные угли фейерверком посыпались с переднего бампера. Отцу посчастливилось увернуться. Одному из его сыновей – нет. Мальчик взлетел высоко в воздух, как тряпичная кукла. Этан закричал от ужаса и ярости.

Корби удалось снова взять управление в руки.

В такие минуты в фильмах все обычно замедляется. В фильмах, но не в жизни. Все происходило по-прежнему молниеносно. Несмотря на свою грузность, пикап догнал Этана в мгновение ока, как гепард.

По обе стороны небольшого проезда столпились зеваки. Они следили за взбесившимся грузовиком, нимало не стараясь убраться подальше. Зачем? Это же Лас-Вегас! Здесь все вокруг – развлечение, а у них места в первом ряду. Боевики и вестерны отбили у них всякую чувствительность, они и не осознавали, что подвергаются смертельной опасности.

Этан прокричал им, чтобы они убежали.

Они поступили как раз наоборот – столпились поближе, чтобы было лучше видно. Издалека уже сбегались другие, не желая пропустить шоу. Этану было некогда разбираться с толпой. Он развернулся и побежал на открытый участок, крича мальчикам с летающей тарелкой поскорее убежать. За спиной слышался приближающийся рев.

Он понимал, что его единственная надежда в том, чтобы вовремя отпрыгнуть в сторону от нагоняющей его мясорубки.

Как это все нелепо! – подумал он. – *Я не записывался в каскадеры.*

Если он отпрыгнет слишком рано, Корби успеет вырулить прямо на него. Если он отпрыгнет слишком поздно... что ж, тогда будет слишком поздно.

Асфальт слева, асфальт справа – увернуться некуда. Этан терпеть не мог бросаться на землю. В школе у него не сложилось с бейсболом, поскольку он не хотел прыгать за пролетающими мимо мячами. И в футбол он тоже играл только в запасном составе, потому что не готов был жертвовать своим телом и бросаться вперед ради того, чтобы занести мяч на метр дальше. И дело не в том, что ему было наплевать на игру. Просто земля почему-то плохо к нему относилась.

Она лупила его с такой силой, что у него отнимало дыхание. Разве мог тренер требовать от Этана хорошей игры, если он еле дышал?

Но сейчас его догонял грузовик.

Этан резко отпрыгнул вправо.

Еще наносекунда, и было бы слишком поздно. Его зацепило фарой за пятку и подкинуло в воздух. Земля набросилась на него изо всей силы и пробуксовала по всему телу. Затем он покатился дальше и, наконец, остановился в положении на спине, глядя в небо – в неограниченные запасы воздуха. Но, как он ни старался, он не мог протолкнуть этот воздух себе в легкие.

Наконец, приподнявшись на локтях, он сумел зачерпнуть ртом с чайную ложку кислорода. Еще разок приподнялся – еще чайную ложку. Затем ему удалось присесть.

Он увидел, как вдалеке грузовик снова вильнул, чуть не задев одного из мальчиков с фрисби. Мотор ревел. Шины дымились.

Корби возвращался, чтобы завершить начатое.

Этан с трудом перевернулся и встал на колени. Оглянувшись назад, он с ужасом увидел, как люди продолжают сбегаться, чтобы посмотреть на драму. Что они себе думают? Они выстроились, словно кегли для смертельной игры!

Этан поднялся на ноги.

Грузовик немного покачался из стороны в сторону, как борец сумо, а потом направился прямо на него.

Тогда Этан вытащил из кобуры служебный пистолет и нацелил его на грузовик.

– Стоять, Корби! – кричал он. – Стоять! Стоять!

Он понимал, что Корби его не слышит. Слишком громко шумел мотор, а кроме того, уши были заткнуты яростью. Но все же Этан кричал.

Потом он перестал кричать и начал стрелять.

Он не надеялся остановить грузовик. Пока тот въехал на расстояние выстрела, вступили в действие необратимые законы физики. Чтобы его остановить, потребовалось бы чудо. Но Этан должен был попытаться.

Он стрелял, пока не кончились пули.

От первой пули на лобовом стекле возле водителя появилась паутина трещин. От второй посыпалось стекло, не позволяя рассмо-

треть, что с водителем. Но когда осколки покрасились красным, Этан понял, что попал в Корби.

А потом всем неожиданно повезло. Этан так точно и не узнал, то ли он прострелил переднюю шину, то ли Корби случайно вывернул руль, однако грузовик снова резко вильнул и поехал в сторону от толпы через пустой участок, пока не остановился у обочины.

Зрители одобрительно засвистели и захлопали в ладоши.

Если бы Этан мог, он бы с большим удовольствием засадил их всех за решетку.

После этого Этан был временно отстранен от обязанностей – стандартная процедура на время расследования, но ему от этого было не легче. Он чувствовал себя под судом. В положенное время следственная комиссия решила, что применение оружия было оправданным. С Этана не только сняли все обвинения, но и вручили ему еще одну грамоту.

Церемония награждения вышла невеселой. Среди гостей был мужчина в оранжевой ковбойской шляпе со своим уцелевшим сыном.

Возможно, в тот день Этан спас жизнь многим людям. Но из головы не выходили мысли о той жизни, которую ему не удалось спасти.

Через полгода после получения грамоты Этан вернулся в Сан-Диего.

* * *

– Морган, ты вернулся? – поздоровался сержант Маджески, заходя в кабинет следственной группы номер четыре.

Этан быстро открыл у себя на компьютере «домашнюю страницу» – вебсайт города Сан-Диего. Он сунул в карман листок с адресом Корби и почувствовал, как в груди закипает злость. Сердце отчаянно билось, как в те моменты, когда он пробуждался от снов с черными грузовиками и смертью.

Маджески вытащил из-под мышки утреннюю газету и бросил себе на стол. Затем он снял плащ, аккуратно повесив его на спинку стула.

У Маджески, начальника следственной группы номер четыре, отсутствовали какие-либо намеки на живот или бедра. Хотя он плотно затягивал пояс, Этан все равно удивлялся, как с него не падают штаны. У него были густые волосы песочного цвета, которые он подравнивал

каждую субботу. Он был образцовым полицейским. Преданным городу. Преданным своему делу. Но главное, преданным своей команде.

– Приступим к делу, – объявил он.

Остальные три детектива из четвертой группы – Джо Канг, Джоан Дурсо и Оскар Гомес – развернулись на своих стульях лицом к центру комнаты. Они поприветствовали Этана и принесли соборезнования.

Этан почувствовал скорее неловкость, чем облегчение. Тем не менее, он поблагодарил их, так как был уверен в их искренности. Ему было легко с его командой. Они хорошо сотрудничали, уважали работу друг друга и в целом прекрасно ладили. В отличие от первой группы, им были несвойственны мелочные перебранки и интриги. Этан постарался переключиться с личных проблем на работу. Не вышло – он вдруг увидел, как со стола Маджески ему улыбается фотография Ская.

Уже второй день подряд газета «Сан-Диего Юнион» публиковала материалы об убийстве его брата. На утро после убийства эта история занимала первую полосу. Сегодня вышла вторая статья, с новыми подробностями, тоже на первой полосе, но внизу страницы, под сгибом. Рядом с портретом Ская был напечатан эпизод из его комиксов.

– Извини, – сказал Маджески, переворачивая газету, – это я нечаянно.

Этан достаточно знал Маджески, чтобы ему поверить.

– Ничего страшного, – ответил он.

– Нет, правда, Этан...

– Хватит! – перебил его Этан. – Я же сказал, ничего страшного!

Его внимание привлекла другая фотография, занимавшая большую часть страницы сверху от сгиба. Этан схватил газету, чтобы лучше ее рассмотреть.

– Когда это произошло? – спросил он.

– Ты что, с луны свалился? – воскликнула Джоан. – Это же крутят во всех новостях!

– В аэропортах ужесточили меры безопасности, – добавил Джо. – Ответственность за теракт взяла на себя радикальная мусульманская группировка.

На цветной фотографии были запечатлены руины собора Нотр-Дам во французском городе Реймсе. Стройные колонны, уже ничего не поддерживающие, выглядели как ребра скелета. Знаменитого «розового окна» больше не было. Осталась только нижняя часть несущей конструкции. На врезке было другое фото: один из двух огромных колоколов, «Шарлотта», согласно подписи, весивший одиннадцать тонн, лежал на боку посреди груд обломков.

Текст рядом с фотографиями сообщал, что собору было больше семисот лет. Его строительство было завершено в тринадцатом веке. Сейчас выстояла только одна из двух восьмидесятиметровых башен.

– Вот в чем проблема современного мира, – сказал Этан.

– Ты это о чем? – не понял Маджески.

– Мы перестали строить. Теперь мы разрушаем.

– Ну, по-моему, ты перегибаешь палку. Это же террористы, а не все люди подряд.

– Единственная разница между ними и остальными людьми – в том, что они устроили из этого спектакль. Я серьезно. Посмотрите вокруг! Мы обнаружили, что рушить гораздо проще, чем строить, – более того, в этом есть некое извращенное удовольствие, – Этан указал пальцем на первую страницу газеты. – Зачем тратить столетия на постройку архитектурного шедевра, если можно попасть на передовицу, разбомбив его? Зачем трудиться над внедрением перемен в политике, если можно больше прославиться критикой и нападками на тех, кто эти перемены внедряет? Зачем долгие годы учиться петь или играть в театре, если можно привлечь внимание публики островами из зала? Зачем сберегать и инвестировать деньги, если проще их украсть или отсудить у тех, у кого они есть? Даже игры, в которые играют наши дети, присуждают призовые очки за убийства и разрушение имущества.

Этан перевернул газету, так что сверху оказался портрет Эндрю.

– Мой брат верил в героев. Но, если вас интересует мое мнение, время героев позади. Мы живем в эпоху разрушителей, эпоху, когда прославляется насилие.

Никто не стал с ним спорить. В другое время они, наверное, попытались бы – но не через два дня после трагической смерти его брата. Он знал, что они думают: понятное дело, он говорит так с горя.

Но они ошибались. Он повидал слишком много разрушителей на разных этапах своей жизни. Его жизненная философия была основательно подкреплена наблюдениями.

– Что ж, – сказал Маджески, усаживаясь в общий кружок, – на этой веселой ноте давайте перейдем к расследованию преступлений. Канг, что нового в деле об убийстве Роббинса?

*«Разве ты не знаешь?
Разве ты не слышал,
что вечный Господь Бог,
сотворивший концы земли,
не утомляется и не изнемогает?
Разум Его неисследим.
Он дает утомленному силу,
и изнемогшему дарует крепость.
Утомляются и юноши и ослабевают,
и молодые люди падают,
а надеющиеся на Господа обновятся в силе:
поднимут крылья, как орлы,
потекут – и не устанут,
пойдут – и не утомятся».*

Держа Библию в руках за отсутствием кафедры, пастор прочел отрывок из Библии, Книги пророка Исаии. Этан стоял рядом с гробом брата, плечом к плечу с Мередит. За ними стояли его родители и мать Мередит.

На похоронах присутствовали представители мэрии, а также издательств, с которыми сотрудничал Эндрю. Сотни людей стеклись со всех сторон, чтобы воздать ему последние почести: члены церкви, которую он посещал, знакомые, соседи. Пришел и мистер Пандурски из начальной школы имени Уильяма Дженнинга Брауна. Присутствовали даже персонажи комиксов Эндрю, распечатанные на плакатах величиной в человеческий рост и выставленные на стендах вокруг собравшихся. Дрю Морган, первый

владелец фамильной Библии, печально взирал на церемонию со своего портрета.

Этан прятался за стеклами солнцезащитных очков, стараясь не давать волю эмоциям. Был замечательный день для проводов в последний путь. Солнце мягко светило с безоблачных голубых небес. Свежий ветерок со стороны океана, сливаясь в общем хоре с деревьями, цветами, озерами и бескрайними зелеными лугами, напоминал скорбным провожающим, что жизнь продолжается даже в присутствии смерти.

Преподобный Скотт Гроган начал свою проповедь. Это был добродушный лысеющий мужчина средних лет – не только пастор, но и личный друг Эндрю.

– Через пророка Исаию Бог дает нам надежду во времена скорби. Здесь описано три уровня жизни. Бывают дни, когда жизнь сладка как мед – лучше не бывает. Мы словно парим на орлиных крыльях. Другие дни заполнены делами, работой, семейными обязанностями; наше расписание перегружено, но Бог посылает нам юношескую энергию и силы справляться со всем. Мы бежим, не зная устали. Но бывают и дни третьего вида, которые требуется просто пережить: встать утром с постели, вдохнуть и выдохнуть, переставлять ноги. В такие дни мы просим Бога о силе идти вперед, не падая и не теряя сознания. Сегодня – один из таких дней. Бремя нашей скорби велико и тянет нас к земле.

– Надеющиеся на Господа обновятся в силе... пойдут – и не утомятся... Помогите нам пережить этот день, Боже... это все, о чем мы просим.

Мередит тихо плакала рядом с Этаном.

* * *

– Вы только не обижайтесь, – сказал Пандурски, – но у меня дрожь идет по телу, когда я вас вижу.

Если что-то могло быть хуже похорон, то это поминки, считал Этан. Он стоял посреди гостиной Эндрю со стаканом компота в руках.

Входная дверь была распахнута, и люди постоянно сновали туда-сюда, принося свои соболезнования и еду. Большая и шумная ком-

пания собралась в одном из углов вокруг Бака и Конни Морганов. Некоторые из присутствующих дружили с семьей Морганов еще до рождения мальчиков.

Другая компания образовалась вокруг пастора Грогана. Если бы заменить стакан в его руке на микрофон, можно было бы подумать, что это не пастор, а заезжий комик.

Те, кто не вписался ни в одну, ни в другую компанию, жужжали вокруг Этана, словно мухи. Пандурски жужжал громче всех.

– Я сидел вон в том кресле у окошка, – сказал Пандурски, подметая извергающиеся изо рта слова вениками своих усов, – и меня чуть инфаркт не хватил, когда я оторвал глаза от тарелки и увидел вас. Мне хотелось закричать: «Аллилуйя! Эндрю воскрес из мертвых!»

Он засмеялся, довольный своим остроумием. Пихнув Этана в бок, он продолжил:

– Ведь разве мы только что вас не похоронили?

– Прошу прощения, – сказал Этан, встряхивая свой стакан, – мне нужно сходить за льдом.

Этан прошел мимо ведерка со льдом на столе в гостиной и направился в кухню. Он не спеша выбрал три кубика льда прямо из холодильника, а когда закрывал дверцу, в кухню вошла мама Мередит.

– Как тебе поминальная служба? – спросила она.

Присутствие Оливии Купер сразу давало о себе знать. Она обладала пронзительным взглядом, низким голосом и выразительным лицом, заключенным в скобки коротких рыжих волос. В тот день она была одета в черный костюм с накидкой, маскирующей ее внушительные размеры. На шее красовалась круглая золотая подвеска.

Этан решил прибегнуть к избитому похоронному клише:

– Думаю, Эндрю был бы доволен.

– Я спросила о *твоем* мнении, – она скрестила руки на груди, демонстрируя, что в ближайшем времени не собирается никуда уходить.

– Мое мнение: пастор Гроган выступил замечательно.

Этан погрел кубиками льда в стакане, намекая на то, что неплохо бы завершить беседу и перейти к распитию напитков. Но Оливия не унималась:

– А ты слышал, что сказал пастор Гроган? Что Морганы и Куперы сыграли большую роль в основании американских церквей «Наследия»?

– Да, слышал.

– Он словно обращался лично к тебе.

– Да? Мне так не показалось, – он прилагал все усилия, чтобы сохранять вежливый тон.

– Ты вообще об этом не задумываешься, разве не так?

– О чем, Оливия?

– О семейном наследии.

Это уже была явная провокация. Но что ему оставалось делать? Отречься от семейного наследия и навсегда рассориться с Оливией Купер?

– Конечно же, задумываюсь. И высоко его ценю.

– В таком случае, когда ты собираешься жениться? Время идет, и моложе ты не становишься. Пора произвести на свет наследника.

Этан выдавил из себя улыбку:

– Все мое время, Оливия. Вот сейчас выпью сока, а потом пойду искать жену.

– И ты полагаешь, что это смешно?

– Что? Обсуждать свои романтические планы с тещей брата на его похоронах? Да что может быть печальнее!

– Знаешь, в чем твоя проблема, Этан? – спросила она.

Он не ответил, но она все равно ему сообщила.

– Ты как будто на корабле живешь. Это твой маленький управляемый мир, где ты проводишь время с горсткой товарищей-матросов, обсуждая вашу корабельную политику. Все знают свое место, исполняют свои обязанности, и ты себе дрейфуешь по морям и наслаждаешься жизнью. Но при этом ты полностью игнорируешь тот факт, что за твоим горизонтом есть огромный мир; есть другие корабли и пираты, цари и правители, силы, намного более могущественные, чем ты, которые могут разбить твой корабль в щепки по одной лишь прихоти. Зря ты это делаешь, Этан. Однажды, когда ты не будешь к этому готов, они накроют тебя волной и выбросят на берег, и от тебя с твоим корабликом ничего не останется.

Уходя из кухни, Этан уже забыл о соке. Единственное, чего ему хотелось, – это что-нибудь ударить. Проломить пару стен. Он был совершенно не в том настроении, чтобы поддерживать светскую беседу и выслушивать признания о том, как он похож на покойного брата.

Но он не мог уйти. Он пришел вместе с родителями и должен был их дождаться.

Этан прошел вглубь дома к кабинету Эндрю. Дверь была прикрыта, но не заперта, и он решил войти.

За письменным столом Эндрю сидела Мередит. Она отсутствующе смотрела вперед и машинально похлопывала по колену линейкой.

– Извини, я не знал, что ты здесь, – сказал Этан.

Она пожала плечами:

– Я больше не могла там находиться.

– Я пойду.

Этан развернулся, но Мередит окликнула его:

– Нет, оставайся здесь.

– Но ты же хотела побыть одна.

– Уже побыла, больше не хочу. Садись, пожалуйста, – она придвинула к нему деревянную табуретку, подобную той, на которой сидела сама. Этан притянул табуретку и сел. Стол Эндрю был завален набросками и рисунками на разных стадиях завершения, стопками бумаг с описанием сюжетов, а также клейкими записками, выведенными каллиграфическими буквами.

Взяв одну из таких записок, Этан поразился почерку брата.

– Половина из того, что пишу я, совершенно нечленораздельна, – сказал он. – Я пишу себе записки, которые сам не могу расшифровать.

Мередит улыбнулась. Она выглядела задумчивой, что было для нее нехарактерно, однако вполне объяснимо в связи с последними событиями.

– Как ты? – мягко спросил Этан.

Она взгляделась в его лицо и поняла, о чем он спрашивает. Положив руку на живот, она сказала:

– Нужно время, чтобы прийти в себя.

Он подумал, не рассказать ли ей о своем столкновении с ее мамой, но этот инцидент казался слишком незначительным на фоне ее боли, так что он решил о нем умолчать.

– Понимаю, что тебе некогда было об этом думать, – сказал он, – но что будет с бизнесом Эндрю?

Она откинула голову назад и грустно оглядела рисунки на стенах и полки с грудями комиксов.

– Еще год назад кто-то предложил Эндрю выкупить весь его бизнес, – сказала она.

– Серьезно? Он ничего мне об этом не говорил.

– В то время этот вопрос не стоял. Эндрю обожал свою работу. Он и думать не хотел о том, что когда-нибудь придется выйти на пенсию, даже если его книги будут иметь бешеный успех. Я знала, что продам все это только в случае его смерти... Только не думала, что это будет так скоро.

– А кто покупатель?

Мерedit зажмурилась, пытаясь отыскать в памяти нужное название.

– М-м-м... какая-то компания из Далласа... кажется, «Шива Энтерпрайс».

– Никогда о такой не слышал. Она издает комиксы?

– Понятия не имею. Эндрю только сказал, что предложение очень выгодное, выше рыночной стоимости. Уверена, что где-то сохранилась их визитка.

– Ну, когда придет время... если тебе понадобится помощь...

– Спасибо, Этан. Я вообще еще не решила, что делать дальше. Остаться здесь? Переезжать обратно в Пойнт-Провиденс?

– Ты думаешь о том, чтобы вернуться в Огайо? Почему?

Мерedit пожала плечами:

– Ну, там моя мама.

Этан считал, что это как раз хорошая причина *не* возвращаться в Огайо, но не сказал об этом Мерedit.

– Кстати, хочю тебе кое-что показать! – вспомнила Мерedit и вскочила на ноги.

Она подошла к другому письменному столу, меньших размеров – первому столу Эндрю – и взяла с него несколько листов с комиксами.

– Я нашла это вчера вечером, когда подбирала картинки для плакатов на похороны. Я даже не знала, что Эндрю работал над этой серией.

Она подняла один листок вверх и показала Этану. Тот засмеялся:

– Вот негодяй!

Сверху листа красовалось заглавие: «Приключения Ская».

Вместе они переворачивали страницу за страницей, читая первый рассказ. Как и положено, в этом комиксе был герой – на первый взгляд, обычный молодой человек на краю взросления, завязший в повседневности, но мечтающий о приключениях и любви.

Этан раз за разом улыбался, встречая на каждой странице намеки на свое детство и юность. Никто, кроме него и Эндрю, не мог знать, что эти происшествия и слова не придуманы, а взяты из жизни. Однако он перестал улыбаться, когда герой поступил в полицейскую академию и начал слишком точно повторять жизнь Этана.

– Что случилось? – спросила Мередит, уловив перемену в его настроении.

– Это все обо мне, – ответил Этан.

– Да, и правда очень похоже.

– Не просто «похоже». Это я и есть, – он стукнул пальцами по картинке для убедительности, – с одним отличием.

– Каким?

– Я не герой.

– А Эндрю считал, что герой, – сказала Мередит.

Этан отвернулся от стола:

– Значит, он ошибался.

Мередит продолжала читать, а Этан встал и пошел в противоположный конец комнаты. Вот здесь-то их мнения расходились. Эндрю верил в героев и супергероев, в то время как Этан вырос из этого.

В том мире, где жил он, герои быстро напрашивались на пулю в лоб. Этан не видел ничего героического в том, чтобы прогнать агрессивных бродяг из общественных мест, штрафовать несдержанных водителей, разобщать проституток и их клиентов. Полицейский – не герой, а нянька для общества.

И, что бы ни говорили другие, он не видел ничего героического

в истории с черным грузовиком и его водителем. Разве это герой жал на курок? Нет, это был отчаявшийся и испуганный человек. Разве героям снятся кошмары много лет спустя?

– Этан! Взгляни-ка сюда!

Мередит держала в руках несколько скрепленных ксерокопий со страниц каких-то старых книг.

– Посмотри, как зовут автора.

Этан прочел вслух:

– Сара Морган Купер.

Мередит прочла аннотацию, подшитую к этим страницам: «Наряду с Мэри Холмс и Горацио Алджером, миссис Купер писала популярные новеллы с духовным смыслом. Наиболее известная серия ее новелл, “Приключения Кристиана Благородного и Терезы Добродетельной”, основана на библейских моральных принципах. В мире, придуманном миссис Купер, всегда торжествовали верность и трудолюбие. Ее герой, шестнадцатилетний сирота, никогда не прибегал к силе, если можно было обойтись другими средствами. В конце каждой новеллы он усваивал важный моральный урок и непременно завоевывал сердце и восхищение прекрасной Терезы».

Она перевернула страницу:

– А вот это – почерк Эндрю: «Что если перенести опыт Сары Морган Купер в современный контекст? Написать серию рассказов, которые имели бы тот же эффект сегодня?»

– Не выйдет, – сказал Этан. – Современной молодежи герои не нужны. Им нужны качки с базуками, взрывающие все на своем пути и взбирающиеся по горам трупов, как будто это лестница к успеху. И ради чего? Ради мести, власти или богатства.

– А может, Эндрю хотел показать им лучший путь? – сказала Мередит. – И кстати, я думаю, что та история не о тебе.

– Ты про героя-полицейского? Как – не обо мне? Это же очевидно.

– Тогда почему она называется «Приключения Ская»? Ведь это прозвище, которое ты ему дал.

Этан на минутку задумался.

– Знаешь, что мне кажется? – сказала Мередит. – Мне кажется, что Скай – это вы оба. Ты и Эндрю в одной персоне. Его дух, твоя сила.

Этан снова взглянул на комикс про Ская. Мередит была права. В этой истории близнецы слились воедино. Это его заинтриговало, и он продолжил читать.

В следующей главе Скай только поступил в полицию и вышел на свой первый ночной патруль. Они с напарником были направлены по вызову в один из неблагополучных районов города, где три известных бандита угрожали влюбленной парочке, вышедшей на прогулку. Скай и его напарник выскочили из машины.

Так оно и было в первое дежурство Этана. От одного воспоминания о той ночи у него забилось сердце и участилось дыхание.

Офицеру Скаю тоже было страшно. На картинке, где он подходил к бандитам, из заднего кармана у него торчала небольшая книжечка. Сверху можно было прочесть имя автора: Сара Морган Купер. Подпись к этой картинке гласила: «Как бы поступил Кристиан Благородный?»

– Этан!

– Что?

– Как движутся поиски Библии Морганов?

Он взглянул на Мередит:

– Понемногу. Обещаю, что я ее верну.

Мередит на него не смотрела. Она разглядывала свои ногти.

– Лучше пообещай, что будешь осторожен, – тихо сказала она. – Это всего лишь книга. Она не стоит того, чтобы рисковать жизнью и здоровьем.

Уже второй раз она говорила ему об этом, и второй раз это вызывало у него недоумение. До смерти Эндрю она дорожила этой Библией больше всего на свете, словно это был Священный Грааль.

– Не хочу потерять еще и тебя, – сказала она.

Этан никогда еще не видел ее настолько слабой. Она дрожала. Сцены смерти и насилия не проходят для людей бесследно. Он подошел к ней поближе.

Она не стала отступать назад.

Он раскрыл объятия.

Она устремилась в эти объятия.

Обнимая ее, он сказал:

– Я буду осторожен. Но я должен вернуть эту Библию, ты же понимаешь.

Этан понимал, насколько это было неприлично – обнимать жену погибшего брата в день его похорон, прямо у него в кабинете. Он то и дело поглядывал на закрытую дверь.

– Надо бы выйти к людям, – сказала Мередит, делая шаг назад.

– Да, конечно.

Она вышла из комнаты, даже не взглянув на него.

Этан закрыл глаза и мысленно себя отчитал. Не за свой поступок – они ведь родственники. Им тяжело. В тяжелые времена родственникам положено выражать сопереживание.

Но Этан ощутил еще и другие переживания, удивившие и возмущившие его.

Планы изменились в последнюю минуту, и Этан судорожно пытался разработать альтернативный вариант. Сразу после похорон он должен был отвезти родителей обратно в Лас-Вегас. Лейтенант Савала подписал его заявление на короткий отпуск «по семейным обстоятельствам». Этан решил, что в Лас-Вегасе он выследит Ричарда Корби и проверит, насколько надежное у него алиби.

Но потом его родители решили на пару недель поехать к друзьям в Феникс. Как сказал отец, спонтанные поездки – это одно из преимуществ пенсионного возраста. Этану нужно было найти другой повод для поездки в Лас-Вегас.

Повод был подсказан книгой Мэлори Саймона, которую Этан случайно увидел на переднем сидении в машине у Маджески. Этан написал заявку на посещение семинара. Лейтенант Савала ответил отказом.

– Ты упустил свой шанс, – пояснил он. – Регистрация завершилась еще два месяца назад. И, если память мне не изменяет, то на мое предложение поучаствовать в этом семинаре ты ответил примерно так: «Делать мне больше нечего, как только выслушивать хвастовство какого-то миллионера о том, как он заработал свои миллионы».

Но в последний день перед конференцией Брайан Хинки внезапно заболел. По слухам, отравление токсинами от порошка для снятия отпечатков. Появилось свободное место, так необходимое Этану.

Савала согласился предоставить ему место Хинки с одним условием: что до отъезда он полностью прочтет бестселлер Саймона о трех шагах к успеху. У Этана оставалось на это двадцать четыре часа.

– Ну как, прочел? – спросил Савала, пока они загружали сумки в микроавтобус.

– Конечно! – ответил Этан.

– Покажи-ка свою книгу.

Этан полез в сумку.

– Только я ничего не подчеркивал и не отмечал. Просто прочел, и все.

– Все равно покажи.

– Вы можете определить, прочитана ли книга, по ее внешнему виду?

– Да, могу. Давай сюда!

Этан протянул Савале свой экземпляр книги. Полистав ее, тот увидел, что уголки были потрепаны, а некоторые страницы и вовсе вырваны.

– Как будто ее ураган где-то носил.

– Некоторые главы мне не понравились, – объяснил Этан.

– И поэтому ты периодически бросал ее об стенку?

– Не всю, а некоторые страницы. Вырывая и сминая в комок.

– Если книга тебе так не понравилась, почему ты захотел поехать на семинар?

Этан пожал плечами:

– Подумал, что там будет весело.

Следующие восемь часов Этан провел в последнем ряду пассажирского микроавтобуса, наблюдая за тем, как полицейские шумят и проказничают, словно шестиклассники, едущие в летний лагерь.

Наконец микроавтобус подъехал к отелю «Хилтон» в Лас-Вегасе. Этан выбрался из автобуса последним.

– Будешь жить в одном номере со мной, – сказал Савала, когда они доставали из багажника сумки.

– Вам не повезло на жеребьевке? – спросил Этан.

– Можно и так сказать. Я должен был жить с Хинки, поскольку больше никто не соглашался.

– Я спас вас от двухдневного проживания с Хинки? – воскликнул Этан. – Так вы – мой должник!

– Не приписывай себе лишних заслуг. Хинки не приехал из-за того, что заболел.

– Кажется, я и в этом сыграл свою роль.

Савала улыбнулся, вспомнив тот эпизод:

– Ладно, уговорил, я – твой должник!

Пол в вестибюле «Хилтона» был вымощен белой плиткой с черными ромбами, а стены украшены плакатами с изображением Бэрри Манилова. Полицейские уже начали планировать предстоящие визиты в казино.

– Вы ведь помните наш уговор, – сказал Савала, – только после окончания семинара.

Посыпался поток жалоб и возражений: «А другие лейтенанты отпускают своих подчиненных в казино в любое время!»

– Вот и пусть отпускают. А ваш начальник – я.

– А как насчет игровых автоматов? – спросил один из полицейских.

Савала не возражал против тех игровых автоматов, где счет шел только на очки, а не на монеты. Тогда половина группы направилась к автоматам, а вторая половина – на выставку, посвященную киноэпопее «Звездные войны».

– А ты куда? – спросил Савала, пока они с Этаном ждали лифта.

– Я думаю пораньше лечь спать, – ответил он.

Савала удивленно повел бровью, но промолчал.

Подъехал лифт, они вошли, а за ними тут же подоспели четыре женщины, одетые в одинаковые черные платья. Все они были густо увешаны искусственными бриллиантами – ожерельями, браслетами, сережками, у некоторых даже кресницам были приклеены блестящие камешки.

Одна из женщин достала из сумочки камертон.

– Вы позволите? – спросила она.

– Все что угодно! – ответил Савала.

Получив свой стартовый звук, женщины исполнили песню «Бриллианты – наши лучшие друзья» на четыре голоса. Этан подумал, что поют они неожиданно хорошо для женщин средних лет, в которых, несмотря на вечерние платья и украшения, угадывалось рабочее происхождение.

– Вы работаете здесь, в Вегасе? – спросил Савала. Его вопрос вызвал звонкий четырехголосый смех.

Женщина с камертоном ответила:

– Нет, мы приехали поучаствовать в международном соревновании по гармоничному пению «Сладкие голоса».

Савала так и просиял:

– Я видел это название в списке мероприятий в конференц-центре. Меня оно сразу заинтересовало! – он вспомнил, что там было написано, и просиял еще больше. – У вас аж девять тысяч участниц! Я-то думал, что нас много, а вас почти вдвое больше!

У Этана закружилась голова, как только он представил себе девять тысяч увешанных бриллиантами женщин, распевающих в лифтах по всему Лас-Вегасу.

– Может быть, вы поможете нам принять одно решение? – сказала женщина с камертоном. – Как вы думаете, девочки?

Похоже, все они понимали, о чем идет речь.

Снова повернувшись к Савале, она объявила:

– Позвольте занять еще несколько минут вашего времени. Мы не можем решить, какую песню нам исполнить. Не могли бы вы прослушать еще одну песню и сказать, какая вам нравится больше?

– Я, конечно, не специалист, – сказал Савала. – Но я знаю, что мне нравится, а что нет.

– А мы на большее и не претендуем.

Савала решил и за себя, и за Этана. В итоге на четырнадцатом этаже отеля «Хилтон», пока Савала придерживал лифт, четыре женщины исполнили некую песню, которую Этан слышал впервые. Судя по постоянно повторяющейся фразе, песня повествовала о «горячих мамочках».

Глаза лейтенанта Савалы плясали в такт музыке, а сам он так неистово улыбался, что Этан заволновался: вдруг его голова расколется на две половинки? Когда песня закончилась, Савала заплодировал и, даже не посоветовавшись с коллегой, объявил, что песня о горячих мамочках понравилась ему больше.

Певицы поблагодарили его. Но как только двери лифта закрылись, одна из женщин заявила, что уже слишком поздно – ведь они одеты для исполнения песни про бриллианты.

Обосновавшись в своем номере, Этан и Савала спустились вниз, чтобы поужинать вместе с другими полицейскими. Сразу после ужина Этан откланялся и направился обратно в номер. К счастью, на этот раз подъем на лифте обошелся без пения «Сладких голосов».

В полной тишине, он выглянул из окна на главную улицу Лас-Вегаса. Отсюда были видны многие крупные отели и казино – «Ривьера»,

«Сахара», «Серкес-серкес» и «Остров сокровищ». Вагончики моно-рельсовых поездов бесшумно курсировали вниз, соединяя отели с конференц-центром.

Хоть Этан прожил в Лас-Вегасе несколько лет, в центре он бывал только тогда, когда в гости приезжали друзья или родственники. Ну и изредка – по работе; но в основном он работал в пригородной зоне, к северу от центра.

Он задернул шторы, оставив за ними яркие огни казино и рекламы. Улегшись на одной из двух огромных кроватей, он думал о том, что скажет завтра Ричарду Корби. И как будет вести себя, если Корби вспомнит, кто он такой – полицейский, убивший его брата.

Один в темной комнате, он обсудил насущные вопросы с Эндрю.

* * *

Этан прикинул, что в зале не меньше пяти тысяч мест, – и все они были заняты. Полицейские из Сан-Диего сидели чуть ближе середины зала. Открытие конференции было назначено на девять утра. Но поскольку в этом зале, как и в большинстве других в Лас-Вегасе, не было окон, было практически невозможно определить время суток, не глядя на часы.

Свет в зале начал постепенно гаснуть. Сцена была пуста, за исключением кафедры посередине. Погрузившись в темноту, зрители притихли. Из динамиков раздался низкий рокот. Вскоре он наполнил весь зал, благодаря сверхсовременному звуковому оборудованию. Рокот постепенно нарастал.

Затем снова воцарилась тишина.

Тьму пронзил луч лазера, запущенный со стороны сцены. Задняя стена нанесла ответный лазерный удар. Лучи мелькали туда-сюда, как в настольном теннисе, а потом расщепились веером, складываясь в яркую пульсирующую сетку над головами у зрителей.

Музыка грохотала, напоминая мотивы из «Космической одиссеи». Лазерная сетка сменилась выстрелом прожектора, который проложил тоннель света в центральном проходе и осветил человека, стоящего у задней стены. Он был одет в джинсы, темно-зеленую узорчатую рубашку и синий пиджак. В руках у него было по деревянному ведру.

Под аплодисменты тысяч зрителей, Мэлори Саймон прошествовал по проходу. За ним следил прожектор и видеокамеры; каждое движение отображалось на двух больших экранах по обе стороны от сцены.

Он поставил ведра на сцену и резким театральным движением повернулся к аудитории. Экраны показали крупный план: бритая голова, правильные черты лица, темно-серые глаза, выражающие силу и уверенность.

– Деревянные ведра, – начал он. – Сегодня непросто найти их в продаже. А ведь сто лет назад компании, производящие такие ведра, здравствовали и процветали. Но теперь их больше нет. Они исчезли. Почему?

Он сделал выразительную паузу, прежде чем ответить на собственный вопрос.

– Они исчезли, поскольку неправильно определили специфику своего дела. Они думали, что их дело – производство деревянных ведер. Но на самом деле их делом была поставка воды.

Он поднял вверх указательный палец.

– Урок первый. Знайте, в чем ваше дело, а иначе окажетесь не у дел.

Со всех сторон от Этана слушатели заскрипели ручками и зашуршали блокнотами.

– Позвольте представить вам своего друга, – продолжил Саймон.

Прожектор снова устремился через проход в конец зала и нашел там новую фигуру – человека в футбольной форме и с мячом в руках. Из динамиков раздался голос конференсье:

– Дамы и господа, встречайте – Бо Брэдли, нападающий «Изгоев из Невады»!

Зал взорвался аплодисментами, а Брэдли победоносно проследовал к сцене. На экранах мелькала подборка ярких моментов из его игры: Брэдли передает пас, Брэдли заносит мяч в конечную зону соперника.

Савала, хлопая в ладоши так же восторженно, как и все остальные, наклонился к Этану.

– Саймон – владелец «Изгоев», – прокричал он, перекивая шум. Этан кивнул:

– Я знаю. Я раньше здесь жил.

Подойдя к Саймону на расстояние нескольких метров, Брэдли бросил ему мяч. Затем они пожали друг другу руки. Брэдли снял шлем и посмотрел в зал. У него было молодежавое лицо и обаятельная улыбка.

Снова раздался голос Саймона:

– Вы первыми узнаете новость, которую мы планируем сообщить сегодня вечером на пресс-конференции: мы продлили контракт с Бо Брэдли еще на пять лет и заплатим ему сто миллионов долларов!

Новый всплеск аплодисментов.

– У меня работают победители! – воскликнул Саймон поверх аплодисментов.

Два мультимиллионера грелись в лучах всеобщего восторга. Когда зал затих, Саймон продолжил:

– Бо, скажи мне, в чем состоит твое дело? В том, чтобы нападать?

– Нет, сэр, – ответил Бо, сияя белоснежной улыбкой.

– В том, чтобы быть профессиональным футболистом?

– Нет, сэр.

– А в чем же тогда? В чем твое дело?

– В том, чтобы развлекать публику, сэр, – ответил Бо.

Саймон усмехнулся:

– Молодец, Бо!

Их заготовленный диалог продолжался, и зрители узнали, что у Бо Брэдли есть пресс-секретарь, есть менеджер по общественным связям и даже агент в Голливуде, не говоря уже про спортивного агента. То время, которое оставалось после тренировок, Бо посвящал урокам актерского мастерства и рекламным съемкам.

В завершение этой постановки Бо Брэдли отошел далеко по проходу, и Саймон передал ему впечатляющий пас к пушечному восторгу аудитории.

– Те из вас, кто читал мою книгу, знают, что я заработал свой первый миллион в деле хранения секретов. Многие люди ошибочно полагают, что мое дело – производство аппаратов для измельчения документов, но я-то знаю, что это не так. Вот поэтому моя компания – величайшая в своей отрасли! За что люди платят мне деньги? За то, чтобы никто не узнал их секретов! Я не просто режу

бумагу или другие носители информации – я уничтожаю саму информацию. Мои клиенты могут спать спокойно, зная, что ее больше не существует. В наш век, когда информация – это власть, мои услуги просто бесценны.

– А как я достиг такой мощи и богатства? Может, кто-то передал мне по наследству теплое местечко? Нет. А может, мой отец открыл мне секрет успеха? Нет! Я расскажу вам о своем отце. Он был самым что ни на есть заурядным человеком: ел, спал, ходил в церковь. Сам он считал себя смекалистым и радовался каждой мелкой выгоде. Субботними вечерами он сидел на кухне за столом и подкладывал пятицентовые монеты в стопки по двадцать четвертакков. Потом он заматывал стопки в целлофан с надеждой всучить их невнимательному кассиру по полной стоимости – пять долларов. Его девиз, которым он очень гордился, гласит: «Обманули дурака на четыре кулака».

Я могу рассказать вам множество историй о том, как мой отец занимал чужое место в очереди, обсчитывал продавцов, воровал купоны на скидки. Подобные выходки приносили ему море удовольствия.

– Будучи старшеклассником, я с ужасом осознал, что становлюсь похожим на него. Так как же забыть то, чему тебя учили всю жизнь? Как вырваться из оков мелочности? Нужно действовать решительно. Одним резким ударом нужно полностью отсечь прошлое. А иначе оно снова и снова будет преследовать вас. Поэтому нужно обрезать все нити, связывающие вас. Обрубите корни, и цветок засохнет. По-другому нельзя.

Саймон сделал многозначительную паузу.

– Обрубите корни, и цветок засохнет, – повторил он.

Тысячи ручек послушно заходили по бумаге.

– Я четко помню тот день, когда понял, что прошлое надо мной больше не властно. Ко мне подошли и спросили: «А вы разве не сын Ларри Саймона?» А я ответил: «Нет. Я – сын успеха».

Раздались аплодисменты. Саймон подождал, пока они улягутся.

– Вот мое семейное наследие. Вот моя родословная. Если вы захотите посмотреть мое генеалогическое дерево, в графе «отец» будет написано «смелость». В графе «мать» будет написано «настойчи-

вость». Вот мои истинные родители. Я – дитя смелости и настойчивости. Я – сын успеха.

Зал аплодировал стоя.

* * *

За вступительным словом Саймона следовал семинар одного из его деловых партнеров, Пола Гетца, под названием «Три ключа в кармане каждого великого лидера». В рабочей тетради каждого участника была соответствующая страничка с тремя пробелами для заполнения, а также личным девизом выступающего: «Пол свое получит». Все три пробела в тетради Этана остались пусты.

Когда объявили перерыв на обед, Этан замешкался. Савала встретил старого приятеля из полиции Санта-Барбары. Делегаты из Сан-Диего небольшими группками разбрелись в разные стороны. Этан поднялся в свой номер и взял пистолет.

Стараясь не попасться на глаза консьержу, он вышел на улицу и заказал такси по мобильному телефону, а затем отключил его. Если вдруг кто-то по нему соскучится, найти его будет не так-то просто.

Он попросил таксиста повернуть налево, на Сахара-авеню, а потом на север, на пятнадцатую трассу.

– Съедете страссы на Рендж-роуд, возле гоночного трека, – сказал он.

– Похоже, что вы ориентируетесь на местности, – заметил таксист, разглядывая Этана в зеркало заднего вида. – Вы здесь живете?

– Жил в прошлой жизни, – ответил Этан.

Они выехали на Рендж-роуд и вскоре попали в поселение из трейлеров. Этан попросил немного притормозить, внимательно изучая местность за окном.

Это было небольшое поселение – всего три параллельные улочки и двадцать два трейлера. Большой частью трейлеры были старыми, узкими, скорее напоминающими вагончики, чем современные «мобильные дома». Поселение располагалось на склоне холма, увенчанное бледно-зеленой водонапорной башней. Судя по адресу, вагончик Корби находился посреди центральной улицы. Он был весь покрыт ржавчиной и казался самым старым во всем поселении. К входной двери, находящейся в торце, вели три металлических ступеньки. Окна были заклеены алюминиевой фольгой. Все было наглухо закрыто.

Проехав через все поселение, Этан попросил высадить его на Рендж-роуд, возле вывески «Кемпинг „Звездный свет“». Он отпустил таксиста и направился обратно пешком. Пройдя по параллельной улице, он подошел к вагону Корби с другой стороны, чуть сверху.

Распахнув плащ, чтобы иметь быстрый доступ к пистолету, он постучал в металлическую дверь. Ответа не последовало. Он снова постучал, позвав Корби по имени. Опять тишина.

Он обошел вокруг вагона. Все было закрыто, и машины нигде не было. По данным следствия, у Корби было алиби – днем он работал. Но Этан не верил данным следствия.

Однако один из соседей подтвердил эту информацию. Во всяком случае, ему было известно, что Корби каждый день уезжал из дому в восемь утра и возвращался в пять вечера. В этом не было никаких сомнений – Корби ездил на мотоцикле с таким мотором, который «и мертвого разбудит», по словам соседа.

Этан поблагодарил его и снова взобрался на холм, найдя дыру в сетчатом заборе, отделяющем поселение от водонапорной башни. Он примостился у основания нескольких растущих рядом пальм. Отсюда был хорошо виден вагончик Корби. Ждать оставалось еще около четырех часов, но Этан решил не возвращаться в отель. Разобраться с Корби – дело первостепенной важности. Лучше побыть здесь.

Однако долго ждать не пришлось. Рев «харли-дэвидсона» издадека объявил о приезде Корби. Он промчался между трейлерами, в считанных метрах от окон соседских спален, и наконец остановился и заглушил мотор. Отвязав от багажника пакет с продуктами, он направился к дверям. Внешне он был похож на брата, только поменьше габаритами. Этан подождал, пока он зайдет внутрь, и лишь потом покинул свой пост под пальмами. Как можно дольше прикрываясь соседними вагончиками, он подошел к двери Корби.

Дверь осталась распахнутой. Через рваную полупрозрачную занавеску Этан увидел Корби со спины, тот перекладывал покупки в кухонный шкафчик. Отступив в сторону от двери, чтобы скрыться из виду, Этан постучал и позвал Корби. Пистолет он не доставал. Он ведь не собирался арестовывать Корби, а просто хотел задать ему несколько вопросов.

Шорох на кухне прекратился, но к двери Корби не подошел.

– Кто там? – настойчиво спросил он.

Этан не отвечал, а выжидал.

Корби высунул голову в дверь. Увидев Этана, он продемонстрировал классическую реакцию: удивление, смешанное с ужасом.

– В чем проблема, Корби? – спросил Этан. – Тебе что-то привиделось?

Нужно отдать Корби должное – он быстро оправился.

– Морган, – сказал он, – ты совсем выжил из ума, если заявляешься сюда после того, что сделал с моим братом. Назови хоть одну причину, почему бы мне не позвонить в полицию.

– Потому что там все мои друзья, – сказал Этан, предъявляя свое удостоверение.

– Тебе здесь делать нечего, и ты это прекрасно понимаешь, – Корби развернулся и направился вглубь вагончика. – Мне нечего тебе сказать.

Этан последовал за ним.

– Эй, кажется, я тебя не приглашал! – возмутился Корби.

– Хочу задать тебе пару вопросов.

Корби вытащил из кульба несколько бутылок пива и поставил их на стол:

– У меня нет ответов, зато есть пиво. Хочешь?

Прежде чем Этан успел ответить, Корби запустил ему в голову бутылкой. От удара Этан отлетел назад к металлической дверной раме; ее острый край впился ему в позвоночник и чуть не счесал тыльную часть головы. Корби действовал без промедления. Он тут же подскочил к Этану, схватил его за грудки и уложил на кухонный пол. Из ящичка он достал пистолет и направил прямо на Этана.

– Ты с пушкой? – спросил он. – Давай ее сюда!

Из-за адской боли Этан едва видел Корби. Тем не менее он разглядел, что его намерения серьезные, и потянулся к кобуре.

– Положи на пол и подтолкни ко мне.

Пистолет скользнул по грязной плитке и затормозил о ногу Корби. Обезоружив Этана, он немного расслабился.

– Это же круто! – засмеялся он. – Я могу убить тебя дважды!

Этан чувствовал себя дураком. Он повел себя как дилетант и позволил Корби подойти слишком близко.

Корби сиял, как ребенок у рождественской елки:

– Ну, поделись-ка, мистер коп, что чувствует человек, когда его брата убивают без всякой причины?

– Я застрелил человека, потерявшего контроль над собой и представлявшего опасность для окружающих. Ты же хладнокровно убил невинного человека. Мой брат совершенно не заслуживал такой участи.

– То, что он был твоим братом, – уже преступление. Ну и потом, он же ничего не сказал. Я думал, что это ты, и он сам мне подыграл. Вот только не пойму, с какой стати он это сделал.

– Тебе этого никогда не понять, – сказал Этан.

Корби пожал плечами:

– Ну, мне-то какая разница. Я и так тебя хорошенько помучил, а сейчас добью.

– Не посмеешь. Выстрел услышат соседи. Тебе хватит ума, чтобы не убивать меня прямо здесь.

Ума Корби могло и не хватить, и Этан это понимал. Поэтому он пытался выиграть время и обратить ситуацию в свою пользу.

Но не успел Корби прийти к решению, как во дворе раздался резкий звук тормозов. Прямо за дверью припарковался белый фургон без каких-либо опознавательных знаков. Боковая дверь отъехала в сторону, и из фургона выпрыгнул мужчина в плаще, костюме и темных очках. Правую руку он держал во внутреннем кармане плаща.

Неужели полиция в штатском? Это было первое подозрение Этана. Корби тоже увидел неожиданного гостя и заволновался.

Занавеска отлетела в сторону.

Корби поднял руки:

– Не стреляйте, только не стреляйте!

Этану удалось встать на ноги. Его движения привлекли внимание вошедшего, и тот направил на него дуло пистолета. Пистолет был не из тех, какие находятся на вооружении в полиции. На нем был установлен глушитель.

Первая пуля ударила Этана в грудь, а вторая – в левое плечо. От силы удара он отлетел к духовке. Цепляясь за ее рукоятки и переключатели, он медленно сполз вниз. Этан точно не помнил, ударился ли

он об пол. Он закрыл глаза, но нюх его уловил запах грязи и старых тряпок. Хотелось стонать от боли, но он сдержался. Любые звуки или движения приведут к тому, что в него всадят еще пару пуль.

Корби продолжал умолять о пощаде.

– Ты знаешь, зачем я пришел, – сказал человек в костюме.

Внезапно Корби сделался олицетворением гостеприимства:

– Конечно, конечно! Она здесь. Сейчас отдам, одну секундочку. Только не стреляйте!

В щелочку едва приоткрытых глаз Этан видел серый силуэт в дверном проеме, а в руке у него – широкоствольный револьвер. Корби положил свой пистолет на кухонный шкафчик и бросился срывать подушки с небольшого диванчика у двери. Затем он снял с него верхнюю фанерную панель, обнаруживая тайник.

Человек в костюме насторожился и сделал шаг по направлению к Корби.

– Только не волнуйтесь, – умолял Корби, – она здесь. Вот, посмотрите!

Корби запустил обе руки в тайник и достал оттуда огромных размеров книгу. Семейную Библию Морганов.

Он протянул ее человеку в костюме.

– Я собирался доставить ему эту книгу, честное слово! Произошло недоразумение! Я просто хотел сообщить ему, что она стоит полмиллиона долларов. Просто хотел сказать... Не подумайте, что я...

Человек в сером костюме всадил в Корби три пули подряд. Тот отлетел назад на диванчик, а оттуда скатился на пол. Одной левой убийца выхватил из его рук Библию. Прежде чем уйти, он бросил беглый взгляд на Этана. С полной уверенностью, что тот мертв, он переступил порог и захлопнул дверь, оставляя Этана наедине с трупом человека, убившего Эндрю. Этан позволил себе застонать, но тут же об этом пожалел. Вибрация голосовых связок откликнулась ужасной болью по всей груди. Какое-то время он просто дышал, но и это причиняло боль.

Он подумал, что нужно бы выбраться из этого ужасного места, но не сразу осознал, насколько это срочно. Вскоре он ощутил запах дыма. Через пару минут клубы дыма уже танцевали вверху под потолком, а языки пламени лизали стены трейлера. Этан попытался

приподняться на руках. Но это оказалось неосуществимо. Его первая попытка оттолкнуться от пола левой рукой едва не стала последней – он чуть не потерял сознание от боли. Тем не менее ему удалось оттолкнуться правой рукой и перевернуться на спину.

Дымовой потолок опускался все ниже и ниже. Этан стал задыхаться. Он закашлялся, и ему показалось, будто у него на груди прыгает Роджер Корби по кличке Смертоносный Удар.

Жар от пламени бил в лицо. Кашель усилился, и уже невозможно было терпеть раздирающую боль в груди. Сознание постепенно оставляло его. Он почти ничего не видел. Не из-за дыма, а из-за того что зрение отказывало ему.

Последнее, что промелькнуло в его разуме, – это Мередит. Она просила его быть осторожным и напоминала, что Библия не стоит еще одной жизни.

* * *

Этан понял, что еще жив, когда ощутил запах арахисового масла. Арахисового масла и печенья.

– Савала! – прохрипел он. Во рту и в горле было сухо, как в песках пустыни. – Ну дайте же человеку спокойно умереть! Зачем посыпать мой труп крошками?

Он еще не открывал глаз, но по царапающим звукам определил, что к нему придвигают стул. Первое, что предстало его взору, – крупные черты Савалы, вытирающего крошки с подбородка.

– И это твоя благодарность за то, что я пропускаю изысканный ужин и вечернее шоу, чтобы побыть твоей сиделкой?

Этан и не пытался пошевелиться. Достаточно того, что он мог смотреть по сторонам.

– Мои дела плохи? – спросил он.

– Хуже некуда, – ответил Савала. – Два начальника управлений из двух разных городов хотят оторвать тебе голову.

– Я имел в виду мое здоровье.

– А, это... Жить будешь! Конечно, если начальство не убьет.

Уже придя в себя, Этан начал ощущать дискомфорт. Он попытался поерзать в постели, но новые вспышки боли в груди быстро его разохотили.

– О чем ты думал, Морган? Когда шефы закончат тебя грызть, я и сам откушу пару кусочков. Ты меня обманул. Ты использовал обучающее мероприятие для прикрытия несанкционированных служебных действий.

– Но это дело касается моей семьи! Первая следственная группа и не собиралась развивать линию Корби. Кто-то должен был это сделать. И я оказался прав. Футболка «Изгоев из Невады» – месть за убийство его брата. Он думал, что Скай – это я.

– И ты хочешь сказать, что у тебя есть доказательства? Пленки, документы? Хоть что-нибудь!

– У Корби в трейлере была наша фамильная Библия. Убийца пришел за ней. Возможно, он действовал от имени тех, кому Корби собирался продать эту Библию или по чьему заказу он изначально ее украл.

– Библия? – спросил Савала. – Так все это было из-за Библии?

– Чтобы ее добыть, они чуть не убили меня, пристрелили Корби и подожгли трейлер, заметая следы.

– Ты успел рассмотреть убийцу?

– Похоже, что это наемник.

Савала немного поразмыслил.

– Что ж, тебе крупно повезло – хорошо, что из твоего служебно-револьвера не было сделано ни одного выстрела.

– Есть ли у полиции Лас-Вегаса догадки о том, кто это сделал?

– Это не наше дело. Не наш участок.

– Савала, будьте человеком! Я дорого заплатил за эти сведения.

Савала бросил взгляд на дверь. Она была закрыта.

– Ни малейших догадок, – ответил он.

– А как меня спасли?

– Благодаря соседу. Тот наблюдал за всем из окна своей спальни. Он был зол на Корби, что тот своим мотоциклом пробудил его от дневного сна. – Савала прошел к своему креслу и собрал мятые обертки из-под печенья. – Доктора говорят, что ты очухаешься за пару дней. Завтра утром мы с ребятами уезжаем домой. Подозреваю, что в ближайшее время тебе нанесут визит местные коллеги. А когда вернешься, готовься к встрече с шефом.

– Спасибо, что посидели со мной, – сказал Этан. – Это много для меня значит.

– Вообще-то я ничего не потерял. Казино меня абсолютно не привлекают. И мне совершенно не нужно то, что предлагают варьете-шоу с их развратными девицами.

– Но это же Вегас! С вашей стороны будет преступлением вернуться в номер и засесть за телевизор.

Савала усмехнулся:

– Нет, я направляюсь в «Ривьеру». Раздобыл приглашение на конкурс «Сладких голосов». Вчера случайно познакомился с одной из финалисток – милейшей девушкой из Оклахома-Сити.

– Так у вас свидание?

Савала загадочно улыбнулся, помахал рукой и поспешил к выходу.

Мэлори Саймон откинулся в кресле, потягивая воду со льдом и слушая отчет о конференции, который презентовала ему Либби Басински, менеджер его проектов. Это был успешный год со множеством установленных рекордов: конференцию посетило на сто человек больше, чем в прошлом году; зарегистрировалось на следующую конференцию – вдвое больше; прибыль от продажи книг, плакатов и сувениров возросла на тридцать пять процентов. Менеджер так и сияла, зачитывая эту статистику, словно отличница на конкурсе декламаторов.

– Издайте новую книгу до следующей конференции, – сказала она, – и мы сможем умножить эти показатели еще на два.

Либби Басински была фигуристой блондинкой с хваткой бульдога. Те, кто не знал ее как следует, ошибочно полагали, что эта работа досталась ей благодаря тому, как потрясающе она выглядела в при-
таленном деловом костюме. Однако люди, знакомые с ее талантами, понимали, почему Саймон ее нанял: она работала на результат. Она всегда помнила о главной цели и не обременяла Саймона лишними подробностями. Если мисс Басински сказала, что показатели можно будет умножить на два, значит, так оно и будет.

– Новую книгу? – переспросил Саймон, осматривая панораму Лас-Вегаса с высоты двадцатого этажа. – Да вы знаете, сколько времени у меня ушло на написание первой?

Мисс Басински понимающе рассмеялась. Ведь это она проводила отбор безымянных авторов для написания «Трех шагов к успеху».

– Мне подыскать автора?

Поставив стакан с водой на стол, Саймон поднялся и выпрямил плечи с королевским достоинством. Его и без того просторный

кабинет казался и вовсе безграничным благодаря двум окнам от пола до потолка, обеспечивающим полный обзор Лас-Вегаса и окрестностей. Кабинет был меблирован современно, но изысканно. Его украшали плакаты с автографами и различные сувениры, связанные с футболом. Здесь были мячи, подписанные Й. А. Титтлом, Джо Наматом и Роджером Стаубахом, а также, в рамке под стеклом, контракт, подписанный 12 ноября 1892 года с Уильямом Хеффелфингером – первым профессиональным игроком в истории американского футбола.

– Свяжитесь с Палмером, составьте итоговый отчет и разошлите его всем членам совета директоров, – наконец сказал Саймон.

Либби Басински на глазах поникла. То, что Саймон встал, на его языке означало «можете идти». Поручая ей связаться с Палмером, его бухгалтером, он давал ей понять, что новой книги не будет, как и новой конференции, а значит, она остается без работы. Она была достаточно сообразительной, чтобы тут же это понять, и достаточно смелой, чтобы оказать сопротивление.

Встав и расправив плечи, она начала:

– Мистер Саймон...

Саймон ее не слушал, зато уже открыл ей дверь. Она сделала еще одну попытку:

– А как же те, кто уже зарегистрировался на следующую конференцию?

– Дайте Палмеру указание молчать в течение полугода, а затем объявить об отмене конференции. Желающие смогут потребовать возврата предоплаты. Далеко не все подадут заявки на возврат. Кто подаст, тем верните деньги еще через три месяца. Таким образом, целых девять месяцев их денежки будут у нас в обороте.

Мисс Басински кивнула.

Саймон не сказал ей «до свидания». Он не предложил дать ей рекомендательное письмо. Как только заканчивалось одно дело, он переходил к следующему. К чему длинные объяснения?

Правда, у Саймона промелькнула мимолетная мысль: а не следует ли огорчиться тому, что он видит Либби в последний раз? Но он берег все эмоции для новых завоеваний и не тратил их на прощания. Мисс Басински получила то, что хотела: его имя у себя в резюме. Она со-

гласилась занять эту должность даже при мизерной зарплате, в чем Саймон и не сомневался. Вербовать людей – это был его дар.

Ему всегда удавалось находить исполнителей своих планов за весьма скромные деньги, а то и вовсе бесплатно. С его точки зрения, не было ничего противозаконного в хитростях или провокациях, которые заставляли других играть ему на руку. Пусть другие выполняют грязную работу. Пусть они платят свою цену. А он пожнет плоды.

Именно так он управлял своей футбольной командой, «Изгоями из Невады». Следуя его четким указаниям, тренер учил игроков не брезговать дешевыми трюками, даже если в результате те могли быть отстранены от игры или получить тяжелую травму, означающую конец их карьеры. Результаты такой стратегии были предсказуемы, а именно, прибыль для Саймона. Игрока штрафовали, иногда удаляли с поля или дисквалифицировали. Но если это помогало выиграть матч, оно того стоило.

Если такого игрока много критиковали в прессе за грязную игру, Саймон продавал его другой команде, заявляя во всеулышание, что таким игрокам у него не место. Если тренер возражал против этого, Саймон увольнял и его, сообщая журналистам, что именно тренер учил игроков таким трюкам. Разумеется, проданные игроки и уволенные тренеры поднимали шум, но все быстро утихло. Зато победы оставались. А команда-победитель всегда будет иметь прибыль и без труда привлечет новых талантливых игроков. В конечном итоге, Саймон всегда выигрывал.

В приемной мисс Басински разминулась с Полом Гетцем. Зайдя в кабинет шефа, тот занял кресло, еще теплое после предыдущего посетителя. Гетц откинулся на спинку и забросил ногу на ногу.

– Неплохая была конференция, насколько мне известно, – сказал Гетц, прощупывая почву.

– Да, и последняя, – ответил Саймон.

Гетц повернул голову и бросил взгляд на дверь.

– Так вот почему она плакала. Жаль, конечно. Где теперь я буду рассказывать о своих ключах?

Саймон усмехнулся. Семинар Гетца «Три ключа в кармане каждого великого лидера» всегда вызывал смех у посвященных. Гетц вырос в семье мастера по изготовлению ключей, но сам не пользовался

ключами с четвертого класса. Как и Саймон, он презирал заурядный подход своего отца к бизнесу. В старших классах они с Саймоном промышляли квартирными кражами. Саймон руководил операциями, а Гетц открывал двери. Во всем мире не существовало такого замка, которого Гетц не мог бы взломать, если бы захотел.

В своем вступительном слове Саймон упоминал о некоем случае, который помог ему понять, что он не хочет следовать по стопам отца. Однако он умолчал о том, что этим «случаем» была успешная кража. Летом перед последним классом школы Саймон с Гетцем подрабатывали на стройке, в компании, принадлежавшей другу отца Гетца. Саймону быстро наскучил физический труд, зато его заинтересовал сейф с деньгами. Он убедил Гетца, что будет очень весело забраться ночью в офис и украсть сейф, а на следующее утро прийти пораньше и посмотреть на реакцию прораба.

Предприятие прошло гладко. Саймону и Гетцу перепало несколько сот долларов. Но то, что они узнали, перевернуло их жизнь. Хотя прораб был вне себя, хозяин компании перенес утрату совершенно спокойно. Саймон случайно подслушал его беседу со следователем. Оказалось, что хозяин испытал облегчение, узнав, что пропали только деньги. Это было нестрашно. Зато как он обрадовался тому, что все документы остались в целостности и сохранности! В тот момент Саймон понял, что содержимое папок с бумагами гораздо ценнее денег в сейфе.

– Устал быть в центре внимания? – спросил Гетц, услышав от Саймона о прекращении конференций. – Достали аплодисменты и подхалимство?

Гетц редко спрашивал о чем-либо в лоб. Он предпочитал наводящие вопросы. Он прекрасно знал Саймона и понимал, что, если тот решил закрыть одно из направлений своего бизнеса, на это может быть только одна причина: появились более перспективные цели.

Несмотря на то, чему Саймон учил на своих конференциях, успех и деньги были для него вторичны. Он был движим иными мотивами. В частности, ему всегда нравилось присваивать себе то, что ему не принадлежало, а также принуждать людей к малоприятным для них действиям. Ему нужен был вызов. Жизнь обретала вкус только в условиях жесткого соперничества.

– Ты разобрался с Корби? – спросил Саймон, не достаивая Гетца ответом.

– Мой парень ждет за дверью.

– Пригласи его.

Случай с Корби был показательным примером того, как Саймон обращался с людьми. Через посредников он уговорил Корби украсть Библию в обмен на возможность отомстить за брата и необходимую для этого информацию.

Однако Корби провалил задание. Во-первых, он убил не того человека. Во-вторых, он оставил на месте преступления улики, указывающие на его причастность к убийству. Но главное, он выведал стоимость Библии и решил потребовать за нее выкуп. Это была роковая ошибка.

В комнату вошел плотно сбитый мужчина в костюме и темных очках. Он положил Саймону на стол огромную Библию.

– А как же Корби? – спросил Саймон.

– Корби просил передать вам эту книгу в знак своего глубочайшего уважения. Такова была его предсмертная воля.

Саймон бросил на Библию довольный взгляд, но не притронулся к ней.

– Осложнения были?

– К сожалению, да. С ним был еще один человек.

– И что это *был* за человек?

Человек в темных очках сразу понял, на что намекает Саймон.

– Он все еще жив, – признался он и тут же поспешил успокоить Саймона, – но вам не о чем беспокоиться. Мы проследили за ним до больницы и выяснили, кто он такой. Как только его выпишут, мы с ним разберемся.

– Вы же знаете, что я не люблю осложнений! – вспыхнул Саймон. – И кто же это? Приятель Корби?

Человек в темных очках заметно взволновался, но старался отвечать спокойно:

– Некто Этан Морган, полицейский из...

– Морган?! Мне не нужно объяснять, кто это!

– Я расстрелял его почти в упор. Парню просто повезло. Но клянусь вам, как только его выпишут...

– Вон отсюда, – сказал Саймон.

– Позвольте мне довести дело до конца! – умолял стрелок.

– Неужели вы полагаете, что я дам вам второй шанс после такого фиаско? Вон отсюда!

Видимо, человек в очках его понял, поскольку наконец замолчал. Гетц проводил его до двери и плотно закрыл ее за ним.

Саймон сидел за столом, глядя на Библию Морганов.

– Это футболка навела его на след Корби, – заключил он.

– Что прикажешь сделать с Морганом?

Пол Гетц был тем человеком, на которого Саймон всегда мог положиться. Такие люди, как Гетц, не призваны быть лидерами. Их талант – служить великим лидерам.

– Видимо, у Моргана есть ангел-хранитель, – сказал Саймон, – ведь он уже дважды должен был умереть, – он сделал паузу, размышляя о судьбе Моргана. – Оставь его в покое.

– Как скажешь.

Вдруг Саймона посетила неожиданная мысль. Он взял со стола пакет документов, оставленный мисс Басински, и отыскал там список имен.

– Кто бы мог подумать! Оказывается, Морган принимал участие в нашей конференции.

– Не может быть! Неужели он понял, что мы связаны с...

– Ничего он не понял. Он был здесь вместе с другими копами из своего управления. Это просто совпадение. Если бы он действительно понял нашу роль во всем этом, он бы и носа не показал на конференцию. И все же мне не нравится, когда ко мне в город заявляются всякие неуловимые мстители. Его нужно проучить.

– Как именно?

– Сделать его жизнь невыносимой. Свяжись с Кравцом, пусть он напечатает в своей газетенке компромат на Моргана. Примерно в таком духе: «Коп из Сан-Диего разыскал убийцу брата в надежде на кровную месть». Вот тебе и готовый заголовок.

Гетц хихикнул, предвкушая газетный скандал.

– А если упомянуть еще и о Библии? Кровная месть плюс охота за семейной реликвией – звучит впечатляюще!

Саймон улыбнулся:

– Да, я согласен. Только пусть Кравец непременно упомянет, что Библия сгорела при пожаре.

Гетц поднялся, собираясь уходить.

– Да, и еще одно, – остановил его Саймон. – Присмотри за продажей бизнеса Эндрю Моргана. Это был опасный человек. Нужно, чтобы его книги умерли вместе с ним.

Гетц направился к двери.

– Возьми это с собой, – Саймон указал на Библию. Он так к ней и не притронулся. – Переправь к Санаде, по обычному маршруту. И замети следы.

* * *

В больнице Этан имел массу времени для размышлений. Конечно, он понимал, как ему повезло, что он остался в живых. Наверное, следовало радоваться и тому, что он нашел убийцу брата, но радости не было. Смерть Ричарда Корби не принесла ему никакого морального удовлетворения. Этан предпочел бы арестовать его и добиться справедливости в судебном порядке. Видимо, это специфическое удовольствие свойственно лишь полицейским: успешно расследовать дело, найти виновных, получить подтверждение от судьбы и, наконец, увидеть оглашение приговора в газетах. Человек, застреливший Корби, лишил его этого удовольствия.

У Этана была еще одна причина для недовольства. Семейная Библия Морганов повторно ускользнула от него, и на этот раз выйти на ее след будет еще сложнее. Такие люди, как Корби, не ведут записей. А даже если бы он и вел, Этан ни за что не получил бы к ним доступ, учитывая его нынешние отношения с начальством. Да, у него еще оставались друзья среди полицейских. Он мог бы им позвонить. Но нить была очень тонкой, если вообще была.

Был еще тот факт, что кто-то обеспечил алиби для Корби. Хотелось бы узнать, кто и почему.

В общем, особых надежд питать не приходилось. Этан не мог отделаться от чувства, что он войдет в историю рода Морганов как тот, кто потерял величайшую семейную реликвию. Это при условии, что род Морганов на нем не прервется.

Мрачные размышления Этана были дважды прерваны визитами.

Сначала пришли его родители, которые вернулись из Феникса, как только услышали новости. Позже в тот же день прибыла Мередит со своей матерью. Они приехали из Сан-Диего на машине и решили остаться, пока Этана не выпишут, чтобы отвезти его домой.

В Лас-Вегасе Мередит и Оливия остановились у родителей Этана. Его мать настояла на этом. Насколько Этан знал своего отца, тот наверняка надеялся, что женщины вежливо откажутся и проживут в отеле. Хотя Морган-старший любил Мередит, как дочь, с Оливией он не мог находиться в одной комнате больше десяти минут. Надо сказать, не обосновательно.

Оливия Купер пользовалась любой возможностью, чтобы высказать свое мнение о том, как Морган воспитал своих мальчиков – а если возможность не предоставлялась, то создавала ее сама. Она полагала, что их воспитанию недоставало духовной глубины: Эндрю и Этан не ценили наследия Морганов так, как следовало бы.

Этан выздоравливал ускоренными темпами – хотя бы ради того, чтобы Оливия Купер поскорее уехала и отец мог спать спокойно.

Первое дежурство Этана после отпуска и больничного оборвалось посреди дня. Как обычно в такое время, на Коупли-авеню почти не было машин. Дети были в школе, а взрослые – на работе. По улицам ездили только домохозяйки и безработные, да еще полицейские агенты, отстраненные от дел.

Этан взглянул в зеркало заднего вида. Так и есть – за ним по-прежнему следовал темно-синий «лексус». Его водитель прогуливался по парковке возле полицейского управления, когда Этан сел в машину и отъехал. Он моментально запрыгнул в свой «лексус» и вот уже с десятком километров ехал за Этаном.

Наверное, это ничего не означало. Во всяком случае, не требовало принятия срочных мер. Поглядывая на «лексус», Этан переключился на более серьезные проблемы.

На сидении лежала газета – одна из тех, что специализируются на сенсациях и светских сплетнях. Ни одно издание так называемой «желтой прессы» не обделило вниманием его историю. Эта газета, в частности, так и называлась «Сплетни». Заголовок гласил:

В Лас-Вегас за кровной мстью
*В погоне за отмщением и фамильной Библией
полицейский чуть не расстался с жизнью.*

Далее следовало драматическое описание встречи Этана с Корби в старом трейлере на территории кемпинга. Процентом на десять оно было правдивым. Остальные девяносто процентов рисовали карикатурный образ взбалмошного копа, погнавшегося за убийцей брата, чтобы свести счеты. Ошибочно сообщалось, что Библия Морганов сгорела в последующем пожаре. Сцена перестрелки в трейлере

напоминала старый вестерн: Этан был ранен, но продолжал стоять на ногах. Статья умалчивала о появлении третьего вооруженного лица и о том, что Корби был застрелен вовсе не из пистолета Этана.

Тем не менее автор не забыл сообщить, что Этан служил в полиции Сан-Диего. Этого было достаточно, чтобы его отстранили от исполнения обязанностей.

Этану пришлось выслушать нотации целых двух разъяренных начальников. Шеф полиции из Лас-Вегаса участвовал в разное по телефону. После встречи в верхах покрасневшим ушам Этана пришлось выслушать еще несколько крепких словечек от лейтенанта Савалы. Приговор: отстранение от обязанностей на неопределенный срок.

Этан съехал с трассы на боковую дорогу и глянул в зеркало. «Лексус» съехал вслед за ним. Возможно, это просто совпадение, и все же подозрения Этана усилились. Он свернул на бульвар Эл-Каджон.

Уже итак раздосадованный взбучкой от начальства и отстранением, Этан при выходе из офиса столкнулся с Хинки. Тот возвращался с обеда с четырьмя молодыми полицейскими. Разумеется, Хинки отпустил несколько шуток в сторону Этана, что было бы Этану безразлично, если бы не тот факт, что спутники Хинки сочли их очень забавными.

Темно-синий «лексус» продолжал ехать за ним. Этан повернул на Орегон-стрит, тут же припарковался у обочины и вышел из машины, думая, что «лексус» поедет дальше по Эл-Каджон.

Не тут-то было. Он тоже свернул на Орегон-стрит. Увидев Этана у бровки, водитель остановился за пару метров от него.

– Что все это значит? – спросил Этан, подходя к «лексусу».

Окно со стороны водителя медленно поплыло вниз.

– Вы – Этан Морган, – утвердительно сказал водитель.

– Я и сам знаю, как меня зовут. А вы кто такой?

Этан постоянно посматривал на руки собеседника, и тот это заметил. Он не убирал рук с руля.

– Меня зовут Дэвид Остроу. Я адвокат вашего брата, и мне нужно с вами поговорить. Вы сейчас свободны?

– Вы – адвокат Ская?

– Встретимся у вас дома.

Этан отступил назад, и «лексус» поехал дальше по дороге, а водитель даже не спросил адреса.

Уже который день Этан был в плохом настроении. Он вышел с больничного как можно раньше, так как умирал от скуки. Этим утром, отправляясь на работу, он надеялся вернуться к своему обычному распорядку (насколько таковой имеется у полицейских). Однако у шефа было иное мнение на этот счет. А теперь еще и это. Что нужно от него адвокату Ская?

Когда Этан подъехал к дому, «лексус» уже был там. Из него вышел худощавый человек с жидкими рыжими волосами, облаченный в серый костюм.

– Вы так похожи на Эндрю, – сказал он. – Хотя это не удивительно.

Он протянул Этану руку с ровно подстриженными и отполированными ногтями.

– Дэвид Остроу.

Этан пожал протянутую руку и пригласил Остроу войти. Хорошо, что тот заново представился, а то Этан уже успел позабыть его имя.

Остроу отказался от угощения и сел на диване в гостиной. Несколько минут он делился приятными воспоминаниями, связанными с Эндрю. Все это время Этан думал о том, что бы сказал Остроу, узнай он, что его ноги стоят прямо на том месте, где погиб Эндрю.

– Может, нам следует пригласить Мередит? – спросил Этан.

– Позвольте изложить суть моего дела.

Он открыл портфель и достал оттуда запечатанный конверт крупного формата. В верхнем левом углу были его фамилия и адрес, а в центре – имя Этана большими печатными буквами.

– Мне было велено передать это вам лично в руки, – сказал Остроу, протягивая Этану конверт.

– Открыть его сейчас?

– Не обязательно. Я знаком с его содержанием, равно как и с содержанием похожего письма, которое я доставил жене Эндрю сегодня утром.

Этан разглядывал конверт:

– Там что, плохие новости?

– Это вы для себя решите.

– А Мередит получила такое же?

– Похожее, но не совсем такое же. Это все, что я могу вам сказать.

Этан кивнул.

– А почему вы принесли его именно сейчас?

– Эндрю приказал доставить вам эти письма в случае его смерти. Он попросил меня самостоятельно выбрать время доставки, так чтобы это было вскоре, но не сразу после похорон. Он хотел дать вам с Мередит время прийти в себя, прежде чем разбираться с делами, описанными здесь. Надеюсь, что так и получилось.

Выполнив свою миссию, Остроу закрыл портфель и встал. Он крепко пожал руку Этану и направился к двери, еще раз заверив, что ему было очень приятно работать с Эндрю.

Оставшись один, Этан разорвал конверт и прочел письмо. С каждым предложением он все больше разъярялся. Не долго думая, он смял письмо, швырнул его об стену и набрал номер Мередит на своем мобильном.

Ему ответил автоответчик.

– Нет, только не это! – прокричал он.

Минуту спустя Этан уже мчался по Коупли-авеню к дому Мередит.

* * *

Подъехав к дому, он увидел, что машина Мередит отсутствует. Гараж был закрыт. Он позвонил в дверь, но ответа не последовало.

– Ну вы меня и напугали!

Соседка Мередит прижимала к груди руки в рабочих рукавицах. Она вышла из своего дома с мешком и большими садовыми ножницами. Это была щупленькая пожилая женщина. На ней была широкополая шляпа и огромные белые рукавицы, придававшие ей сходство с Микки-Маусом.

– Простите, что напугал вас, – извинился Этан. – Я – брат Эндрю.

– Я не настолько глупа, – отрубилa женщина. – Я вижу, что вы – брат Эндрю.

– Еще раз извините. Я вовсе не хотел сказать, что вы... – сердце Этана прыгало в груди еще с раннего утра, но оказалось, что его ощущения в кабинете шефа были только прелюдией к тому, что он чувствовал сейчас.

– Мередит нет дома, – сказала женщина, предваряя его вопрос.

– А вы случайно не знаете, где...

– Я не только знаю *где*, но знаю *зачем* и *на сколько*. Это часть

добрососедских отношений. Мы всегда присматриваем за домами друг друга, когда кто-то из нас уезжает в отпуск.

– В отпуск?

Мерedit не говорила ему ни слова об отъезде из города, тем более в отпуск.

– А вы знаете, куда она поехала?

– Я же только что сказала, что знаю. Опять меня за дурочку принимаете?

Этан снова извинился, плохо скрывая досаду.

– Мне необходимо с ней связаться.

Женщина закатила одну из перчаток, чтобы посмотреть на часы:

– Не думаю, что это возможно. Ее самолет улетает меньше чем через час.

– Самолет?

– Атланта, Манчестер, Экзетер.

– Экзетер? Это в Огайо?

Женщина фыркнула:

– В Огайо нет Экзетера. Он есть в Пенсильвании, Массачусетсе, Нью-Гэмпшире...

– И в какой из них отправилась Мерedit?

– Тот, который в Англии.

– В Англии? Но что ей делать в Англии?

Женщина в ужасе покачала головой:

– Вы не знаете, что происходит в собственной семье! Возмутительно!

Этан поблагодарил соседку за информацию уже на бегу к машине. Он влился в поток транспорта, направляющегося в сторону центра. Он еще раз набрал номер Мерedit и снова услышал автоответчик. Тогда он попробовал позвонить Оливии, которая улетела домой вскоре после их возвращения из Лас-Вегаса. Та тоже не отвечала.

В аэропорту он застрял перед автоматом, который слишком долго выдавал ему талончик для парковки. Когда шлагбаум наконец поднялся, Этан начал лихорадочно искать свободное место. Все места поближе к терминалу аэропорта были заняты. Наконец Этану повезло: чуть подальше отъехал «кадиллак», освобождая место. Захлопнув дверь машины, Этан со всей прыти помчался через парковку, надеясь,

что второй терминал – как раз тот, что ему нужен. Он понятия не имел, какой авиакомпанией летела Мередит. Он выбрал второй терминал наугад, и, если он ошибся, это лишало его последнего шанса ее догнать.

Внутри терминала Этан пробежал глазами ряд мониторов под вывеской «Отправление», выискивая рейсы на Атланту. Он нашел два таких рейса в течение ближайшего часа. Этого было достаточно, чтобы не бросаться к следующему терминалу. Он запомнил номера выходов к этим рейсам и побежал к очереди на контроль.

Длинная очередь вилась змейкой, выпрямляясь только возле металлоискателей. Примерно посередине очереди стоял знак, гласящий «Десять минут ожидания с этого места». Не становясь в очередь, Этан протиснулся как можно ближе к пропускному пункту. Он искал глазами Мередит.

Три металлоискателя выглядели, словно двери в мир иной. Люди подходили к ним разутыми, без ремней и без головных уборов, сложив все свое мелкое имущество в серые пластмассовые лотки и запустив их по конвейеру к рентген-аппарату, который тщательно сканировал их содержимое, выясняя, нет ли там оружия.

Он увидел ее.

Мередит только что прошла сквозь ближайший металлоискатель и теперь доставала из лотка свои туфли. Опершись на конвейер, она натянула их на ноги.

– Мередит! – закричал Этан.

Услышав свое имя, она обернулась и посмотрела прямо на него – равно как и охранники, и половина очереди. Охранники присматривались к нему и оценивали, стоит ли ожидать проблем. Этан улыбнулся и помахал Мередит рукой.

Она ему не ответила. Поспешно собрав все свои вещи, она отвернулась и продолжила свой путь.

Этан подавил в себе инстинктивное желание крикнуть: «Стоять!» Он достал телефон и набрал ее номер. У него на глазах Мередит остановилась, достала телефон из сумочки и посмотрела, кто звонит. Не отвечая на вызов, она бросила последний взгляд на Этана, положила телефон обратно в сумочку и исчезла за углом.

Он так разозлился, что чуть не швырнул свой телефон ей вдогонку. Вместо этого он достал свое удостоверение и чуть было не пошел

расталкивать очередь, но передумал. Он представил, какая сцена разыграется, если он предъявит удостоверение охране. Его спросят, кого он ищет и по какой причине. С ним пошлют сопровождающего. Когда шеф узнает, что Этан воспользовался удостоверением в личных целях, он может уволить его насовсем. Этан спрятал удостоверение.

Он направился к билетной кассе, где стояло в очереди человек пятьдесят. Вначале он понадеялся, что впередистоящие пропустят его, но все уговоры были безуспешны. Кассирша решительно заявила, что обслужит его только в порядке очереди. Под аккомпанемент злобных взглядов Этан проследовал в самый хвост. К тому времени, как подошла его очередь, самолет Мередит уже взлетел.

– Вам на ближайший рейс до Атланты, сэр? – в голосе кассирши слышалась вынужденная вежливость. Так обычно общались с враждебно настроенными клиентами – каким он, собственно, и был. Чтобы ускорить процесс, он заранее достал из кошелька кредитную карточку и водительские права и теперь нервно постукивал ими по прилавку.

– Вообще-то мне нужно попасть в Экзетер, который в Англии, – сказал Этан.

Кассирша, широкоплечая брюнетка лет под тридцать со впалыми щеками, застучала пальцами по клавиатуре.

– Сан-Диего – Атланта – Манчестер – Экзетер, – доложила она о результатах.

– Точно! Когда отправление?

Она замешкалась с ответом, изучая информацию на экране.

– Рейс 1460 в Атланту отправляется через час, – сказала она.

– Мне подходит! – обнадеженно воскликнул Этан.

– Однако...

Этану не хотелось слышать никаких «однако».

За «однако» последовала тридцатисекундная пауза, в течение которой она продолжала бить по клавишам.

– Похоже, что в Манчестере вам придется ждать пересадки восемь часов двадцать пять минут.

– Восемь часов!

– Сейчас я еще кое-что проверю, – сказала она, не поднимая глаз и не удивляясь его реакции. Снова порывшись в компьютерной системе, она продолжила:

– Если лететь через Лондон, получается то же самое. Восемь часов. Туда летают только самолеты «Де Хавилланд Турбопроп», два рейса в день, – она посмотрела на Этана. – К сожалению, я ничего не могу сделать.

Этан представил, как он слоняется по английскому аэропорту восемь часов. Такая перспектива его не привлекала. Тут кассирша сказала:

– Позвольте вам кое-что предложить. Я вижу, что у вас нет с собой багажа и что вы живете неподалеку, – она указала на его права, поясняя, где почерпнута эта информация. – Я также заметила, что у вас с собой только кредитка и права, а паспорта нет. Почему бы вам не съездить домой за вещами и паспортом? А я выпишу вам билет на более поздний рейс до Атланты.

Полететь более поздним рейсом означало потерять шанс на то, чтобы догнать Мередит в аэропорту Атланты. Однако не факт, что ему бы это удалось; а если нет, нужно было лететь в Англию международным рейсом. Без паспорта это было невозможно.

Внезапно он успокоился. Уже несколько часов он гнал за Мередит – бездумно и безуспешно. Но не могла же она ускользнуть от него вечно! Рано или поздно, он ее догонит и ей придется ответить на все его вопросы.

Он прекратил размахивать кредиткой и правами. Следующие его слова были сказаны так, будто он совершенно никуда не спешил и располагал неограниченным временем.

– Золотая мысль! – сказал он кассирше. – Тогда я полагаюсь на вас. Составьте мне самое лучшее расписание.

Девушка впервые улыбнулась.

Четырьмя часами позже Этан сел на самолет из Сан-Диего до Атланты.

Этан развалился в кресле в зале ожидания манчестерского аэропорта. Хотя кассир в Сан-Диего помогла значительно сократить время между рейсами, полностью избежать ожидания не удалось.

Этан дремал. Его одолевала усталость. Долгий трансокеанский перелет в сочетании с беспокойными утренними событиями истощили его. Тем не менее, он старался прислушиваться к объявлениям по радио, чтобы не пропустить ничего важного.

Выгнутое пластмассовое сидение не позволяло расположиться удобнее. На стенах висели заманчивые вывески – «Зона уюта», «Оазис покоя». В этих комнатах его ожидал прекрасный отдых – разумеется, за дополнительную плату. Однако вовсе не финансовые соображения удерживали Этана в пластмассовом кресле, а его настроение. Если ему будет слишком уютно, он может позабыть о том, что злится. А он хотел приберечь свой гнев на момент встречи с Мередит.

Зазвонил мобильный телефон, и Этан нащупал его в кармане. На экране сообщалось, что звонит Мередит.

– Где ты? – спросили они одновременно.

– Этан, где ты? – повторила Мередит.

Вопрос сбил Этана с толку. Интересно, а что она предполагала? Что он на работе? Или дома? Разумеется, она не знала, что он полетел за ней вслед.

– Ты уже в Экзетере? – уточнила она.

– Что? – на секунду он отодвинул телефон от уха и изумленно на него посмотрел. Откуда она знает? Конечно, он мог отрицать, что следует за ней, но чего ради?

– Я в Манчестере, – ответил он.

– У тебя есть ручка? Запиши кое-что.

– Что это за игра, Мередит?

Она оставила его вопрос без ответа.

– Когда прилетишь в Экзетер, возьми машину напрокат и поезжай на север по трассе А-396. Записываешь?

Этан достал из нагрудного кармана ручку, схватил старую газету с соседнего сиденья и записал на полях номер трассы.

– Проедешь примерно тридцать два километра, – продолжила она, – и увидишь каменный трехарочный мост возле деревни под названием Бикли. Я буду ждать тебя там. Когда отправляется твой рейс?

– Мередит, я никуда не поеду, пока ты не объяснишь мне...

– Кричать на меня будешь позже, Этан. А сейчас скажи время вылета.

Этан посмотрел на часы, что было совершенно бесполезно, поскольку они показывали калифорнийское время. Он осмотрелся вокруг и увидел часы возле монитора с расписанием рейсов.

– Я вылетаю в Экзетер через сорок пять минут, – сказал он.

– Прекрасно. Встретимся на мосту через три часа.

Она повесила трубку.

Этан бросил свирепый взгляд на телефон. Ему оставалось ждать еще сорок пять минут, и он готов был потратить их на получение хотя бы некоторых ответов. Он перезвонил Мередит, но она не отвечала.

– Ах ты ж...

Тут ему на глаза попались телефоны-автоматы, стоявшие всего в нескольких метрах от него. Если он позвонит из автомата, номер не определится и Мередит не будет знать, что это он. К счастью, авиакомпания подарила всем пассажирам международные телефонные карты. Этан прошел к автомату и опять набрал номер Мередит.

Ответа не последовало. Этан яростно вклеил трубку на место.

* * *

Перелет из Манчестера в Экзетер представлял собой часовой аттракцион, готовый составить конкуренцию лучшим в мире американским горкам. Вверх. Вниз. Вбок. Поворот. Сойдя с трапа, Этан размял руки, затекшие от мертвой хватки за подлокотники. Никогда еще он не был так рад ступить на твердую землю, а точнее, бетонированную площадку аэродрома.

В агентстве, сдающем автомобили напрокат, Этан выслушал от пожилого служащего долгую и нудную лекцию о водительской вежливости и левостороннем движении. Фраза «это вам не Америка, имейте в виду» прозвучала как минимум раз десять. Получив наконец ключи (как ни противился этому старичок-агент), Этан просмотрел свой клочок газеты с инструкциями Мередит и направился на север по трассе А-396.

Дорога была относительно свободна. Дул порывистый ветер, гоняя кучки серых облаков по ярко-голубому небу. Оставив Экзетер позади, Этан попал в сельскую местность с коричнево-зеленой мозаикой сельскохозяйственных угодий. Его верным спутником оказалась древняя река Экс, которая иногда пряталась за домами или деревьями, но непременно возвращалась.

Этан внимательно следил за одометром. На тридцатом километре он сбавил скорость. Еще через два километра он увидел трехарочный каменный мост. На мосту стояла Мередит, задумчиво глядя на реку, текущую внизу. Ее машина была припаркована на пяточке перед мостом. Этан поставил свою машину рядом и вышел.

Мередит опиралась о перила и выглядела так спокойно и непринужденно, будто они договорились встретиться свободным вечером в центральном парке Сан-Диего. Ветер развеивал ее рыжие волосы и подол простого платица в черно-белые узоры.

Этан стремительно зашагал к ней. Каждый шаг будто насосом подкачивал его чувство гнева. В голове сражались десятки вопросов, каждый из которых хотел быть первым.

– Так, Мередит! – проревел он. – Я хочу знать, что происходит. С какой стати ты помчалась в Англию? И почему ты не брала трубку в аэропорту, хотя точно знала, что это я? Что ты вообще себе думаешь?!

– Здесь так спокойно, правда? – тихо сказала Мередит.

– Сегодня ко мне приходил адвокат Эндрю. Ты обязана мне кое-что прояснить.

– Я приезжаю сюда каждый год, – мечтательно продолжала она. В ее глазах отражались блики от воды. – И каждый раз отдыхаю душой.

Она говорила так, словно ее накачали транквилизаторами. За все время, что Мередит была замужем за Эндрю, Этан не мог припомнить ни одной поездки в Англию.

– Эндрю думал, что я навещаю маму, – сказала она. – Вообще-то так оно и было. Вначале я ехала к маме в Огайо, а потом мы вместе летели сюда. Она любит это место почти так же сильно, как и я.

– Ты его обманывала, – сказал Этан. – И наверняка это не единственная твоя ложь, ведь так, Мередит?

Она обернулась к нему, судя по всему, совершенно не обидевшись.

– Я так рада, что ты здесь! Я беспокоилась, что миссис Квинси что-нибудь напутает и ты попадешь в тот Экзетер, который в Массачусетсе или Нью-Гэмпшире. Если бы ты видел, как я заставляла ее репетировать свою речь!

– Так ты меня сюда заманила? – воскликнул Этан.

– Представляешь, эта женщина потребовала с меня пятьдесят долларов за то, чтобы тебя подкараулить!

Этан схватил Мередит за плечи. Его терпение вышло.

– Слушай меня внимательно! Я усталый, голодный и злой! И раз уж ты заставила меня облететь полмира в погоне за тобой, я требую ответов немедленно!

На глазах у Мередит появились слезы:

– Этан, мне больно.

Он ослабил хватку, а потом и вовсе отпустил Мередит. Он понимал, что причиняет ей боль, но вот что его пугало: как раз этого ему и хотелось.

– Ты злишься, и это понятно, – сказала она. – Ты хочешь ответов. Но именно поэтому я завлекла тебя сюда. Я не могла рассказать тебе об этом в Калифорнии. Я пыталась, но мне не хватало сил. Надеюсь, что здесь мои слова прозвучат иначе.

– Здесь? Но почему?

– Потому что здесь все началось. Это Эденфорд.

Этан посмотрел вдаль за реку на то, что некогда было процветающей деревней. За свою жизнь Этан столько слышал об Эденфорде, что в определенном смысле попал домой. Мередит медленно пошла по мосту, поглаживая пальцами каменные перила.

– Именно по этой дороге они убегали от епископа Лоу, – сказала она. – Кристофер Мэттьюс, викарий, посоветовал им «бежать в пустынные края». Так они и сделали. Отсюда они бежали до побережья, а там сели на корабль Джона Уинтропа «Анабелла».

От деревни мало что осталось, одни руины. В земле прорисовывались каменные фундаменты, четко указывая на то, что когда-то здесь было поселение.

– Дай я тебе кое-что покажу, – сказала Мередит.

Несмотря на то, как он с ней только что обращался, она взяла его под руку. Они перешли через мост и направились к руинам, и Этан почувствовал, как Мередит ожила. Ее глаза заблестели, и она почти подпрыгивала на ходу. В голосе слышалось благоговение.

Несмотря на накипевшую злость, Этан не мог не поразиться тому, как Мередит чтит семейное наследие Морганов. В Америке это могло сойти за фанатизм. Но здесь ее чувства становились живыми и понятными.

– Городок вымер вскоре после того, как наши предки уплыли в Америку, – сказала Мередит. – Здесь осталось слишком мало жителей, чтобы выращивать овец и красить шерсть, а что касается плетения на коклюшках, то этим мастерством обладали только Нэлл и Дженни Мэттьюс.

Они подошли к развилке. Направо шла Бридж-стрит, следовавшая вдоль реки, налево – Маркет-стрит, которая в семнадцатом веке привела бы прямо в центр поселения. Мередит повернула налево. Она показала Этану место, где некогда стояла церковь пуритан и где Кристофер Мэттьюс отказался повиноваться «Спортивной декларации» короля Иакова – указу, запрещающему проводить вечерние богослужения по воскресеньям, поскольку король предпочитал, чтобы его подданные посвящали это время спорту.

Она показала ему, где жили викарий Мэттьюс с двумя дочерьми – Нэлл и Дженни, а также ее предок, сапожник Дэвид Купер с сыновьями-близнецами Джеймсом и Томасом. Вокруг простирались зеленые поля, некогда уставленные шестью для просушки шерсти.

– В Эденфорде были все этапы производства: здесь пасли овец, пряли нити, ткали и красили ткани.

Она провела его к месту, где когда-то находились огромные красильные чаны.

– А здесь Дрю Морган спас жизнь Томасу Куперу, – сказала она. – Если бы Томас погиб, меня бы сейчас здесь не было. Ты знаешь эту историю?

– О том, как Томас Купер упал в чан с синей краской?

– Совершенно верно, мистер Морган! Вы впечатляете меня своими познаниями!

– Ну, это из разряда тех историй, которые помнят даже двоечники. И знаешь, кто ты после этого?

– Кто?

– Потомок маленьких синеньких человечков.

Мерedit засмеялась и стиснула его руку, обрадовавшись тому, что его настроение улучшается. Они взбирались на холм, оставляя внизу развалины городка и голубую ленточку реки. Вскоре они уперлись в невысокую каменную стену.

– Остатки саксонской крепости, – объяснила Мерedit. – Они были руинами уже тогда, когда здесь бывал Дрю Морган. Они с Нэлл приходили сюда поговорить наедине.

Мерedit села на большой камень. Ветки деревьев сплелись в естественный полог над их головами. Солнечный свет разбрасывал между ветками зайчики и так волшебno подсвечивал деревню внизу, что казалось, она вот-вот оживет.

Мерedit сорвала с дерева продолговатый листок и принялась сгибать его. Не сводя глаз с листка, она сказала:

– Помнишь мой загадочный звонок в тот вечер, когда был убит Эндрю? Я звонила маме.

– А почему это нужно было скрывать?

Она разогнула листок, положила его на колено и стала старательно разглаживать:

– Хотелось бы соврать и сказать, что мне нужна была ее поддержка в трудной ситуации. Но я звонила ей не поэтому.

– А почему?

Она отвернулась, словно ей было стыдно за то, что она собиралась сказать.

– Мой муж лежал на полу мертвый, – ответила она, – а моей первой мыслью было сообщить маме, что Библия украдена.

Этан ей не верил.

– Ты ведь думала, что украдена копия.

С едва уловимой улыбкой Мерedit ответила:

– Остроу сказал, что сразу после визита ко мне поедет отдавать

письмо Эндрю тебе. Представляешь, каков мой муж? Он обыграл нас в нашу собственную игру! Мы с мамой приложили столько усилий, чтобы изготовить копию и подменить ею оригинал.

– Так вот почему ты повторяла, чтобы я был осторожен, чтобы я не рисковал жизнью из-за какой-то там Библии!

Мерedit оживилась.

– А ты? Как будто ты послушался! Ты чуть не погиб из-за нее в Лас-Вегасе.

– А теперь оказалось, что в Лас-Вегасе была вовсе не копия.

Мерedit вдруг стала серьезной.

– Только сегодня, прочтя письмо, я узнала, что Эндрю поменял их обратно. Ума не приложу, как он нас рассекретил и когда произвел замену.

– Ты уверена, что у вас сейчас копия, а не оригинал? – спросил Этан.

Мерedit кивнула:

– Как только Остроу уехал, я позвонила маме и попросила ее проверить. Она была вне себя.

– И все это время вы считали, что у твоей мамы хранится оригинал? Но к чему вся эта интрига? Зачем тратить столько усилий на создание копии и подменять ею оригинал, не сказав ни Эндрю, ни мне?

Мерedit скомкала листок и швырнула его на землю. Она сделала глубокий вдох, собираясь с силами, чтобы ему ответить.

– Мы вам не доверяли, – наконец ответила она. – Семейная Библия Морганов – не то, к чему можно относиться легковесно. Мы должны были обеспечить ее сохранность.

– Ты мне не доверяла? – воскликнул Этан.

Эта мысль постепенно буравила его сознание, и чем глубже она проникала, тем больше он расстраивался.

– Ты мне не доверяла? – крикнул он громче, хлопая рукой по ближайшей ветке. – Последний раз мне такое заявляли, когда мне было семнадцать лет!

Мерedit спокойно приняла этот всплеск эмоций, вероятно, она его предвидела. В определенном смысле, ее стоило пожалеть. Он-то и раньше думал, что украден оригинал Библии. Она же перенесла новый удар. Он и пожалел бы ее, если бы не был так зол, скорее за Эндрю, чем за себя.

– В своем письме Скай велел мне спросить тебя, кто подал ему идею написать серию книг о Морганах, – продолжил Этан, – и кто подсказал школе, что можно их инсценировать.

Мерedit подняла на него глаза, наполненные слезами:

– А что еще он написал?

– Давай по порядку. Отвечай на вопрос.

Она сорвала еще один листок и снова принялась за дело: сгиб в одну сторону, сгиб в другую.

– Это была моя идея, – ответила она. – Ведь кто-то должен был оберегать ваше семейное наследие. Эндрю говорил, что это твоя обязанность как старшего брата, а ты не проявлял к этому ни малейшего интереса. Но я видела, что ему хотелось что-то сделать. Книги и постановка давали ему хороший шанс воплотить это желание, не ставя тебя в неудобное положение.

– Ты его не любила.

Это было сказано с утвердительной интонацией, а не вопросительной.

На оригами из листика закапали слезы.

– Думаешь, он знал? – еле слышно спросила она.

– Да, он знал.

Мерedit вытерла слезы со щек:

– А почему же он ничего не говорил мне об этом?

– Потому что он тебя любил. Может быть, он надеялся, что когда-нибудь ты ответишь на его чувства.

Слезы потекли снова.

– Он был таким хорошим человеком. Просто я никогда...

– Ты вышла за человека, которого не любила?

Мерedit поднялась с камня.

Она прошла несколько метров до стены, откуда открывался вид на руины городка.

– В истории человечества всегда были распространены браки по другим причинам, помимо романтических, – сказала она. – Это отнюдь не редкость.

– Значит, если не по любви, тогда почему?

Этан знал, что она скажет, но хотел услышать это из ее уст.

– Из-за наследия Морганов. Всю свою жизнь я хотела выйти за-

муж за Моргана. С тех самых пор, когда я впервые услышала о Дрю Моргане и Эденфорде.

– И ты собиралась иметь ребенка от мужчины, которого не любила?

Она обернулась к нему и ответила, на этот раз с дерзостью:

– Не просто ребенка, а наследника Морганов. Да хоть дюжину! Я бы не остановилась, пока не обеспечила бы продолжение рода. Я бы непременно произвела на свет мальчика.

– Так вот в чем дело? – закричал Этан. – Годы лжи и манипуляции – ради наследника?

Ее признание в том, что она не любила Ская, зажгло в нем искру, которая непреодолимо подбиралась по шнуру все ближе к бомбе. Он сжимал и разжимал кулаки, его щеки горели. Три быстрых шага, и он уже был возле нее.

– Вот чего ты хочешь? Ребенка? Прекрасно – сейчас мы этим займемся!

Он потянул ее за рукав платья.

– Этан! Что ты делаешь?

– Хочешь ребенка? Давай сделаем! Прямо здесь! На глазах у Бога, ангелов и мертвых обитателей Эденфорда. Это наверняка понравится клану Морганов.

– Этан, прекрати!

Она плакала и отбивалась. Он продолжал набрасываться на нее.

– Что случилось? Засмущалась? С чего это вдруг? В истории человечества дети рождались не только по любви. Важна ведь кровь, правда? Так давай, вперед! Произведем наследника прямо здесь и сейчас!

Она влепила ему пощечину. Сильную. Настолько сильную, что голова его откинулась в сторону, а на щеке проявился красный отпечаток.

Этан отступил и повернулся к ней спиной. Своей пощечиной она словно выбила из него весь запал, и теперь он чувствовал лишь усталость.

– Мередит... Извини... – сказал он.

На удивление, она мягко рассмеялась.

– Ты застал меня врасплох, – сказала она. – Когда я ехала сюда и представляла себе нашу беседу, то предполагала, что ты попытаешься меня задушить. Но мне и в голову не приходило, что ты...

– Я же сказал, извини.

Несколько минут тишина нарушалась лишь шорохом листвы.

– Я должна сказать тебе еще кое-что, – прервала молчание Мередит. – Думаю, этого не было в письме Эндрю.

– Еще кое-что?

– Да, и если я не скажу этого сейчас, то не скажу никогда.

Этан скрестил руки на груди, пытаюсь морально подготовиться. Он не был уверен, что сможет воспринять новые откровения.

– Когда мы с тобой впервые встретились? – спросила Мередит.

Это был легкий вопрос:

– У Эндрю на дне рождения, когда ему исполнился двадцать один. До того я уже несколько месяцев выслушивал его рассказы о тебе и видел около сотни твоих портретов, сделанных его рукой.

– Это была уже не первая наша встреча, – поправила она.

– Ошибаешься. Я уверен, что первая.

– Первая была на встрече выпускников. Ты тогда учился в последнем классе школы и играл в школьной футбольной команде. Я прилетела из Огайо, чтобы посмотреть на твою игру и познакомиться с тобой.

– Ты там была? Ужасный был матч!

– Это точно! После матча ты и твои товарищи затеяли заварушку с игроками соперников.

– Да, помню, мы сцепились не на шутку. Они провоцировали нас всю игру, и все им с рук сходило.

– Вряд ли это можно отнести к числу твоих звездных моментов.

– Конечно, нельзя.

– Ты должен меня понять. Много лет я пыталась представить себе, какой ты. Фантазии глупенькой девочки. И тут я вижу, как ты себя ведешь...

– Я не оправдал твоих ожиданий.

– Вот именно, – тихо сказала она.

– Я был не таким, как Дрю Морган.

Мередит опустила глаза:

– Нет, не таким.

– Что ж, хочу тебе кое-что сообщить, – сказал он. – Я и сейчас не такой, и никогда таким не стану. Ты хоть понимаешь, насколько это

глупо, Мередит? Ты мечтала о человеке, которого не существует! – Этан снова задышался от злости. – И знаешь, что мне кажется? Что если бы сам Дрю Морган явился тебе сейчас, он бы тебе не понравился! И знаешь почему? Потому что тот образ, который у тебя в голове, не совершает ошибок! Он идеален. Он такой, каким ты хочешь его видеть. Ни один человек не способен оправдать твои ожидания. Даже сам святоша Дрю Морган!

Не оглядываясь и не прощаясь, Этан повернулся, чтобы уйти. С него довольно!

– Не уходи, Этан! Пожалуйста! Я... я люблю тебя!

– Что?

Мередит перевела дыхание.

– Я любила тебя с того самого момента, как впервые увидела. Но я тебя боялась. И сейчас боюсь. Я вышла замуж за брата, который был не таким опасным.

Этан медленно развернулся и посмотрел на нее:

– Ты меня любишь?

Она рискнула улыбнуться:

– Да.

Этан опустил глаза. Он не мог сосредоточиться:

– И все это время...

– Да.

– И что ты хочешь от меня услышать, Мередит? Что я тоже тебя люблю? И всегда любил? – он покачал головой в недоумении и закатил глаза к небесам. – Ты заманила меня сюда, к тем деревьям, под которыми признавался в любви Дрю Морган, – на что ты рассчитывала? Что его дух овладеет мною, и я сделаю то же самое?

– Я совершенно не ожидаю...

– Да ты понимаешь, что это неприлично? – закричал Этан. – Ты – жена моего брата.

Он уже наполовину спустился с холма, когда она снова его позвала.

– Этан, не уезжай. Я забронировала для нас номера в Бикли. Это прямо здесь, за рекой.

Но Этан не собирался оставаться в Бикли. Он был намерен тут же ехать в Экзетер, оттуда лететь в Манчестер, ждать восемь часов на

неудобном пластмассовом стуле, а потом лететь домой. Он проклинал себя за то, что вообще позволил заманить себя в Англию. Однако пока он спускался с холма, усталость легла на его плечи неподъемным грузом. Он уже не был уверен, сможет ли довести машину до Экзетера, не заснув за рулем.

На следующее утро Этан спустился из своего номера к завтраку в добром здравии и с легким чувством стыда. Он сожалел о том, как вел себя накануне у руин древнесаксонского замка.

Засыпая в темноте гостиничного номера, он пытался оправдаться перед Скаем. Его поведение объяснялось усталостью, гневом и досадой, утверждал он. Но брата это не убеждало. Он был уверен, что грубости нет оправдания. Разумеется, он был прав.

Мередит ждала Этана за резным деревянным столиком у окна, выходявшего на живописный английский луг. Она как раз намазывала джем на булочку, отставив чуть в сторону начатую чашку чая.

Она почувствовала его приближение и спросила, не отрывая глаз от булочки:

– Как спалось?

Он хотел поскорее облегчить душу, поэтому сразу сказал:

– Мередит, я хочу извиниться за вчерашнее...

– Правильно, это не помешает, – поспешно сказала она, не давая ему закончить предложение. – А пока садись, выпей чаю, – она вонзила зубы в булочку.

Резкий ответ сбил его с толку и отбил желание продолжать подготовленный джентльменский монолог. Он так хотел поступить правильно, а она совершенно этого не оценила!

– Садись, садись! – сказала она, как будто все вопросы уже были решены.

Этан неохотно сел.

– Давай-ка я налью тебе чашечку английского чая, – предложила она и, не дожидаясь ответа, потянулась за белым фарфоровым чайником с голубой каемкой. – Напомни мне, чтобы я обязательно

купила чай, прежде чем вернемся домой. В Калифорнии хорошего английского чая не найдешь. Уж поверь мне, я искала.

– Я не люблю чай, – сказал Этан, наблюдая, как ее руки движутся в привычном для них ритме.

– Этот ты полюбишь, – ответила она, подливая в чашку молоко. – Он совершенно не похож на то, что ты пробовал в Штатах. И непременно отведай вон тех пышек – не знаю, как они правильно называются, но они божественны. Я больше нигде их не видела, кроме этого отеля.

Этан чувствовал себя напряженно. Ему не хотелось ни чаю, ни пышек. Своей чайной церемонией Мередит разворошила в нем вчерашний гнев. Он отодвинул чашку и поискал глазами официанта.

– Надеюсь, в Англии подают кофе? – сказал он.

– Вначале попробуй чай, – не унималась Мередит. – Тебе понравится, я точно знаю.

Этан поднялся из-за стола.

– Мне пора ехать. Я перекушу в аэропорту.

– Ах да, кстати. Я позвонила в аэропорт и сказала, что ты не полетишь.

– Что-что?

– И отправила обратно арендованную машину. Тут один паренек вызвался отвезти ее в Экзетер за умеренную плату. Сын садовника, хочет быть стоматологом. Интересно, правда? Никогда еще не встречала подростка, который хотел бы быть стоматологом.

– Ты... ты аннулировала мой билет? – прошипел Этан.

Мередит надкусила пышку.

– Да, я подумала, что мы можем доехать до Лондона на машине. Это всего лишь четыре часа. Мы с мамой часто так ездим, – она минутку пожевала. – А ты знаешь, что из Экзетера в Лондон нет прямого рейса? Можно лететь только с пересадкой в Гернси, Дублине, Глазго, Манчестере, Белфасте, Абердине или Лидсе. Как ты думаешь, почему? Учитывая, сколько времени занимает пересадка, быстрее доехать до Лондона на машине.

– Я заплатил за билет в оба конца!

– И дорога такая живописная!

– Мередит!

– Да успокойся ты, – сказала она. – Сядь и выпей чаю. Из Лондона удобней долететь в Цинциннати. К тому же, ты сможешь увидеть белую лошадь.

– Цинциннати? Я не собираюсь в Цинциннати!

– Давай заедем ненадолго на обратном пути, – сказала Мередит. – Это практически по дороге. Не все ли равно, как возвращаться – через Атланту или через Цинциннати?

– Да, но твоя мама живет не в Атланте!

Мередит понимающе кивнула:

– Поверь мне, ты не пожалеешь об этой задержке.

– Поверить тебе? Тебе?

Мередит поджала губы.

– Ну почему ты упрямисься? Я все это делаю ради тебя. Ты ведь никогда не был в Англии. Раз ты уже здесь, почему бы не посетить Лондон? А по дороге не взглянуть на белую лошадь в Уффингтоне? Сядь и выпей чаю.

Этан был так зол, что не мог даже смотреть на нее. Он обдумывал, как ему поступить. Можно попробовать вернуть свой билет. Конечно, с него возьмут штраф, но он с радостью его заплатит. В конце концов, можно купить новый билет. Пусть даже с двенадцатичасовой пересадкой в Багдаде, нестрашно!

Он уселся за стол. Хотя это и умаляло его в собственных глазах, а все же не хотелось терять несколько сотен долларов только ради того, чтобы поступить назло Мередит.

– Я не буду пить чай, – заявил он.

– Как тебе угодно.

Она прекрасно осознавала свою победу, что разъяряло Этана еще больше.

– И мы не будем останавливаться, чтобы погладить какую-то там белую лошадь.

Мередит рассмеялась.

– Уффингтонская белая лошадь – это фигура на холме. Она была вырезана три тысячи лет назад, причем она такая огромная, что смотреть на нее лучше с воздуха. Вот это загадка, правда? С какой стати древним людям, не знавшим никаких летательных аппаратов, вырезать то, на что нужно смотреть с воздуха?

– У меня есть вопрос получше. С какой стати современным людям, таким как мы, ехать четыре часа ради лошади, вырезанной на холме?

– Ты хочешь сказать, что не желаешь заезжать в Уффингтон?

– Совершенно верно.

– Ну и хорошо. Тогда у нас останется больше времени на Лондон. Думаю, можно будет проехать мимо собора Святого Павла и отправиться в Тауэр. Тебе как сотруднику правоохранительных органов будет интересно увидеть место, где слетели с плеч многие знаменитые головы.

– Когда у нас рейс?

– Сегодня поздно вечером. У нас еще полно времени.

– Вижу, ты просчитала все до мелочей.

Меридит обворожительно улыбнулась, попивая чай маленькими глоточками.

Этан выглянул в окно:

– Трудно поверить, что здесь жили наши предки... Ходили вдоль этой реки...

Она присоединилась к нему в его благоговейных чувствах, потерявшись взглядом в бескрайних зеленых просторах.

– И ты все это сделала ради семейного наследия, – сказал Этан.

Она медленно кивнула.

– Да. Я им очень дорожу.

– Еще бы, – продолжил он. – По-моему, для тебя прошлое важнее настоящего.

Она поставила чашку на стол:

– Я бы не делала столь далеко идущих выводов.

– А я бы сделал, потому что так оно и есть, – Этан подкрепил свое обвинение выразительным взглядом. – Вчера был мой первый рабочий день после перерыва. Ты об этом знала, но почему-то не интересовалась, как он прошел.

Меридит заволновалась:

– Я... Я собиралась тебе позвонить. Но тут пришел адвокат Эндрю и...

– Ты не спросила меня, почему я так рано получил письмо Ская. Я ведь должен был быть еще на работе в это время.

– Ну, я предположила, что Остроу договорился встретиться с тобой на работе...

– Ты *предположила*? Верится с трудом! Мередит, ты никогда ничего не предполагаешь, по крайней мере, в делах, которые тебя волнуют. Ты тщательно планируешь каждую деталь, вплоть до остановки по пути в Лондон для осмотра трехтысячелетней лошади!

Он сам не заметил, как начал кричать.

Зрачки Мередит расширились. Она приоткрыла рот, но была не в состоянии вымолвить ни слова.

– Остроу пытался доставить письмо на работу, но не смог. А знаешь почему? Потому что меня там не было. Я уже ехал домой.

– Домой? – она обеспокоилась. – О, Этан, конечно... твои раны... и все эти путешествия... Я не подумала...

– Вот именно, ты не подумала! Не волнуйся, мое здоровье в порядке. Правда, я быстро устаю, но вчера я поехал домой не поэтому. Меня отправил шеф. Сначала он всыпал мне по первое число, а потом отстранил от обязанностей.

– Отстранил?

– На неопределенный срок.

– Но почему?

– Разве тебе это интересно? Я пока еще жив, а тебя интересуют только мертвые Морганы.

– Этан, ты несправедлив ко мне.

Да, он был несправедлив – и осознал это. Но он не извинился. Ему было приятно, что наконец-то он одержал верх.

– Шеф отстранил меня, потому что все бульварные газеты с упованием пережевывают события в Лас-Вегасе. «Взбунтовавшийся коп требует вендетты» и тому подобное.

– Так тебя отстранили... – сказала Мередит.

– Да.

Она наморщила лоб.

– Это означает, что мы можем провести больше времени в Лондоне. Пей чай, пока он не остыл.

– Я же сказал тебе, что не люблю чай! – проревел Этан.

* * *

Сдав ключи от комнаты, Этан побродил по территории отеля – бывшего замка Бикли. Из брошюр, лежащих на столике регистрации,

он узнал, что замок был построен в четырнадцатом веке. На двенадцати гектарах земли располагался сад, площадки для игры в теннис и гольф, пруд с рыбой. Оглядывая мощный фасад, Этан задумался: что сказали бы люди средневековья, если бы узнали, что их твердыня стала маленьким уютным отельчиком.

Дорога в Лондон была утомительной и скучной. В пути их постоянно сопровождала стайка облаков, похожих на маленьких барашков. Все четыре часа Мередит без умолку болтала, в основном о своих предыдущих поездках в Англию, которые происходили, пока Скай думал, что она у мамы. Теперь, когда Ская не было в живых, она могла открыто о них рассказывать. Этана это раздражало.

– Жаль, что у нас мало времени. Здесь так много мест, которые я бы хотела тебе показать, – сказала Мередит, когда они въехали в город.

Этан злобно глядел на море машин со всех сторон. Пока они ехали вдоль Темзы по Миллбэнк-роуд, все было хорошо, но как только они приблизились к Вестминстерскому аббатству и Биг-Бену, окружающий транспорт решил стиснуть их в объятиях и не выпускать.

– Просто показывай пальцем на то, что мне нужно осмотреть, – угрюмо сказал Этан. – Я выйду из машины, осмотрю, и подсяду к тебе обратно кварталом дальше.

Кивая в сторону карты, развернутой у него на коленях, Мередит сказала:

– Можешь ее спрятать. Теперь нам ехать прямо до Тауэра, никуда не сворачивая, хотя эта улица несколько раз сменит название.

Этан посмотрел на карту:

– И что это за улица?

– Сейчас мы на Стрэнде. За следующим перекрестком он превратится в Флит-стрит, потом в Ладгейт-хилл, потом в площадь Святого Павла, когда мы подедем к собору. После этого мы попадем на Кэннон-стрит, а дальше – на Грейт Тауэр-стрит.

Он следил за ее рассказом по карте – она ни разу не ошиблась.

– В каждом большом городе придумано что-то свое, чтобы сбивать людей с толку, – сказал он, складывая карту.

Он поднял глаза и чуть не закричал от паники. Это уже не впервые. Несколько раз, когда он забывал соответственно настроиться,

ему казалось, что Мередит едет по встречной полосе. На этот раз она не заметила его испуга. Пробка рассосалась, и они ехали в стабильном темпе.

– Собор Святого Павла прямо перед тобой, – проинформировала она.

И действительно, прямо перед ними возвышался массивный купол с двумя колокольнями по бокам. Ступеньки шириной во все здание вели к входу с колоннадой. Солнце светило с противоположной стороны, и фасад был залит светом. Этан впервые обрадовался, что Мередит за рулем и он может уделить все внимание собору.

– Когда Гитлер бомбил Лондон, площадь вокруг собора была основательно разрушена, но здание чудесным образом не пострадало. Фотографии купола, поднимающегося среди пепла и дыма, стали символом несокрушимого духа страны.

Этан понимал почему. Даже в мирный день, на фоне голубого неба с редкими облачками, купол поражал воображение.

Дорога вильнула вправо, и собор отодвинулся в сторону.

– Он построен в форме креста, – сказала Мередит, поглядывая на собор, насколько позволяло дорожное движение, – и купол располагается на пересечении двух перекладин. Это один из самых больших куполов в...

В следующее мгновение Этан почувствовал, что машина оторвалась от земли и медленно проделала сальто в воздухе. В боковом окне показался асфальт, а Мередит с криком нависла сверху над Этаном:

– Нет! О Господи, нет!

Кажется, она не понимала, что колеса больше не касаются земли, так как продолжала жать на тормоз и выкручивать руль, словно могла перевернуть машину обратно и посадить на дорогу нужной стороной.

Но это ей не удалось, и они с силой врезались в землю. Окно со стороны Этана разбилось вдребезги, и осколки затрещали у него под головой и левым плечом. Мередит скользнула по своему сидению и упала на Этана сверху, угодив головой ему в челюсть. Машина слегка подпрыгнула и забуксовала по дороге. К счастью, Этану удалось приподнять голову, но плечо больно счесалось об асфальт и стеклянную крошку.

Все перевернулось на бок. Взрывная волна, подбросившая их в воздух, сыграла жестокую шутку со слухом Этана. Мередит лежала прямо на нем и кричала, но звук доходил как будто бы издалека.

Их машина снова содрогнулась, когда перед ними на асфальт прямо с неба грохнулась другая машина. За ней последовал метеоритный дождь из камней и осколков. Некоторые осколки были увесистыми, один из них нанес машине впереди жестокий удар – по всей видимости, смертельный. Словно дух, покидающий тело, из мотора повалил дым.

Этан накрыл ладонями голову Мередит, чтобы защитить ее от падающего мусора.

– Что это? Что случилось? – простионала она. Она сделала слабую попытку отодвинуться от Этана.

– Пока лучше не двигайся, – сказал Этан и тут же повторил громче, поскольку сам себя не услышал.

Что-то жужжало и вибрировало. Он понял, что мотор продолжал работать, передача тоже, и задние колеса беззаботно крутились, как будто бы продолжали свой путь.

Весь мир перед лобовым стеклом лежал на боку – во всяком случае, так им казалось. Улица была запружена мусором, разнообразными обломками и неподвижными машинами.

– Что случилось? – повторила Мередит.

И тут они увидели ответ на ее вопрос – зрелище настолько невообразимое, что они не могли поверить собственным глазам. Мередит зажала рот рукой, чтобы приглушить крик. Этан вытаращился на кошмарное зрелище широко открытыми глазами.

Еще в школе он читал о подобных выдающихся трагедиях, черных днях, вошедших в историю, и всегда представлял, каково было очевидцам этих событий – нападения на Перл-Харбор, убийств президентов Линкольна и Кеннеди, гибели «Челленджера», теракта в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года.

И вот он собственными глазами наблюдал, как купол собора Святого Павла соскользнул со своего основания и слетел на площадь, словно бумажная обертка. Рассыпаясь на кусочки, он взбил клубы пыли, которые двигались в их сторону с огромной скоростью.

– Прижмись! – закричал Этан, прижимая голову Мередит к груди и снова закрывая ее ладонями.

Облако с силой ударилось об лобовое стекло, усыпая его камнями, пока оно наконец не треснуло и не рассыпалось. Пыль обволокла их со всех сторон, затрудняя дыхание и разъедаая глаза. Они кашляли, хрипели и пытались вдохнуть хоть чуть-чуть кислорода.

Локоть Мередит впился Этану в живот. Кашляя, он каждый раз получал резкий удар по почкам. Он попытался оттолкнуть Мередит:

– Привстань... Не дави сюда... – прохрипел он.

Одной рукой она прикрывала рот, а второй старалась оттолкнуться, чтобы слезть с Этана. Нечаянно она задела его рану, причем прямо по центру, как будто бы целилась.

Этан издал протяжный вой, который перешел в новый приступ кашля.

– Ой, прости, пожалуйста! – закричала Мередит, стараясь больше не задеть рану. Но это ей плохо удалось, поскольку опереться было не на что. Она нажала на рану с краю, и та начала кровоточить.

Еще после нескольких рывков она наконец-то расположилась так, что ее вес приходился на спинку сиденья. Этан часто моргал, смахивая выступившие от боли слезы.

– Мередит... ты... ты в порядке? – спросил он, перехватив ее взгляд. Это был взгляд испуганного животного – она начала осознавать, что именно произошло у них на глазах. Ее подбородок задрожал, а губы пробормотали что-то, чего Этан не расслышал. Вконец запутавшись, она протянула руку к его двери, видимо, надеясь ее открыть.

– Мередит, – сказал он, – мы не сможем выйти с этой стороны. Нужно выбираться наверх.

– Наверх?

– Через твое окно. Прямо у тебя над головой.

Мередит обернулась и посмотрела в окно со стороны водителя. Там, где должно было находиться голубое небо с белыми облачками, сейчас стояло серое облако пыли.

– Протяни руку, открой окно и постарайся выбраться, – объяснил ей Этан.

Мередит снова взглянула в то окно, и в ее глазах сверкнула решимость. Ухватившись одной рукой за руль, второй она покрутила рукоятку и открыла окно. Этан поддержал ее снизу, и она выкарабкалась из машины.

Через лобовое стекло он увидел, как она сделала несколько шагов и осмотрелась вокруг. Ее руки безвольно висели вдоль тела.

Ему удалось сесть и подтянуть под себя ноги. Дальше предстояло самое сложное. Чтобы вылезти через окно, нужно было напрячь мускулы, пострадавшие при ранении. Жмурясь и корчась от боли, он подтянулся и выбрался на волю.

Они стояли прямо напротив собора – вернее, того, что от него осталось. Площадь выглядела так, будто находилась в зоне боевых действий. Будто гитлеровские бомбардировщики вернулись, чтобы завершить начатое дело. На этот раз они не промахнулись.

Южной стены собора больше не было. Без ее поддержки крыша с куполом рухнула. Так обезобразить это благородное сооружение – настоящее преступление против человечества.

Машины, камни, кирпичи валялись посреди улицы. Среди них, как зомби, бродили люди. Дорога была так густо усеяна пылью, что казалось, будто наступила зима. Где-то вдали гудели сирены.

– Давай я уведу тебя отсюда, – сказал Этан Мередит.

– Нет, со мной все в порядке. Лучше посмотрим, кому здесь нужна помощь.

Она была вся в порезах и ссадинах.

– Ты уверена, что с тобой все в порядке? – переспросил Этан.

– Посмотри, что там в соседних машинах, – ответила она.

Машина прямо перед ними приземлилась колесами вверх и рассыпалась до остова. Мередит заглянула внутрь со стороны пассажира.

– Ничего не вижу, – прокричала она Этану. – Погоди минутку... – она опустилась на колени, на секунду исчезла внутри, а потом снова появилась. – Пассажирское сиденье пусто. А как там водитель?

– Пойдем к следующей машине, – сказал Этан. Не стоило сообщать ей о состоянии водителя. Ему уже невозможно было помочь.

Следующая машина стояла на колесах, но большой кусок стены упал на капот. Кто-то стучал в правое окно изнутри. Оно открылось, и оттуда показался ботинок.

Со стороны церкви раздался крик:

– На помощь! Кто-нибудь, на помощь! Здесь дети!

Этан обернулся и увидел, что кричит мужчина, стоящий на краю руин.

– Мередит, помоги человеку в этой машине, – сказал он, – а я...

Прежде чем он договорил, она уже согласилась:

– Беги!

Этан побежал к руинам церкви так быстро, как только мог. Откуда-то появились еще два человека.

– Этан!

Он обернулся.

– Осторожней там, – крикнула Мередит.

– Сюда, сюда, – указывал тот, кто звал на помощь, – они под завалами!

Это был молодой человек, не старше тридцати, как определил Этан. Его рубашка была порвана и измазана кровью.

Он помог Этану и двум другим добровольцам перебраться через невысокий кусок стены и провел их туда, где попали в западню дети. С десяток малышей, которые были уже вне опасности, сбились в кучку у колонны и тихо всхлипывали, грязные и перепуганные.

Проводник поручил старшему добровольцу – старичку лет восьмидесяти – вывести детей из здания. Верное решение, подумал Этан. И дети не будут путаться под ногами, и с дедушкой ничего не случится. Сил у того явно было немного.

Старик оказался добрым и заботливым провожатым. Дети охотно последовали за ним.

Этан и оставшийся доброволец пошли дальше за молодым человеком.

– Сюда, – сказал он. Сквозь облако пыли он вывел их к большой куче строительного мусора – остатков наполовину обрушившейся стены.

– Нужно перелезть через это, – сказал он и начал карабкаться с камня на камень, как по ступенькам. С каждым его шагом оставшаяся часть стены содрогалась. Неизвестно, видел ли он это, но продолжал двигаться дальше.

– Стойте! – предостерег его Этан.

Еще два шага, и молодой человек наклонился, указывая на место, где были погребены дети.

– Не двигайтесь! – закричал Этан. – Стена...

Но было уже слишком поздно. Стена рухнула. Она крошилась на куски, ударяясь о проводника.

Этан и другой доброволец отпрыгнули в стороны, пытаясь спастись от каменного дождя. Ни тому, ни другому это не удалось. На спину Этану один за другим обрушились три камня, каждый размером с арбуз. «Удары святого Павла» – описывал он их впоследствии. Если бы «апостол» стукнул его по голове, Этан пополнил бы число погибших. Другому добровольцу повезло меньше. Большой кусок стены упал ему на ногу, подскочил и снова упал, прочно прижав ногу к земле.

Лежа на полу собора, Этан бросил взгляд на товарища по несчастью, корчившегося от боли.

– *Не тратьте силы. Я вам сейчас помогу.*

Этан собирался сказать эти слова, но почему-то они не материализовались. Он попытался подняться, но это тоже осталось невоплощенной идеей.

Боль в спине постепенно проходила.

– Этан! Тебя сильно ушибло?

Он повернул голову и узнал тифли Мередит, потом ее колени, а потом и лицо, когда она наклонилась, чтобы осмотреть его.

Этан оценил свое состояние.

– Кажется, ничего не сломано, – сказал он. – Помогите-ка мне встать.

С ее помощью он поднялся на ноги. Голова немного покружилась, но потом все встало на места. Этан провел последовательную диагностику своего организма: глаза видели, шея вращалась, руки поднимались, пальцы сгибались, ноги двигались. Он сделал пробный шаг. Хоть тело казалось одеревеневшим и обещало болеть на следующее утро, пока что оно более или менее функционировало.

– Помогите мне высвободить его ногу, – сказал он Мередит.

Вместе они подняли обломок стены с ноги пострадавшего мужчины. Несмотря на их совет не спешить, тот тут же поднялся и попробовал пройтись. Он прихрамывал и морщился от боли, но рвался в бой.

– Скорее, давайте спасем детей! – воскликнул он, всматриваясь в развалины.

Этан подумал, что в обычных обстоятельствах они наверняка бы друг другу не понравились. Это был грузный мужчина с трехдневной щетиной и фривольными татуировками на обеих руках. От него пахло сырой рыбой – наверняка он работал грузчиком в порту. Но они оказались в необычных обстоятельствах, где ничто не характе-

ризует человека лучше, чем желание помочь другим, преодолевая собственную боль.

Хотя стена больше не представляла для них опасности, упав, она лишила своей поддержки часть крыши, и та угрожала обрушиться в любой момент. В качестве предупреждения она усыпала их мелкими камешками и щепками.

Этан и портовый грузчик откопали из-под камней их бывшего проводника. Тот был мертв. Камень разможил ему голову.

Они слышали детский плач. Начали прибывать команды спасателей – вдали раздавались различные команды и сигналы, но до их части здания пока еще никто не добрался.

Под градом из мелких камешков Этан поднимал обломок за обломком, передавая Мередит. Еще немного раскопок, и они, наконец, обнаружили четверых малышей, зажатых в пространстве не больше багажника машины.

Этан поднял первую девочку и передал ее грузчику, тот – Мередит, она – подросшим пожарникам. Еще двое были извлечены из каменной могилы и переданы грузчику и Мередит. Этан вынес в безопасное место последнюю малышку, у которой были сломаны ноги.

– Куда ее нести? – спросил он пожарника.

Пожарник хотел было забрать девочку, но Этан отказался ее отдать. Девочка смотрела на него огромными голубыми глазами. Она не понимала, что происходит. Этан постарался ее успокоить.

– Теперь все будет хорошо, – сказал он.

Она взглянула на него с удивлением.

– Ты что, янки?

Этан улыбнулся:

– А ты откуда знаешь?

– Ты говоришь, как в кино.

Этан снова улыбнулся:

– И походка у меня смешная. Только тебе сейчас не видно.

Ее улыбка сменилась гримасой боли, от которой у Этана едва не разорвалось сердце. Каким нужно быть монстром, чтобы сделать такое, не жалея невинных детей?

– А ты живешь в Голливуде? – спросила она.

– Я живу в Калифорнии – не очень далеко от Голливуда.

Ее глаза засияли.

– Знаешь Тома Круза?

– Вообще-то нет, Том живет в другом районе.

– А я просила Бога о том, чтобы меня спас Том Круз.

– Ну извини, тебе придется согласиться на меня.

Девочка совсем ослабела.

– Том очень симпатичный... – прошептала она.

– Ты что! Он ведь женат!

Она рассмеялась его шутке:

– И все равно он симпатичный!

Передав девочку медперсоналу на только что организованной станции первой помощи, Этан направился обратно в церковь – посмотреть, где еще может понадобится его помощь. Полицейский – констебль, как их называют в Англии, – перегородил ему дорогу. Этан предъявил свое полицейское удостоверение.

– Ну тогда ладно, янки, – сказал констебль.

Мерedit осталась на станции первой помощи, укутавшись в одеяло.

Этан зашел в здание собора в поисках жертв. Посреди зала ему пришлось заслонить глаза от яркого солнечного света – а ведь уже сотни лет сюда не мог проникнуть ни один луч солнца.

– Эй, есть кто-нибудь? Кому нужна помощь?

В ответ на его зов из-за спинки скамьи приподнялся мужчина. Он выглядел так, будто вставал из гроба. Этан направился к нему.

В сводчатом проходе показался еще один темный силуэт.

– Джейсон, это ты? – спросил силуэт.

Судя по всему, человек со скамьи знал, кому принадлежит силуэт. Опираясь на спинки скамеек, он двинулся ему навстречу, а тот вытащил пистолет и всадил в него две пули.

– Эй! – инстинктивно выкрикнул Этан и так же инстинктивно потянулся к служебному пистолету, которого на поясе не оказалось.

Снайпер развернулся к Этану. Один шаг, и он уже стоял в солнечном свете.

– Это ты! – закричал Этан.

Перед ним стоял тот же человек, который стрелял в него в трейлере у Корби.

– Это ты! – закричал настолько же изумленный снайпер.

Дуло пистолета нацелилось на Этана. Тот пригнулся. Спинка скамьи разлетелась в щепки.

– Что здесь происходит? – раздался третий голос. Это был портовый грузчик. Прячась за колонной, он позвал на помощь.

Снайпер не хотел рисковать. Он перекинул труп Джейсона через плечо и скрылся в глубине здания.

Секунду спустя грузчик склонился над Этаном.

– К чему катится этот мир? – сказал он. – Убивать людей в соборе Святого Павла! Разве мало им зла на сегодня?

– Да, ходить в церковь нынче небезопасно, – поддержал его Этан.

158 | **О**тблеск голубых мониторов озарял лицо Мэлори Саймона. Он стоял посреди темной комнаты, держа в руках несколько пультов дистанционного управления. Окон в комнате не было. Кондиционер поддерживал постоянную температуру, переработанный воздух в сочетании с излучением от всех приборов создавали в комнате специфический запах. Стены были увешаны плоскими мониторами с высоким разрешением, которые передавали каналы новостей со всего мира, в том числе из Британии и Франции. Сейчас повсюду преобладали сюжеты о спасательных работах после взрыва в соборе Святого Павла. То и дело повторялись любительские видеозаписи туристов, успевших заснять взрыв, а за ним – падение купола.

Саймон наблюдал за этими сюжетами с самодовольной улыбкой, переключаясь с одного монитора на другой. Он щелкал разные кнопки на пультах, включая и выключая звук на разных каналах. По всем сведениям, за разрушение собора Святого Павла взяла ответственность та же террористическая группировка, что и за взрыв собора Нотр-Дам.

Эта комната была центром управления всеми операциями Саймона. Отсюда он следил за ключевыми этапами внедрения своих проектов. Иногда мониторы показывали биржевые сводки и финансовые отчеты. В другие дни на них мелькали лица деловых партнеров из разных уголков мира, с которыми Саймон проводил телеконференцию. Сегодня же он наблюдал за последствиями своего самого амбициозного и самого секретного проекта.

Дверь открылась, и в комнату вошел Пол Гетц. Он быстро окинул взглядом мониторы и занял место в центре комнаты рядом с Саймоном.

В комнате не было стульев, только высокий стол с компьютером и пультом, связанным с многочисленными мониторами. Саймон предпочитал вести дела стоя.

Саймон положил пульты на стол и глотнул воды из бутылочки.

– Впечатляет, не правда ли? – сказал он, не отрывая глаз от мелькающих картинок разрушений.

Дымящиеся руины собора можно было наблюдать под любым углом снаружи, изнутри, даже сверху с вертолета, откуда поступало дрожащее изображение той части купола, которая слетела с крыши целиком и теперь лежала на боку возле собора.

Саймон выпятил грудь.

– Я чувствую себя средневековым рыцарем, у ног которого лежит поверженный дракон, – сказал он.

Гетц молчал. Он знал, что в минуты славы мысли Саймона лучше не перебивать.

– Это последние сведения? – спросил Саймон, указывая на папку в руках Гетца.

– Так точно.

Гетц открыл папку, наклонил ее так, чтобы поймать свет мониторов, и принялся читать отчет.

– Мы располагаем сведениями обо всех исполнителях и их действиях. Все, за исключением одного, вовремя разместили свои пакеты в установленных местах.

– А что сделал тот один, который является исключением?

– Судя по всему, оставил свой пакет снаружи у южной стены. Возможно, он собирался вернуться и переложить его, – Гетц подошел к монитору со съемкой из вертолета.

– Именно из-за этого купол слетел в сторону, – сказал он, указывая на картинку на экране.

По плану собор Святого Павла следовало взорвать так, как обычно разрушают ветхие здания. Если бы все пакеты были размещены правильно, легендарный купол, вздымая клубы дыма, провалился бы в середину собора, а не упал бы на улицу.

– И кто же не справился с заданием? – спросил Саймон.

– Джейсон Ньюман.

Саймон презрительно фыркнул.

– Выпускник Гарварда. Диплом с отличием. Интеллект зашкаливает. Он остался жив после взрыва?

– Да, но был нейтрализован и удален с места происшествия.

– А тело?

– Кремировано, как и положено.

А еще недавно Саймон был так доволен собой! Эта маленькая деталь все испортила. Он ошибся в Ньюмане. Эта мысль лишила его покоя. Что именно он упустил из виду?

Гетц заметил:

– В целом эта операция прошла успешнее, чем с собором Нотр-Дам.

– Не пудри мне мозги, – обрезал Саймон.

Но Гетц знал, что он делает. Его комментарий напомнил Саймону, что сокрушаться бесполезно, а лучше подумать о поправках, которые следует внести в следующий проект.

– В этих дорогих университетах учат одним лишь теориям, – заметил Саймон. – Люди там не умнеют, а только вязнут в собственных суждениях. Ньюман никогда не голодал, как остальные. Есть ли у нас подобные отличники в следующей подборке?

Гетц на минутку задумался.

– Да, Клейн – выпускник университета Корнелл.

– Отстрани его.

– И как ему это объяснить?

Саймон усмехнулся:

– Скажи, что наша проверка выявила в нем морально-этические погрешности.

– Какие?

– Да никаких. Он с ума сойдет, пытаясь догадаться, что именно нам известно. На следующем проекте нужно установить больше камер внутри помещения. По камере возле каждой цели. Я хочу видеть, кто и когда размещает там свои пакеты.

– Есть, – ответил Гетц, делая пометку в блокноте.

Саймон кивнул и отвернулся, давая Гетцу понять, что он свободен. Но тот не уходил.

– Есть еще кое-что.

Саймон нахмурился. Он терпеть не мог дополнений и добавок. Как правило, они представляли собой оправдания за ляпы в работе.

– Когда наш человек нейтрализовал Ньюмана, этому были свидетели.

В глазах Саймона вспыхнула злость.

– И что за идиот позволил себя увидеть?

– Мой сын, – ровным голосом сказал Гетц. Он не пытался выгородить мальчика.

– Сколько свидетелей?

– Двое.

Саймон минутку подумал:

– Нет тела, нет убийства, – заключил он. – Все, что у них есть, – это показания двух свидетелей в неуравновешенном психическом состоянии. Думаю, эта история будет погребена под руинами более широкомасштабной трагедии.

Саймон изо всех сил старался сохранять спокойствие. Оставить за собой свидетелей убийства – это ошибка, которой нет оправдания.

Вопрос был решен, и теперь Гетц должен был уйти. Однако он опять замешкался, а значит, плохие новости еще не закончились.

– Один из свидетелей – Этан Морган.

– Морган? – закричал Саймон. – А что он делал в Англии?

– Понятия не имеем.

Саймон нервно прошелся по комнате. Обернувшись, он вперился взглядом в Гетца:

– Этот парень – дурная примета. Он постоянно показывается в самое неподходящее время.

Гетц кивнул в знак согласия.

– Если бы твой мальчик прикончил его в трейлере Корби, сегодня нам не пришлось бы решать эту проблему. Нельзя оставлять за собой хвостов, Пол.

– Я решу вопрос с Морганом.

– Как?

– У нас есть человек в Сан-Диего.

– Убить копа в его собственном городе? Не будь дураком. Ничто так не заводит полицию, как убийство одного из их людей.

– Я удостоверюсь, что...

Саймон жестом остановил его:

– Мы – не мафия. Мы бизнесмены. Убивать только из-за того, что человек перешел нам путь – напрасная трата сил. Нужно вначале убедить, что его смерть принесет нам выгоду. Нужно увидеть в истории с Морганом новые возможности, а не только угрозу.

– Пока он жив, мы в опасности, – возразил Гетц. – Он может связать убийство Корби с подрывом собора.

– И кто в этом виноват, позволь спросить? – прорычал Саймон. Гетц опустил глаза.

Саймон стряхнул с себя гнев – он мешал трезво мыслить, а это сейчас было необходимо. Он добродушно похлопал Гетца по плечу, поблагодарил его за отчет и проводил к двери.

– Разузнай, что Морган делал в Англии, а я решу, как с ним поступить и как извлечь выгоду из оплошности твоего сына.

* * *

Этан шел по неасфальтированной дорожке вдоль грязной реки Огайо. Мередит шагала рядом. Были сумерки, и воздух пах октябрём. Погода, при которой люди начинают кутаться в куртки.

Постоянство реки вдохновляло Этана. Сотни лет она текла по этому руслу, и протечет еще не одну сотню. День за днем, не зная усталости. Неумолимая путешественница.

Видимо, Мередит тоже ощущала нечто подобное. Она молчала, что было для нее нехарактерно. В оранжевых лучах заходящего солнца ее лицо выглядело более загорелым, а в рыжих волосах плясали огоньки. Казалось, она наполняется силами от речки и ее многовекового жизненного опыта.

– Здесь Маршалл и Джейди Морганы переправляли беглых рабов туда, где им ничто не угрожало, – сказала она. – На стороне Кентукки они были рабами, а здесь – вольными людьми.

– А Куперы? – спросил Этан. – Они тоже переправляли рабов? Она бросила на него странный взгляд.

– Что такое? Я сказал какую-то глупость?

– А ты не знаешь?

– Судя по всему, нет.

– Куперы жили на юге. Они были рабовладельцами.

– Извини, я не знал.

Мерedit не пыталась оправдать свою семью. Ее больше интересовали отношения между Куперами и Морганями.

– Сет Купер и Иеремия Морган были лучшими друзьями еще до войны, – сказала она. – Оба они были проповедниками.

– А во время войны? – спросил Этан.

– Вообще-то они поссорились еще раньше. Иеремия Морган пригласил Сета Купера проповедовать у себя в церкви. Тот привез в гости всю свою семью. Однако во время визита они увидели, как Маршалл и Джейди переправляют через реку рабов. Сет очень разозлился, что сыновья Иеремии занимаются этим в то самое время, когда у них в семье гости с юга.

– Но он же наверняка знал, что Морганья – аболиционисты.

– Да, он знал. Он также знал, что Маршалл и Джейди – члены «подпольной железной дороги».

– Так почему же он разозлился?

– Он считал, что Морганья должны прервать свою аболиционистскую деятельность на время их визита из уважения к его семье.

– Из уважения? – закричал Этан. – Значит, Сет Купер ожидал, что рабы будут ждать у берега со стороны Кентукки, где их могли в любую секунду схватить, избить, надеть на них цепи и отправить на каторгу? И это только потому, что он решил съездить в гости? Да за кого он себя принимал?

– Он был южанином, – Мерedit начала защищаться. – Не суди о том, чего не можешь понять. Тогда были другие времена.

Этан поднял камень и запустил его в реку.

– Не такие уж и другие. Порабощение людей одинаково ужасно во все времена. А рисковать чужой жизнью, чтобы ненароком не обидеть друга, – это преступление. Нужно было сказать Куперу, чтобы он убирался.

– Ты говоришь, как истинный Морган, – улыбнулась Мерedit.

Этан ожидал, что она продолжит защищать Куперов. Ведь это ее предки, в конце концов. Но вместо этого она смотрела на него с теплотой в глазах. Он почувствовал себя неловко.

– И что бы подумал Сет Купер, если бы увидел нас вместе? – спросил он. – Разве мы не враги?

Она подставила лицо заходящему солнцу, и Этан затруднялся сказать, что было ослепительнее. Ветерок играл прядью волос у нее на лбу.

– Тебе нужно почитать романы Эндрю, – сказала она. – Во время гражданской войны Морганы с Куперами несколько раз выручали друг друга. А после войны один из Куперов женился на Саре Морган – той, которая писала популярные новеллы про Кристиана Благородного и Терезу Добродетельную.

– Погоди-ка... Морганы породнились с Куперами? Тогда выходит, что мы – родственники? Пусть и дальние, но все равно. Ты вышла замуж за родственника?

Мерedit рассмеялась:

– Я – плод другой ветви семейства Куперов. Боюсь, что во мне нет ни капли моргановской крови.

Как ни беспечно она это сказала, все же в ее голосе слышалась нотка сожаления.

Мерedit остановилась. Солнце уже село, золотой блеск ушел с ее лица, и внезапно она показалась усталой. Этан тоже устал. С заходом солнца воздух стал сырым и холодным. Заныли раны и растянутые мышцы. Силы покидали его.

– Пора возвращаться в дом, – сказал он.

– Согласна.

Этан взял ее за руку, чтобы помочь подняться от реки наверх к дороге. Посередине склона они остановились – Мерedit нужно было передохнуть. Вместе они любовались чудесным видом на речку.

Он ощущал ее тепло, и что-то внутри него шевелилось. Хотя это ощущение и раздражало его, он не мог его игнорировать. После событий в Лондоне он стал смотреть на Мерedit совершенно иначе. Когда все вокруг рушилось, она оставалась на высоте, превозмогая страх, она помогала другим. Он не знал ее с этой стороны.

Оказалось, что ей тоже вспомнился тот день, поскольку она сказала:

– Ты вел себя так храбро в Лондоне, совсем как...

– Не нужно портить момент, Мерedit.

– Я ведь ничего плохого не сказала!

– Но собиралась.

– И тебя уже успело разозлить то, что я, по-твоему, собиралась сказать?

– Мы оба знаем, о чем ты думала.

Мерedit скрестила руки на груди:

– И о чем же, по-твоему, я думала?

Этан посмотрел на нее. Не обязательно было это озвучивать, они понимали друг друга без слов. Мерedit просто хотела услышать это из уст Этана, а он не желал доставлять ей этого удовольствия. Теперь все свелось к соревнованию «кто кого переглядит». А в этом соревновании женщины, как известно, непобедимы.

– Ты хотела сказать, что я вел себя храбро... совсем как Дрю Морган.

Она улыбнулась, радуясь победе.

– Вот видишь? Ты и сам так думаешь!

– Нет, не думаю, – возразил Этан. – Я просто заканчиваю твою мысль. А что касается Лондона, то вполне естественно помогать людям в беде.

– Ты ничего с этим не поделаешь, Этан, – сказала она, возобновляя подъем. – Ты – настоящий Морган. Ты сражаешься за то, во что веришь.

– Серьезно? И во что же я, по-твоему, верю?

– Я тоже хотела бы услышать ответ на этот вопрос, – раздался голос сверху обрыва. Этан повернул голову в ту сторону и увидел Оливию Купер, возвышающуюся на фоне неба. Уперев руки в боки, она смотрела на них сверху вниз. На небосводе мерцали первые вечерние звездочки. Ее длинная широкая юбка развевалась, как флаг на ветру.

Под таким углом она была похожа на Скарлетт О'Хара, когда та стояла на холме и клялась, что будет сражаться за свою землю до последнего вздоха.

– Сейчас я помогу тебе подняться, дорогая, – сказала Оливия, протягивая Мерedit руку.

Она не протянула руку Этану, чему тот был искренне рад. Он вряд ли захотел бы ответить на ее жест.

* * *

Дом в пятнадцати километрах от Цинциннати, некогда принадлежавший Иеремии Моргану, теперь стал небольшим семейным отелем.

Этан и Мерedit проследовали за Оливией по каменным ступеням к входной двери.

Их приветствовал запах здорового домашнего ужина – картошки с мясом. Этан с завистью пустил слюнки – ему не светило отведать этот ужин. Кормили только постояльцев, а все места в гостинице были заняты. Чтобы попасть к Оливии Купер, нужно было провести два года в списке ожидания. Этан и Мередит остановились в отеле «Рэдиссон Риверфронт» недалеко от аэропорта. Их ужин будет приготовлен на скорую руку из полуфабрикатов.

– Жаркое из говядины и кукурузные лепешки, а на десерт – черничный пирог. Все в исполнении Черил, – отчиталась Оливия, прежде чем Этан успел задать вопрос.

Этан слышал о Черил от Ская. Она была шеф-поваром в отеле «Наследие» вот уже тридцать лет. Ее стряпня была одной из главных причин, почему люди бронировали места за два года. Про ее кондитерские изделия ходили легенды.

– И кто у тебя сейчас в постояльцах? – спросила Мередит.

– Директор завода безалкогольных напитков из Атланты, вместе с женой, профессор истории из мичиганского университета, а также местный пастор с женой, которые празднуют серебряную свадьбу. Она просто душечка. Постоянно предлагает помощь.

Они сняли плащи и повесили на вешалку у двери. Слева прижималась к стене узенькая лестница на второй этаж. Прямо тянулся коридор, ведущий на кухню. Оливия провела их в дверь справа, в помещение, которое некогда служило гостиной в семье Морганов. Теперь здесь был небольшой музей, где в темных деревянных витринах, под стеклом и светом лампочек, хранилась обширная коллекция Библий. Центральным экспонатом была копия фамильной Библии Морганов, выставленная в круглой витрине из красного дерева.

Сердце Этана сжалось от боли, и он снова наполнился решимостью вернуть оригинал.

– Все Библии в этой комнате принадлежат семьям, которые, вдохновленные примером Дрю Моргана, тоже завели традицию передавать фамильную Библию из поколения в поколение, – объяснила Оливия.

Все Библии были раскрыты. На внутренней странице обложки были записаны фамилии владельцев и даты, когда каждая Библия переходила к следующему поколению.

Этан прочел некоторые фамилии вслух:

– Хоуланд, Сарджент, Диэл, Мэйсон, Бойль, Крамер, Грэм, Прайс, – он поднял глаза. – А почему эти Библии больше не хранятся в семьях?

Оливия выдала готовый ответ тоном музейного экскурсовода:

– Новые экспонаты поступают в нашу коллекцию разным образом. Иногда их преподносят в дар люди, не связанные родством с первоначальными владельцами и случайно обнаружившие Библию на чердаке или в подвале новоприобретенного дома. Иногда же семьи сами передают свои Библии нам на хранение. Наконец, некоторые экспонаты приобретены нами на аукционах.

Этан прошел к центру комнаты, к витрине с Библией Морганов. Разумеется, здесь была выставлена лишь копия, но она была так похожа на оригинал, что Этан не мог спокойно на нее смотреть. Сердце снова сжалось от боли. Он вдруг почувствовал, что у него мало времени, что нужно торопиться. Еще больнее было от воспоминаний о вечере, когда был убит Скай.

Этой Библией Мередит пыталась подменить оригинал. Если бы она преуспела, то Библия Морганов сейчас лежала бы в этой витрине.

– А как вы можете быть уверены, что это...

– Что это копия? – закончила его вопрос Оливия. Она тут же достала из кармана ключи и отперла витрину. Надев тонкие тканевые перчатки, она достала Библию из витрины уверенными движениями профессионала.

– Эта Библия – один из экземпляров издания 1611 года, так что она ценна сама по себе, – сказала она. – Мы приобрели ее на аукционе.

Открыв обложку, она указала на список имен внутри, начиная с Дрю Моргана и заканчивая Этаном Морганом. Все было точно так, как помнил Этан.

– Определить, оригинал ли это, можно по чернилам, которыми сделана эта подпись. Хотя почерк в точности скопирован с оригинала, чернила, разумеется, современные. Лабораторная экспертиза показала бы это. Однако есть и более простой способ.

Она закрыла Библию и перевернула ее. Как и в оригинале, сзади зияла дыра в несколько сантиметров глубины.

– Дыра пронзает все страницы аж до евангелий, – объяснила Оливия. – Если в нее посветить, то на первой неповрежденной странице можно увидеть имя.

Она передала Библию Этану. Он повернул ее так, чтобы лампа над витриной светила прямо в дыру, и разглядел одно слово. Это было имя. Он прочел его вслух:

– Иуда.

Оливия кивнула:

– В оригинале Библии имя другое – Фома.

– Вот почему мама могла быстро это проверить, когда я позвонила ей в тот вечер, после смерти Эндрю, – объяснила Мередит и повернулась к матери. – А почему же ты не проверила раньше, после того как я поменяла Библии местами?

– А почему я должна была это делать? Ты же сказала мне, что все прошло гладко, – ответила Оливия, отказываясь признавать свою вину.

Этан усмехнулся. Наверняка где-то вдалеке усмехался и Скай, ведь ему удалось тайком разрушить коварные тещины планы.

– И все равно, – не унималась Мередит, – если бы ты проверила...

– На то не было причин, – резко парировала Оливия. Неудавшаяся подмена оказалась для них большим вопросом.

– Когда вы готовили копию, – Этан сменил тему, отчасти ради Мередит, – вы специально пробили дырку до другого имени?

Оливия перевела взгляд на него, не теряя своей непреклонности:

– Специально ли мы выискивали имя Иуды? Нет. Это была чистая случайность. Первым его заметил антиквар, который помогал нам в изготовлении копии.

– Такое имя, что нарочно не придумаешь, правда? – заметил Этан.

Оливия не удостоила его ответом.

– Только после этого мы решили проверить, что же видно через дырку в оригинале. Когда Мередит доложила, что это слово «Фома», мы решили так и оставить, чтобы можно было отличить оригинал от копии.

Этан обвинительно ткнул пальцем в сторону Мередит:

– Это ведь ты надоумила Ская рисовать комиксы! Так, значит, это было нужно тебе только для того, чтобы он одолжил у меня Библию, а ты ее подменила?

– Ну, с этого все началось, – сказала Мередит в свое оправдание. – Но у Эндрю так замечательно получалось, что издатели просили еще!

– А Скай оказался умнее и разрушил ваши планы.
– И в результате Библия Морганов пропала, – съязвила Оливия. – Если бы Эндрю не впутался...

– Впутался? – закричал Этан. – Да это вы впутались! Вы не имели на это никакого права!

Оливия была готова к бою:

– Мы имели полное право! Если бы ты проявил хоть грамм ответственности...

– Моя ответственность здесь ни при чем! – возмутился Этан.

– Очень даже при чем! Ты дал ясно понять, что тебе плевать на семейное наследие. Кому-то нужно было его охранять!

– И каким образом? Заманив моего брата в брак без любви?

– Этан! – закричала Мередит, оскорбленная таким обвинением.

– Но ведь это правда! – настаивал Этан. – Ты его не любила. Ты вышла за него из материальных соображений, а когда не получила, чего хотела, то решила украсть это с помощью своей матушки. А это, между прочим, уголовное преступление!

Мередит подавила слезы.

– Что за нелепые обвинения! – заявила Оливия.

– Позвольте вам кое-что напомнить, – сказал Этан, обращаясь к ней. – Вы не имеете никакого отношения к роду Морганов, – потом он повернулся к Мередит, – и ты тоже, разве что формальное. Так что не вмешивайтесь в наши семейные дела!

Этану хотелось повысить голос еще с того момента, как у него на пороге показался адвокат Ская. Он испытывал удовлетворение оттого, что наорал на Оливию, но кричать на Мередит почему-то оказалось не так приятно. Хоть она и вышла замуж за Эндрю ради Библии.

В двери возник темный силуэт – видимо, кого-то из постояльцев обеспокоили крики.

– Что здесь происходит? Могу ли я помочь? – спросил он.

– Спасибо, пастор Ларсон, все в порядке, – заверила его Оливия. – Извините, что мы потревожили вас. Если вам нетрудно, передайте Черил, чтобы она подавала ужин. Я сейчас приду.

Пастор бросил подозрительный взгляд на Этана и удалился.

Этан протянул копию Библии Оливии, но та ее не взяла.

– Пусть будет у тебя, – сказала она.

– Она мне не нужна. Это ведь не наша фамильная Библия.

– Положи у себя в витрину. Хотя бы на время, – ответила Оливия.

Этан сверкнул глазами. Она не верит, что он вернет оригинал. Он положил Библию сверху на витрину.

– Спасибо, там уже лежит одна копия.

– Какая еще копия? – спросила Мередит.

– Та, что мне вручили в школе.

Мередит понадобилось несколько секунд, чтобы понять, о чем это он, а потом она рассмеялась.

– Ничего не понимаю, – сказала Оливия.

– Мама, ну помнишь, мы же ходили на школьную постановку! – Мередит повернулась к Этану. – И ты положил ее в витрину?

– Только до тех пор, пока не найду оригинал.

– И что это за копия? Хорошая? – уточнила Оливия.

– Склеенная из цветной бумаги, – ответила Мередит.

– На основе коробки со стиральным порошком, – дополнил Этан, – с дыркой в уголке. Поэтому в витрине кучка бело-голубых гранул.

– Ради Бога, Этан, – скривилась Оливия, – возьми эту копию.

– Спасибо, – ответил он, – но моя мне нравится больше.

Пора было переходить к делу.

– Мередит сказала, что у вас есть информация, которая поможет мне выйти на след Библии.

Оливия вела себя так, будто не слышала его слов. Она положила копию Библии обратно в витрину, заперла ее на ключ, сняла перчатки и прошла в противоположный конец комнаты. Мередит и Этан последовали за ней.

Они увидели перегородку, за которой скрывалось крошечное рабочее пространство – не больше метра в ширину и двух – в глубину. Оно было битком набито бумагами и освещалось тусклой настольной лампой.

За монитором компьютера, сторбившись, сидела женщина. Поскольку в эту комнатку был только один вход, через музей, она явно работала здесь все это время и слышала их разговор.

Каждый квадратный сантиметр пространства был чем-то занят. Стопки бумаг и каталогов. Старые папки на завязках. Посреди стены красовался календарь с котами, оставшуюся часть стены укрыло лавиной маленьких клейких записочек.

Поскольку места для посетителей в комнате не предусматривались, они выстроились вдоль стены: Оливия, Мередит и Этан.

– Это Элис Калвер, – представила женщину Оливия.

– Здравствуйте, Элис, – сказала Мередит.

Женщина развернулась на вращающемся кресле, но не стала подниматься. Ее массивная фигура заполняла собой кресло и переливалась через подлокотники. На кончике носа восседали очки в строгой прямоугольной оправе.

– Мередит, дорогая, очень приятно тебя видеть! Вся моя молитвен-

ная группа молилась о тебе, когда мы услышали, что ты была на месте происшествия возле собора Святого Павла.

– Спасибо, я очень тронута! – сказала Мередит. – Поблагодарите всех от моего имени.

Оливия махнула рукой в сторону Этана:

– А это...

– Я знаю, кто это, – перебила Элис, поджимая губы. Она окинула его взглядом от макушки до пят и, видимо, не изменила своего мнения о нем.

– Очень приятно, – сказал он.

– Я собрала ту информацию, о которой вы просили, – сказала Элис Оливии. Она развернулась в сторону компьютера и застучала по клавишам.

Этан хотел было спросить Элис, молилась ли ее группа и о нем, но решил не будить в ней зверя.

Где-то внизу у ног Элис вдруг ожил принтер. Когда он замолчал, она наклонилась и извлекла из-под стола три листочка с печатным текстом. Протянув руку мимо Оливии и Мередит, она вручила листы Этану.

– Знакомы ли вам какие-либо из этих имен? – спросила она.

– А кто все эти люди? – спросил Этан, начиная просматривать колонки имен на первой странице.

– Это наиболее выдающиеся коллекционеры антикварных книг, – объяснила Оливия, тем самым показывая, что Элис была только исполнителем предприятия, а организатором – она сама. – Многие из них регулярно участвуют в аукционах, часто при помощи посредников. Нам удалось... ну, скажем так, нажать на некоторые рычаги и разузнать имена некоторых наиболее осторожных покупателей.

Этан вопросительно посмотрел на нее.

– Подробностей тебе лучше не знать, – ответила Оливия на его невысказанный вопрос. – Судя по тому, что произошло с тобой в Лас-Вегасе, Корби выполнял чей-то заказ, когда вломился к тебе в дом и украл Библию.

Она не сказала «и убил твоего брата». В этом не было необходимости.

– Тогда возникает вопрос, – продолжала она, – чей это был заказ? Этан продолжал просматривать список и вдруг наткнулся взглядом на знакомое имя:

– Мэлори Саймон.

Оливия кивнула:

– Это один из самых активных покупателей антикварных книг, причем исключительно Библий.

– И вот что интересно, – добавила Мередит, – как только мистер Саймон приобретает Библию, она исчезает. О ней никто ничего не слышит.

– Ну, коллекционеры часто собирают раритеты исключительно для своей личной коллекции, – сказал Этан.

– И ты думаешь, что это относится к мистеру Саймону? – спросила Оливия. – Ты можешь себе представить, как он любит свою коллекцией дома по вечерам?

– Нет, не могу, – ответил Этан, – но он может делать с книгами все что угодно, и это будет полностью законно, если он их честно приобрел. Он может обклеить страницами свой туалет, и никто ему слова не скажет.

– Да, но Библия Морганов не была честно приобретена, – сказала Мередит. – И разве не подозрительно, что бизнес Саймона сосредоточен в Лас-Вегасе и что покойный мистер Корби работал на одном из его заводов по измельчению документов?

«И что Ская заставили надеть футболку “Изгоев из Невады” – команды, принадлежащей Саймону» – дополнил про себя Этан.

– Но это еще не все, – сказала Элис. Она взяла лист бумаги из стопки на столе и протянула Этану. Оливия прокомментировала:

– Мы поинтересовались компанией «Шива Энтерпрайс» – той, которая предлагала Эндрю выкупить весь его бизнес. Угадай, кто является ее владельцем?

В документе в руках Этана было указано, что «Шива Энтерпрайс» является собственностью Мэлори Саймона.

Мередит добавила:

– Одним из обязательных условий в их предложении о покупке было предоставление им в пользование Библии Морганов. Они планировали продемонстрировать ее в рамках рекламного тура по всей стране.

Этан смотрел на информацию у себя в руках. Хоть Саймон и не оставил собственных отпечатков пальцев в местах, где разворачивались события, слишком много нитей вели в его сторону. Их нельзя было игнорировать.

– Думаю, мне стоит поговорить с мистером Саймоном, – сказал Этан. – Утром я полечу в Лас-Вегас.

– Я с тобой, – сказала Мередит.

– Нет, я сам.

– Ну пожалуйста, Этан!

– Нет, ты со мной не поедешь.

Мередит сверкнула глазами:

– И что ты скажешь Саймону?

Оливия взяла дочь за руку:

– Оставайся со мной, дорогая, – сказала она. – Тебе ведь нужно поправляться. Думаю, события в Лондоне подорвали твое здоровье.

– Мама, я отлично себя чувствую. Я правда хочу с ним поехать.

– Но он этого не хочет, – сказала Оливия.

Мередит содрогнулась. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы взять себя в руки.

– Ладно. Я остаюсь.

Этан поблагодарил Элис за информацию.

– Не стоит, это моя работа, – ответила она.

– Ты готова ехать обратно в отель? – спросил Этан у Мередит.

– Езжай сам, Этан, – ответила за нее Оливия. – Я привезу Мередит позже.

Этан посмотрел на Мередит, и та кивнула в знак согласия. Он попрощался и пошел к выходу.

Стоя у входной двери и надевая куртку, он внезапно ощутил прилив одиночества. По причинам, которые он не мог объяснить, он чувствовал, что не должен уезжать отсюда без Мередит. На душе защемило еще больше, когда он представил, как будет в одиночку поедать холодный ужин в отеле.

Он чуть было не передумал и не пригласил Мередит лететь с ним в Лас-Вегас. И все же он переступил порог и закрыл за собой дверь.

Мередит сидела рядом с матерью на маленьком диванчике.

– В Лондоне он вел себя так храбро! – сказала Мередит, тиская в руках уже использованный бумажный платок. – Ты бы его видела! Он совершенно забыл о себе. Повсюду стоял такой хаос, а он действовал так, будто каждый день попадает в такие передраги. Всю свою жизнь я только в книгах читала о том, как Моргань смело встречают опасность, а в Лондоне я увидела это собственными глазами. Да будь он хоть на белом коне и с мечом в руках, я и то не впечатлилась бы больше.

Оливия Купер внимательно слушала.

– А в Эденфорде? – спросила она.

– Мы поднялись на холм к руинам, – Мередит снова начала тихо плакать, – и я рассказала ему о своих чувствах. И о том, что этим чувствам уже много лет.

– И что он?

Теперь слезы потекли ручьями:

– Он не любит меня, мама. О Боже, что же мне делать?! Он меня не любит...

– Мне нужно увидеть его хотя бы на минутку.

Этан умолял секретаршу пойти ему навстречу, но за то ей и платили, чтобы охранять Мэлори Саймона от назойливых посетителей. Это была женщина нездоровой худобы, с безукоризненными строгими манерами. Она сидела идеально прямо, сложив руки на столе рядом с телефоном и ежедневником и непреклонно глядя на Этана. Рядом стояла табличка с ее именем: мисс Вайденкеллер.

– Если вы оставите свою визитку, я сообщу мистеру Саймону о том, что вы пытались с ним связаться, – сказала она.

– Нет, меня это не устраивает.

Она слегка покачалась на своем стуле:

– Тогда продиктуйте мне свое имя и номер, куда вам можно позвонить, – она тут же вооружилась ручкой и приготовилась записывать.

– Он ведь на месте, да? – спросил Этан. – У меня к нему срочное дело. Пообещайте, что сегодня же передадите ему мое сообщение.

Она посмотрела на него, поджав губы.

– Я увижу мистера Саймона сегодня днем. А теперь продиктуйте мне свою контактную информацию.

Этан махнул рукой в сторону нескольких стульев и журнального столика со старыми журналами – неизменной декорацией приемных:

– А если я посижу здесь? Как вы думаете, я смогу увидеть его до окончания рабочего дня?

Не дожидаясь ответа, он уселся на один из стульев. Но, видимо, секретаршу не прельщала перспектива развлекать его здесь целый день.

– Где вы остановились в Лас-Вегасе? – спросила она.

– Прямо здесь, в «Хилтоне».

Это ее явно обрадовало.

– В таком случае, вам будет удобнее подождать в другой части отеля. Если мистер Саймон сможет уделить вам время сегодня, я тут же вас вызову.

– Знаете, я передумал, – сказал Этан. – Наверное, я встречу с мистером Саймоном в другой день, когда он будет посвободнее.

Кивнув на прощание, он вышел из приемной и услышал, как за его спиной раздосадованная секретарша швырнула ручку на стол. Впрочем, ушел он недалеко: за ближайший угол, к площадке с лифтами. На первый раз он уже узнал то, что хотел.

Во время перелета из Цинциннати Этан обдумывал предстоящую встречу с Саймоном. Разумеется, люди его круга не подпускали к себе всех желающих. Обычно Этан преодолевал это препятствие, предъявляя полицейское удостоверение. Сегодня он подумал было воспользоваться своей визиткой, но решил, что не стоит. Там было указано, что он – детектив на службе в полиции Сан-Диего. Если Саймон действительно замешан в убийстве Эндру и краже Библии, лучше себя не называть. Это лишь даст Саймону время, чтобы замести следы. Поэтому Этан так и не представился секретарше.

Шансы пройти прямо в кабинет Саймона, игнорируя все преграды, были невелики. Нужно было придумать другой способ его поймать. Каверзная беседа с мисс Вайденкеллер принесла свои плоды: теперь он знал, что Саймон находится в Лас-Вегасе и, более того, в отеле. Оставалось только найти его.

Он мог подождать в вестибюле, пока тот не надумает уходить. Мог попробовать проникнуть в кулуары через служебный вход. Или внимательно следить за лифтами и ждать, не подвернутся ли интересные возможности.

Та скромная информация, которую он сообщил мисс Вайденкеллер, соответствовала действительности: ему нужно было увидеть Саймона *хотя бы на минутку*.

За лифтами долго следить не пришлось: два из них синхронно подъехали к его этажу. Об их прибытии предупредил характерный электронный сигнал. Двери раскрылись, и на этаж высыпалась горстка «золотой молодежи». Это были парни и девушки между двадцатью и тридцатью годами, одетые с иголочки, пахнущие дорогими духами, твердо убежденные в собственной значимости. Все они прошли мимо Этана, едва удостоив его взглядом.

– Я только что с биржи, – рассказывал самый низенький из парней всем, кто желал его слушать. – Представьте себе петушиные бои без перьев, и вы получите четкую картину того, что там происходит.

Яркая брюнетка оживленно рассказывала свою историю:

– Зеленые холмы простираются до горизонта, облака стелятся по траве. Как приятно прокатиться верхом с утра пораньше! А сезон игры в поло! Я даже не могу вам передать, что за чудо эти Лэнгдонские конюшни!

Их было семеро. Они направились не в сторону приемной и мисс Вайденкеллер, а в боковой коридорчик, упирившийся в глухую запертую дверь. Этан знал, что она заперта, так как уже успел провести здесь разведку. Теперь он ждал, откроют ли дверь этим людям или у них есть свои ключи. Высокий блондин, который шел первым, полез в карман.

– У них есть ключи, – прошептал Этан. – Прекрасно!

Блондин открыл дверь и впустил всю компанию. Этан побежал по коридору им вдогонку, по дороге нащупывая в кармане свои ключи. Он поймал дверь, прежде чем она захлопнулась. Последняя из группы, девушка с непримечательной внешностью и умными глазами, обернулась и посмотрела на него с подозрением.

– Спасибо, – сказал он ей, предъявляя свой ключ, – не придется возиться с замком.

Она безучастно моргнула и бросилась догонять других.

Этан был внутри!

Он подождал, пока вся компания скрылась за углом. Видимо, они остановились где-то неподалеку, так как Этан по-прежнему слышал их голоса. Он прошелся по коридору в противоположном направлении. По обеим сторонам были двери. Хотя они и были заперты, но в них были стекла, позволяющие заглянуть вовнутрь. В каждой комнате стояло по длинному столу, окруженному стульями. Все это были конференц-залы. В торце коридора тоже была запертая дверь, только уже без стекла. Этан приложил к ней ухо, но ничего не услышал.

Он вернулся обратно к той двери, через которую вошел. Чем ближе он подходил, тем отчетливее становились голоса «золотой молодежи». Они звонко болтали, смеялись, возмущались, подшучивали друг над другом – в общем, производили достаточно шума, чтобы заглушить его шаги.

Этан увидел, что налево ответвлялись два небольших коридорчика, тогда как справа была только стена. Он подошел к первому из них, куда завернула вся компания, и осторожно заглянул за угол. Это оказался даже не коридор, а проход между секциями трибун в амфитеатре. Голоса стали громче. Мужской голос сообщал, что его цель – стать старшим менеджером «Изгоев из Невады». Женский голос рассказывал, где найти лучший маникюрный салон в Лас-Вегасе. Другая девушка развлекала присутствующих историями о скупости своего парня:

– Вчера был год с нашего первого свидания. Он пообещал, что мы отпразднуем это в ресторане. И знаете, куда он меня повел? В кафе на автозаправке, где заказал два «хот-дога» по девяносто девять центов!

Этан проскользнул дальше, ко второму коридорчику. Он вел в тот же амфитеатр.

У Этана было два варианта: либо выйти из той же двери, в которую он зашел, и ждать более подходящего случая, либо зайти в амфитеатр. Там наверняка имелся еще и другой выход, за сценой. Можно было уверенно пройти мимо молодежи, как будто он знает, куда направляется. А можно было притвориться, что он заблудился, и спросить, как пройти в офис Саймона.

– Не проверишь, не узнаешь, – пробормотал он.

Уже пройдя половину прохода, он услышал новый голос – громче и смелее, чем голоса молодежи. Властный и знакомый.

В зал вошел Мэлори Саймон.

Начинающие повелители мира замолчали.

Этан сделал несколько шагов назад. Он решил прощупать ситуацию, прежде чем вторгаться в нее.

– Думаю, вы продуктивно провели это утро на встрече со Скоттом Девоксом, – сказал Саймон. – По эту сторону Миссисипи лучшего рекламщика вам не найти.

Со своего наблюдательного пункта Этан видел только пустые кресла и край сцены. Вероятно, все слушатели сидели справа или по центру. Саймона он тоже не видел, как и тот его, однако, побывав на его конференции, Этан мог ясно представить его манеры.

– Чтобы заработать кучу денег, – поучал Саймон, – нужно подбирать себе в партнеры только лучших в своей отрасли. Скотт Девокс – лучший. Поэтому он и руководит всей рекламой «Изгоев» и других моих проектов. На следующем задании вы будете работать с ним, а он потом доложит мне о результатах. У каждого из вас будет только один шанс его впечатлить.

– Второй способ заработать деньги – это их не тратить. Вам, конечно же, известно, что я не плачу зарплат. Я не верю в фиксированную оплату труда. Если человек знает, что в конце месяца получит свои денежки, он будет целыми днями протирать штаны в ожидании обеда и ужина. Вот почему я не плачу людям – я их мотивирую. Пообещайте человеку то, чего он страстно желает, и он разобьется в лепешку, чтобы это получить.

Правильно мотивируя, вы можете добиться от человека чего угодно – даже чтобы он бесплатно на вас работал. На меня работают тысячи людей, и я никому из них не плачу. Они сами формируют свою зарплату, через комиссионные или добровольные взносы. Людей мотивируют не одни только деньги. Узнайте, что мотивирует ваших сотрудников, и они ваши навеки.

Этан услышал шум где-то в большом коридоре. Открылась и закрылась дверь. Нужно было ловить момент.

Увидеть Саймона хотя бы на минутку...

Саймон продолжал свою речь, а Этан уверенно зашагал по проходу. С каждым шагом его обзорению открывалось все большая часть зала. С каждым шагом голос Саймона становился громче.

Этан на секунду остановился. Бортики по бокам все еще скрывали его от любопытных глаз, но приближался конец прохода. Еще один шаг – и он попадет прямо в зал. Он понимал, что ждать каких-либо отвлекающих факторов бесполезно, и настроился на всеобщее внимание.

Он вошел в амфитеатр.

Его появление не прошло незамеченным для молодых бизнесменов, и для Саймона тоже. Этан ощутил волну самодовольства – план сработал.

Он прошел через зал и занял место в первом ряду. Его приход прервал лекцию, но не более чем на секунду. Саймон даже не успел потерять мысль. Продолжая говорить, он медленно подошел к женщине в деловом костюме, сидевшей в первом ряду, не из числа начинающих бизнесменов. Он прошептал что-то ей на ухо, а потом возобновил лекцию как ни в чем не бывало.

Женщина бросила взгляд на Этана, оценила ситуацию, затем встала и вышла из зала. Через пару минут она вернулась через тот же проход, откуда пришел Этан. За ней следовали двое охранников исполинских размеров. Более крупный из них – негр с необъятной шеей – прошептал Этану на ухо басом, которому позавидовал бы сам Шаляпин:

– Пройдемте со мной, сэр!

Этан кивнул и встал. Его цель была достигнута.

Саймон даже не взглянул в сторону Этана, когда тот вышел из зала в сопровождении охранников-исполинов, но в его голосе слышались дребезжащие нотки.

* * *

Этан сидел в одном из тех конференц-залов, которые он уже видел раньше. Один охранник стоял у двери, загораживая собой стекло. Второй был на полпути между дверью и Этаном.

Кошелек Этана, его водительские права, полицейское удостоверение и пистолет лежали на столе, как материальные улики в полицейском участке. Не хватало только бирок с надписями.

Ни один из охранников не сказал ему ни слова. Личное имущество было изъято у него из карманов безмолвно.

Этан терпеливо ожидал. Он достиг того, ради чего сюда приехал. Оставалось лишь выбраться отсюда живым – ведь на просторах между Лас-Вегасом и Лос-Анджелесом было много безымянных могил.

Дверь открылась, и в комнату вошел Мэлори Саймон. Он остановился у противоположного конца стола.

– Кто ты такой? – возмущенно спросил он.

Этан усмехнулся:

– К чему этот театр, Саймон? Ты прекрасно знаешь, кто я. Ты узнал меня, как только я вошел в зал. Это было написано у тебя на лице.

Саймон взял со стола права и внимательно их изучил:

– Значит, ты тот самый коп, да? Тот, который убил моего лучшего борца?

– Это было сто лет назад.

– Тем не менее, с тех пор как ты уложил его на парковке возле стадиона, – не знаю, каким чудом тебе это удалось! – я не мог организовать ему бой даже со школьником, не говоря о достойном сопернике. Ты разрушил его карьеру.

– Я разрушил его карьеру? А может, это ты надоумил его вести себя, как сумасшедший, чтобы его задержали, а возможно, и дали срок? Это должно было сработать на восстановление его имиджа маньяка, правда? Если бы только он не переборщил и не напросился на пулю!

Твердый, как камень, взгляд скользил по Этану.

– Зачем ты сюда явился, Морган?

– Хочу получить обратно свою Библию.

На мгновение воцарилась тишина, которая взорвалась приступом смеха. Даже охранники присоединились к этому веселью.

– Неужели мы похожи на воскресную школу? – проревел Саймон. – Наверное, ты забыл свою Библию в какой-то другой лас-вегасской церкви.

Один из охранников так насмеялся, что стал вытирать слезы.

– Мне известно, что ты коллекционируешь Библии и тратишь большие деньги на аукционах антикварных книг, – возразил Этан.

Эта ремарка Саймону не понравилась. Похоже, она отравила его безоблачную радость.

– Мне также известно, что тебе принадлежит компания «Шива Энтерпрайз» из Далласа, штат Техас, – не унимался Этан, – та самая, которая пыталась выкупить бизнес моего брата и получить в распоряжение нашу фамильную Библию.

Саймон больше не смеялся.

– И еще мне известно, что не кто иной, как братишка Роджера Корби, вломился ко мне в дом, украл Библию и убил моего брата. Видимо, ты применил к нему свой замечательный метод мотивации. Ты дал ему шанс отомстить за смерть брата, а взамен он должен был доставить тебе похищенную Библию. Но ты забыл сообщить ему, что у меня есть брат-близнец, и он застрелил не того Моргана.

И это еще не все: он ухитрился оставить свою визитную карточку, благодаря которой стало ясно, что убийство – это месть, а не случайное осложнение грабежа.

Прежде чем Корби застрелил моего брата, он заставил его надеть футболку «Изгоев из Невады». Если бы погиб я, никто не придал бы значения этому факту. Но мой брат ни за что не стал бы носить футболку «Изгоев». Корби полностью завалил задание. Он оставил в живых как раз того человека, который сумел сопоставить все эти факты.

– У тебя богатое воображение, Морган.

– Но потом Корби допустил еще один прокол. Каким-то образом он узнал о подлинной стоимости Библии и решил пересмотреть условия вашей сделки. С вашей стороны мог быть только один вариант пересмотра – избавиться от Корби. Вот только вы не могли предугадать, что как раз к тому времени я его выслежу и стану свидетелем этой сцены.

Саймон тарачился на Этана, не шевелясь.

– Может быть, тебе стоит модифицировать свой метод мотивации, – сказал Этан. – Наверняка твои люди работали бы качественнее, если бы ты им платил.

Этан задел за большое. И куда девался обаятельный наставник народных масс! Человек, стоявший перед ним, кипел от злости.

– Это все, в чем ты хочешь меня обвинить? – прошипел он. – А как насчет роста инфляции?

– Просто верни мне нашу фамильную Библию.

Саймон резко развернулся. Выходя из комнаты, он приказал охранникам:

– Вызовите полицию. Скажите, что этот человек незаконно вторгся в мои владения.

* * *

Мэлори Саймон стоял в своем центре управления, облокотившись о высокий стол. В дверь тихо постучали. Мониторы были отключены, как будто Саймон решил задержать внешний мир непроницаемыми шторами.

– Войдите, – сказал он.

В комнату вошел Пол Гетц. Он сразу заметил отсутствие изображения на экранах.

– У тебя все в порядке? – спросил он. – Ты рано отпустил студентов.

– Угадай, с кем я только что говорил? – спросил Саймон и, не дожидаясь ответа, объявил. – С Морганом.

– С Морганом? Это еще зачем? Он позвонил?

– Нет, не позвонил. Он заявился посреди моей лекции.

– Так он здесь? И что он здесь делает?

– Я задержал его за незаконное вторжение.

– А чего он хотел?

Саймон отошел от стола и стал бесцельно бродить по комнате, рассуждая вслух.

– Он выяснил все, что произошло с Корби и Библией, – сказал он, дымясь от злости, – главным образом из-за трюка с футболкой, который провернул этот идиот. Эх, хочется выкопать его из могилы, чтобы расстрелять еще раз.

– Морган тебе угрожал?

– В принципе, нет. Просто сказал, что хочет получить обратно свою Библию.

– И что ты ему ответил?

– Что не делюсь информацией с правонарушителями. А ты что разузнал?

Гетц открыл папку без всяких надписей и зашуршал страницами:

– По моим сведениям, он и вдова его брата прилетели в Англию в один день.

– Вместе?

– Нет. Вот это и странно! Она прилетела первой, а он – вслед за ней. Он догнал ее в Бикли, где они остановились на ночь в отеле. В отдельных комнатах.

– А что находится в Бикли?

– Ничего особенного. Старая крепость. Популярное место среди туристов.

– Ты думаешь, между ними что-то есть?

– Даже если есть, то что-то совершенно невинное. Они провели там остаток дня, поужинали, а утром позавтракали. Обошли окрестности.

Саймон вздохнул.

– Продолжай, – сказал он.

– Из Бикли они отправились в Лондон на машине. Они должны были вылететь из аэропорта Хитроу в день взрыва. Перед отлетом они должны были вернуть арендованную машину. Насколько я могу судить, во время взрыва они занимались осмотром лондонских достопримечательностей.

– Достопримечательностей! – закричал Саймон. – Ты хочешь сказать, что Морган чисто случайно оказался у собора во время взрыва? Да разве такое возможно?

Гетц пожал плечами:

– У нас никаких сведений в пользу обратного. Если они и останавливались где-то между Бикли и Лондоном, то не оставили никаких следов. До взрыва с их карточек не было сделано никаких покупок. Только после взрыва.

– Но зачем-то же они приехали в Лондон!

– Оттуда они полетели в Цинциннати.

– А что там?

– Там живет ее мать. Она владеет небольшой гостиницей. И здесь начинается самое интересное! В ее гостинице есть музей, где экспонируются старые Библии.

Это привлекло внимание Саймона.

– Угадай, какой главный экспонат? – спросил Гетц и выдержал паузу. – Копия Библии Морганов.

Он передал Саймону рекламную брошюру гостиницы и музея. Саймон развернул и внимательно просмотрел ее. Библия Морганов,

гордость музея, описывалась как «Библия, с которой началось движение „Наследие“».

– Ты уверен, что это копия?

– А как же иначе? Ведь оригинал у нас.

– Точно?

Гетц решил не горячиться и не доказывать непроверенные данные.

Саймон напряженно думал. Наконец у него в голове вырисовался план:

– Кажется, у нас есть еще один ключ к тому, как мотивировать Моргана, – девчонка. Вдобавок к Библии, разумеется. Библия и девчонка. Как ее зовут?

– Мередит.

– Поезжай в Цинциннати. Сделай все, что нужно, чтобы точно убедиться, что в музее находится копия. Кроме того, собери всю информацию о Мередит.

– Когда прикажешь отправляться?

– Прямо сейчас. Эта информация нужна нам еще до операции в Бостоне.

– Но чтобы попасть в тот отель, нужно занимать очередь за два года.

– Вот и устрой так, чтобы кто-то отказался от брони в последнюю минуту.

Гетц кивнул и направился к двери:

– Уже лечу!

– И пригласи ко мне мисс Вайденкеллер.

Гетц оставил Саймона одного в комнате с брошюрой отеля в руках. Минутой позже вошла мисс Вайденкеллер, держа наготове ручку и блокнот.

– Соедините меня с Брэдом Питцером, – он нашел в кармане небольшую записку и вручил ей, – вот его номер.

Она послушно выслушала поручение.

– Переведите звонок сюда по конфиденциальной линии.

Ожидая связи, Саймон перебирал в уме все, что ему было известно об Этане Моргане. Он надеялся, что то самое безошибочное чувство, которое сделало его миллионером, поможет ему избавиться и от Моргана, и от его Библии.

По громкой связи раздался голос мисс Вайденкеллер:

– Мистер Питцер на третьей линии.

– Есть работа, – сказал Саймон, не тратя времени на приветствия. – Забронируй два места на рейс до Цинциннати на субботу, по поддельным документам. Детали задания можешь получить завтра, там же, где обычно. И еще, ничего не говори об этом Гетцу. Когда получишь задание, ты поймешь почему.

Смертельно уставший от восьмичасового переезда через пустыню и внепланового посещения полицейского управления, Этан припарковался у дома Мередит. Казалось, что прошел уже месяц с их поездки в Цинциннати. На самом деле прошло всего три дня.

– Зайди ко мне, я приготовлю что-нибудь на ужин, – сказала Мередит.

– Спасибо, но я хочу домой и спать.

– Вначале нужно поесть.

– Я весь пропитан вонючей лас-вегасской КПЗ. Спасибо за приглашение, но лучше я отправлюсь домой, а по дороге перехвачу какой-нибудь гамбургер.

– Не стоит! – настаивала Мередит. – Ты можешь принять душ у меня, пока я буду готовить.

– Но у меня нет с собой чистой одежды. Я собирался только в Англию и всего на пару дней, а не в Цинциннати и не в Лас-Вегас.

– У меня полный шкаф одежды твоего размера.

Неужели она предлагала ему одежду его мертвого брата?

Видимо, возмущение отразилось у него на лице, поскольку Мередит внесла поправку:

– Там есть совершенно новые вещи, которых Эндрю ни разу не надевал. Этан, ну пожалуйста! Ненадолго. Я так не хочу оставаться одна!

Как лошадь, у которой одна цель – родная конюшня, Этан так и рвался домой. В свой собственный душ. К собственной еде. К любимому креслу и телевизору, где он может выбирать любую программу по своему усмотрению.

– Ну пожалуйста! Ты ведь мой должник, – сказала Мередит. – Я проделала долгий путь через пустыню, чтобы внести залог и выволить тебя из тюрьмы.

– Я – твой должник?! А ничего, что я полетел в Англию без всякой на то причины, еще и пострадал от теракта?

Мерedit обиженно опустила глаза. Рукой она нащупала ручку двери.

– Ты прав, – сказала она дрожащим голосом.

– Мерedit... – начал он.

Она вышла из машины.

– Мерedit!

Он тоже вышел из машины и догнал ее:

– Извини, – сказал он.

Она принужденно улыбнулась, шмыгая носом. Из сумочки она извлекла вначале столь необходимый ей носовой платок, а потом – ключи от дома.

– Ты ведь не для того меня приглашаешь, чтобы скормить мне залежавшиеся объедки?

Мерedit засмеялась:

– Я способна на большее.

Пока Этан принимал душ, а Мерedit хозяйничала на кухне, распространяя аппетитные запахи, в памяти у Этана вспыхивали события последних суток. Охранники Мэлори Саймона сторожили его до прибытия местной полиции, которая отвезла его в центральное управление Лас-Вегаса. Там у него взяли отпечатки пальцев, сфотографировали и поместили в камеру предварительного заключения, вместе с алкоголиками и сутенерами. Он позвонил Мерedit, которая к тому времени уже прилетела домой в Сан-Диего. Она внесла необходимый залог и предложила забрать его из Лас-Вегаса на машине. Он попросил, чтобы она приехала на его машине.

Пока Этан ждал ее, его вызвали к начальнику лас-вегасского управления, который излил на него всю меру своего гнева и недвусмысленно намекнул, что Этану стоит держаться подальше от Лас-Вегаса и от Мэлори Саймона.

Когда Мерedit наконец забрала его и отвезла в гостиницу за вещами, он обнаружил, что его сумки спакованы и ожидают внизу у консьержа. Саймон заботливо распорядился, чтобы Этана выселили. Однако исполнитель поручения не забыл вначале опорожнить бар с крепкими напитками (видимо, этим его и мотивировали к тому,

чтобы забросить одежду Этана в сумки). В результате счет раздулся до внушительных размеров.

Дорога домой вместе с Мередит была достаточно спокойной, пока они не доехали до Барстоу. Этан как раз рассказывал ей обо всех ухищрениях, на которые он пошел, чтобы увидеть Саймона, и тут зазвонил его мобильный. Это был лейтенант Савала.

– Ты где?

– Возле Барстоу.

– Шеф хочет тебя видеть.

– Дайте-ка я угадаю! Может, ему позвонили из Лас-Вегаса?

– Морган, это не смешно.

– Да? Ну ладно. Сейчас я заеду домой, переоденусь...

– Отставить. Никаких «домой», Морган. Свою карточку «выйти из тюрьмы» ты уже использовал, а твоя следующая карточка гласит: «пройти в кабинет шефа».

Хоть Савала и сказал Этану, что «это не смешно», ему самому это не мешало острить. Но Этан воздержался от комментариев. Он вырулил на дорогу к полицейскому управлению.

Тирада начальника была новой вариацией на знакомую тему: «Ты что, с ума сошел?»

Она звучала так, будто его спичмейкером был сам Мэлори Саймон. Шеф разве что не канонизировал предпринимателя из Лас-Вегаса:

– Это звезда, миллионер, гуру – и все в одном лице! – негодовал он. – Мы только что заплатили немалые деньги, чтобы пару десятков наших сотрудников могли посидеть у его ног и поучиться у него. А у вас хватает дерзости врываться к нему в кабинет и нападать на него? Еще и в то время, когда вы на испытательном сроке! Как вы могли до такого додуматься, Морган?

– Я уверен, что у него находится наша фамильная Библия – та, которую украли одновременно с убийством моего брата.

– И какие у вас доказательства?

Этан рассказал ему, что Саймон является постоянным покупателем антикварных книг и специализируется на Библиях, однако умолчал о способе получения этой информации, поскольку способ был весьма сомнительным. К его облегчению, шеф об этом не спросил.

– Я только хотел увидеть, как он отреагирует на мое появление, – объяснил Этан. – Он меня узнал. Он знает, кто я такой.

– Ну конечно же, знает, – сказал шеф. – Вы убили его борца во время матча его футбольной команды. Ваша фотография была в газетах и теленовостях.

Непостижимым образом Этану удалось сохранить свое удостоверение. Поскольку он уже и так был на испытательном сроке, то сейчас он ожидал, что его уволят. По какой-то причине, этого не произошло, хотя шеф неоднократно угрожал увольнением.

– Если я услышу, что вы имеете хоть какое-то отношение к Мэлори Саймону, тут же отберу удостоверение! Ясно? Если услышите, что Саймон едет на юг, поезжайте на север!

Этан изрек положенное количество «так точно» и посчитал, что ему крупно повезло. У выговора, однако, были свои негативные последствия. Он не оставлял никакой надежды на то, что Этан сможет пользоваться ресурсами полиции для дальнейшей слежки за Саймоном.

– Этан! Я положила штаны и рубашку на кровать.

За дверью ванной раздался голос Мередит, возвращая его в настоящее.

– Ага, спасибо!

Было как-то неловко разговаривать с Мередит, стоя в душе без единого предмета гардероба. Но еще большую неловкость он ощущал, когда оделся и спустился вниз к ужину. Мередит ахнула и оперлась о стол, чтобы не упасть.

– Ой, Этан... Извини, пожалуйста... – выдавила она из себя.

Этан остановился в дверях.

– Наверное, мы это неудачно придумали...

Неважно, что рубашка и штаны были еще совсем не ношены. Все равно на нем была одежда брата, а жена брата подавала ему ужин в доме брата.

– Я лучше пойду... – он махнул рукой наверх, где в кучу была свалена его грязная одежда.

Мередит остановила его:

– Нет, Этан, не стоит! Оставайся! Бифштексы уже готовы, и стол накрыт. Просто ты застал меня врасплох, вот и все. Я как раз думала о своем, а потом подняла глаза...

Когда она подняла глаза, то увидела, как по лестнице спускается ее мертвый муж.

Этану очень хотелось уйти, но ради Мередит он постарался забыть о неловкости и сел за стол. Он был накрыт на двух персон, но не напротив друг друга, а на одном углу.

– Так мы оба сможем любоваться закатом, – она отдернула шторы на большом французском окне, открывая вид на веранду и огромную, безупречно ухоженную лужайку.

Она поставила перед ним тарелку, оглашая меню сегодняшнего ужина:

– Говяжьих отбивные, слабо прожаренные. Вареный молодой картофель с укропом. Цуккини на пару.

Присаживаясь, она добавила:

– Я же говорила, что способна на большее, чем скормить тебе объедки.

– Еще как! – согласился он, глядя на яства в своей тарелке. – Это почти так же хорошо, как гамбургер!

Как он и рассчитывал, Мередит возмутилась.

– Отбивные слабо прожарены, – заметил он. – По вкусу Эндрю?

Она ответила не сразу:

– Нет. По твоему вкусу. Эндрю любил хорошо прожаренные. Как будто ты никогда не ел у нас отбивных, Этан!

Этан кивнул, принимая ее упрек. Им обоим понадобится терпение – неловкие моменты будут возникать еще долго и часто.

Некоторое время они ели молча. Небо за окном стало оранжевым, потом багровым, потом черным. Они уже доедали, когда зазвонил мобильный телефон Мередит. Она подскочила:

– Это мама. Ты не против, если я поговорю с ней?

Этан кивнул в знак согласия.

– Возле плиты стоит свежий кофе, – сказала она, протягивая руку за телефоном. – Налей себе чашку и иди в салон. Я недолго.

Мередит начала болтать по телефону. Все, что услышал Этан, – это серия ни о чем не говорящих «да» и «нет», потом она побежала по коридору к себе в спальню и закрыла за собой дверь.

Этан выбрал чашку с супергероями и налил себе кофе. Он сделал первый глоток и обнаружил, что кофе крепкий и хорошо

настоящийся – в точности по его вкусу. Если бы Мередит не ушла, он бы, наверное, снова проявил бестактность и спросил, так ли она заваривала кофе для Ская.

Интересно, сколько времени уйдет на то, чтобы привыкнуть к новой жизни, особенно если продолжать общаться с Мередит? Он с удивлением отметил, что не знает, какой кофе предпочитал Эндрю. Означает ли это, что он плохой брат? Или братья таким обычно не интересуются?

Он взял чашку и прошел в салон – комнату, обшитую темным деревом, где было тепло и очень уютно для мужской души. Ни он, ни Скай не курили, но он легко мог вообразить, как они сидят в этой комнате вдвоем и попыхивают трубками, обсуждая мировую политику.

На длинном полированном столе были разложены комиксы Эндрю: полная история рода Морганов, со времен пуритан до шестидесятых годов и войны во Вьетнаме. Карандашные наброски «Приключений Ская», еще не раскрашенные, завершали экспозицию.

Этан вдруг рассердился. Все эти комиксы были разложены здесь не случайно – Мередит все спланировала. Она заманила его в ловушку, используя ужин в качестве приманки.

«Налей себе кофе и иди в салон», – сказала она. Может быть, и звонок мамы с этим связан? «Он уже был в салоне? Попался на удочку? Убедила ли ты его, что он должен вести себя как Дрю Морган?»

– Мама передает привет, – сказала Мередит, заходя в салон, тоже с чашкой кофе.

– Еще бы! – оскалился Этан.

Мередит нахмурилась:

– Что случилось?

– Это что такое? – спросил он, указывая на стол с комиксами.

– Я подумала, что это тебе поможет, – сказала она оборонительно.

– Поможет? Какименно? Превратит меня в супергероя? Или, может, в легендарного Дрю Моргана?

– Этан, не злись! Я просто пытаюсь тебе помочь.

– Как же мне не злиться? Вы с мамой никак не уйметесь! Чья это была идея – твоя или ее? Она ведь для этого звонила: спросить, не одумался ли я?

Мередит хотела что-то сказать, но передумала. Она медленно прошла по комнате и села, поставив свой кофе рядом на тумбочку.

– Ты читал романы Эндрю? – спросила она ровным и спокойным голосом.

– А зачем мне их читать? – ответил Этан. – Я слышал все эти истории столько же раз, сколько и он.

– Твой брат был замечательным рассказчиком и отличным художником. Ему предлагали работу известные издательства комиксов – «Марвел», «Ди-Си», – но он отказался. Он мог бы рисовать Бэтмена, Супермена, Человека-паука, Суперсемейку, но предпочел вот это, – Мередит указала на стол.

«Святой Эндрю» – подумал Этан, но не сказал вслух, понимая, что это прозвучит жестоко. Он и вправду уважал талант брата и преданность делу, которое было для него важнее, чем крупные заработки.

Этан взял в руки несколько листков с «Приключениями Ская». Жаль, что Эндрю не было рядом и нельзя было спросить его, для чего он создавал эту серию. Для своей семьи или он все же собирался ее продать?

– А когда он это нарисовал?

– После того как закончил «Портрет американской семьи», – ответила Мередит. – Мне кажется, он задумывал «Приключения» как продолжение той же серии. В нем ты и твой брат творят историю Морганов в новом поколении.

На первом рисунке красивый мускулистый герой летел над городом, торжественно протягивая вперед руку. Его плащ развевался на ветру. Он спешил спасти прекрасную Кассию Керк из лап семиглавого дракона, уцепившегося за верхушку самого высокого в городе небоскреба.

Этан показал Мередит рисунок в подтверждение того, что собирался сказать:

– Видишь? В этом разница между моим братом и мной. Он жил в мире фантазий. Я живу в реальном мире, где люди хотят всего и сразу, где они готовы прокладывать себе дорогу локтями и идти по головам, чтобы добиться своего, как покупатели в универмаге перед Рождеством.

– По-моему, ты упускаешь из виду главное в искусстве Эндрю, – сказала Мередит.

– Главное? Но это всего лишь комиксы! И что же здесь главное?

Мередит подвинулась на краешек кресла и наклонилась вперед.

– Кассия Керк, – она указала на героиню комикса. – «Керк» – это слово означает «церковь». «Кассия» означает «чистая». Героиня Эндрю символизирует церковь, находящуюся в опасности.

– Ей угрожает дракон?

– Красный дракон с семью головами, – Мередит огляделась вокруг, увидела то, что искала, поднялась и взяла с полки книгу. – Когда ты в последний раз ходил на изучение Библии? – спросила она.

Она открыла Библию ближе к концу и стала листать страницы, пока не нашла нужную.

– Откровение, двенадцатая глава, третий и четвертый стихи: «И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами... Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю». Этот дракон – сатана, воплощение зла.

– Хорошо ты придумала, – сказал Этан. – Ладно, допустим, Скай имел в виду нападки сатаны на церковь. Но, хоть я и давно не ходил на изучение Библии, когда-то я все же там бывал – и не припомню, чтобы там выдавали плащи супергероев.

Мередит терпеливо улыбнулась:

– Людям нужно мужество, чтобы отстаивать свои позиции, Этан. Чтобы жить согласно своим убеждениям. Если мир сейчас такой, как ты его описываешь, то тем более нужно мужество – еще больше, чем раньше.

Этан взглянул на рисунок новыми глазами. Он увидел решимость Скай. Страх на лице Кассии. Зловещую злобу семиглавого дракона. Эндрю нарисовал то, во что верил. Этан отложил рисунки в сторону и протянул руку за первой книгой из серии – той, которая повествовала о Дрю Моргане и о том, как, рискуя жизнью, он помог эденфордской церкви сбежать из лап епископа Лода.

Его вдруг осенило, что это – те же Скай, Кассия и дракон, только в другую эпоху. Он улыбнулся своему открытию.

Он с восхищением листал страницы. Книга воскрешала к жизни жителей Эденфорда. Вот трехарочный мост, а вот чан с краской, откуда Дрю Морган вытащил отпрыска Куперов. Вот древние саксонские

руины, где Дрю уединялся с Нэлл Мэтьюс и где Мередит недавно... Этан быстро перевернул страницу, но вдруг замер. По ходу он увидел нечто, что привлекло его внимание. Он перевернул страницу назад так резко, что Мередит поинтересовалась, что он там увидел.

– Секундочку, – ответил Этан.

Вот этот рисунок – фрагмент старинной рукописи крупным планом. На нем чья-то рука выписывала гусиным пером тайные коды. Последняя строчка выглядела так: (41/3/18/2).

– Шифр, – показал Этан на рисунок. – Дрю Морган шифровал свою переписку с епископом Лодом.

– Да, ну и что?

– Ты знаешь, как это расшифровать?

Мередит кивнула:

– Да, с помощью Библии.

– Вот-вот, – кивнул Этан. – Числа в этом ряду соответствуют порядковому номеру книги, главы, стиха и слова в библейском тексте. Следовательно, что такое (41/3/18/2)? Скай здесь не расшифровывает.

– Да, он никогда не расшифровывал, – пояснила Мередит. – Его комиксы требовали от читателей активности. Эндрю хотел, чтобы они сами брали в руки Библию и расшифровывали тайные сообщения.

– Так что же здесь сказано?

– Вероятно, это по тексту Библии короля Иакова, – сказала Мередит, – ведь именно ее читали Дрю и епископ Лод.

– У тебя она есть?

– Да, в кабинете у Эндрю. Сейчас принесу.

Пока ее не было, Эндрю достал из кармана кошелек. Оттуда он извлек листочек бумаги, сложенный во много раз.

– Таккакой там шифр? – спросила Мередит, вернувшись с Библией.

Пару минут ушло на то, чтобы подсчитать, какая книга является сорок первой. В содержании книги не были пронумерованы. Это оказалось Евангелие от Марка.

– От Марка, третья глава, восемнадцатый стих, второе слово, – повторила она, отслеживая разгадку. Найдя, она улыбнулась:

– Это его подпись. Слово «Андрей», по-английски Эндрю. А почему это тебя так заинтересовало?

Этан положил свой листок сверху на рисунок с шифром:

– Эндрю набрал этот номер на своем телефоне перед самой смертью. Может быть, это вовсе не телефонный номер? Может...

– Он передал нам зашифрованное сообщение! – Мередит закончила мысль. – Давай проверим!

Этан показал ей номер:

431-1617

– Черточка вставляется автоматически при наборе номера, – пояснил он.

Мередит внимательно посмотрела на номер:

– Четвертая книга, тридцать первая глава, стихи шестнадцатый и семнадцатый?

– Проверь.

– Четвертая книга Библии – это Числа, – сказала она. – Бытие, Исход, Левит, Числа.

– Молодец, пятерка! В воскресной школе ты, наверное, была любимицей учителей.

Мередит не обратила внимания на насмешку.

– Погоди-ка. На какой перевод ссылается Эндрю – короля Иакова или тот, с которым он был хорошо знаком?

– Возможно, он всегда связывал шифры со старым переводом, которым пользовался Дрю Морган, – предположил Этан.

– Но он лежал на полу у тебя в гостиной, – ответила Мередит. – У него не было под рукой Библии короля Иакова, чтобы сверяться с ней.

– Значит, этот стих был хорошо ему знаком.

– Верно, – согласилась Мередит и взялась за другую Библию, – давай вначале посмотрим по Библии Эндрю, а если ничего не получится, тогда попробуем перевод короля Иакова.

Она нашла нужный отрывок:

– Числа, тридцать первая глава, стихи шестнадцатый и семнадцатый, – объявила она.

Прежде чем прочитать, они с Этаном обменялись взглядами и улыбками, окрыленные тем, что смогли разгадать тайну последнего телефонного звонка Эндрю. Итак, что же он хотел сообщить им в свои последние минуты?

Мередит прочла:

– «Вот они, по совету Валаамову, были для сынов Израилевых поводом к отступлению от Господа в угождение Фегору, за что и поражение было в обществе Господнем; итак убейте всех детей мужеского пола, и всех женщин, познавших мужа на мужеском ложе, убейте».

Она вопросительно посмотрела на Этана.

– Это и есть его сообщение? – воскликнул он. – Что-то здесь не то! Ты уверена, что ничего не спутала?

Мерedit перепроверила:

– Четвертая книга, тридцать первая глава, стихи шестнадцать и семнадцать, – повторила она. – Все верно.

Они вытаращились друг на друга, пытаясь извлечь какой-то смысл из этих стихов. Через пару секунд Этан рассмеялся:

– Угождение Фегору? Убить всех мальчиков? Что-то это не похоже на мудрый предсмертный совет, на который я рассчитывал!

Мерedit рассмеялась вслед за ним.

– Ну что ж, попытка не пытка, – сказал Этан. – Возможно, это все же телефонный номер.

Он вдруг представил себе, как Скай лежит на полу с раной в груди, истекая кровью, и пытается продержаться еще хоть пару секунд, чтобы набрать номер и позвать на помощь. С этим неожиданным воспоминанием нахлынула острая боль. Трудно было мириться со смертью брата. Мерedit распознала его чувства. Возможно, она ощутила то же самое. Она погладила Этана по руке, пытаясь утешить.

– А что если... – вдруг осенило Этана.

Он снова взглянул на номер.

– Что если единицы – на самом деле не единицы? – сказал он. – По крайней мере, не все из них. Что если это косые черточки, как обычно в шифрах Эндрю?

С новой надеждой, Мерedit склонилась над номером на листке:

– Может быть, ты и прав! – воскликнула она. – И что получается в таком случае?

– 4311617 – сорок третья книга, черта, шестнадцатая глава, черта, седьмой стих. Есть такой стих в Библии?

Мерedit зашуршала страницами.

– Сорок третья книга – Евангелие от Иоанна. Шестнадцатая глава, стих семь – вот он!

– Надеюсь, там ничего не говорится об убийстве мальчиков?

– Ничего себе... – прошептала Мередит, не сводя глаз со стиха. На глазах показались слезы. Она прикрыла рот рукой в изумлении.

– Что? – нетерпеливо спросил Этан. – Что там сказано?

Мередит прочла:

– «Но Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам».

Этан поблдевел. Он поднялся на ноги, сам не зная почему.

Все еще водя пальцами по открытой странице, Мередит тихо сказала:

– Он знал, что умирает.

– И не только это, – ответил Этан, взволнованно вышагивая по комнате.

– Что ты имеешь в виду?

– Думаю, ты была права относительно этих рисунков, – сказал он, похлопывая по «Приключениям Скай». – Здесь... здесь мы с Эндрю сливаемся в одно.

– Ты понял это из зашифрованного послания?

Этан медленно перевел дыхание:

– Да...

Нужно было отдать Мередит должное – на этот раз она не торопила его. Она терпеливо сидела рядом, понимая, что ему нужно время, чтобы подобрать слова.

– Я не собирался об этом никому рассказывать, – начал он. – Обычно, слыша подобные заявления, мы думаем, что человек сошел с ума.

– Этан, какие заявления? О чем ты говоришь?

– О чем думал Скай, когда набирал эти цифры у себя на телефоне? Мередит на минутку задумалась, а потом ответила:

– Ну, он знал, что умирает. Знал, что тебе придется тяжело, что ты будешь винить в этом себя. Ты ведь винишь себя?

– Ну разумеется. Скай оказался у меня дома по единственной причине: я боялся предстать перед полным залом школьников.

– Этан, ну ты же не мог предположить...

– В общем, Скай все знал. Так почему он выбрал этот стих?

– Чтобы ободрить тебя. Чтобы напомнить, что ты не один, что Дух Святой – источник силы и утешения в трудные времена.

– Да, это верно. Но думаю, это еще не все.

Этан глубоко вздохнул.

– В тот вечер произошло еще кое-что, – сказал он, – после того как я проведаль тебя в больнице. Я снял номер в отеле и... – он смущенно рассмеялся. – Это еще сложнее, чем я ожидал.

– Не торопись. Ты же знаешь, что можешь рассказать мне все.

– По-моему, он хотел сообщить мне, что если он умрет, его дух продолжит жить во мне.

Трудно было понять, что думает Мередит, – ее лицо осталось непроницаемым. Она не двигалась и даже не моргала. Затем она взяла Библию и снова прочла:

– «Лучше для вас, чтобы я пошел... Если пойду, то pošлю дух мой к вам». Я чуть-чуть изменила конец цитаты... Думаешь, *это* хотел сказать тебе Эндрю?

– Да, примерно так. По-твоему, это странно?

– А что произошло в гостиничном номере?

Раз он зашел так далеко, можно было идти до конца:

– Ну, я вроде как слышал его. Его голос у себя в голове.

– Ты слышал его голос? – переспросила она.

– Ну, не так, как настоящие голоса...

Мередит внимательно слушала его и не смеялась. Это показалось ему хорошим знаком.

– Это было так, как в детстве, – объяснил Этан. – Вечером, лежа в темноте на своих кроватях, мы с ним разговаривали. Мы рассказывали друг другу то, что ни за что не рассказали бы при свете. Только тогда я ощущал, что мы по-настоящему близки.

– И в гостиничном номере...

– Мы как будто вернулись в детство. Я говорил о своем, – он повернулся и посмотрел на Мередит, – а голос Ская отвечал мне у меня в голове.

Мередит задумчиво глядела вдаль:

– Вот что значит близнецы. Недаром же говорят...

– Да, я тоже так думаю. Но дело в том, что при его жизни у нас никогда не было такого понимания!

– Лучше, чтобы я пошел... – повторила Мередит.

– Вот именно! Но откуда он знал? Скажи, откуда он знал? И даже здесь, – Этан помахал в воздухе листочками из «Приключений», – даже здесь он уже был в курсе о том, что произойдет. Возможно, он не знал, когда именно, но знал, что произойдет.

Мередит взяла у него рисунки и просмотрела так, будто видела их впервые:

– Да, странно. Очень странно.

– И не говори!

– Этан!

– Что?

– Только пообещай, что не начнешь носить облегающие штаны и плащ супермена, – сказала Мередит с насмешливой искоркой в глазах.

Отпуск Майка и Сью Митчелл – супругов из Солт-Лейк-Сити – был испорчен ужасным пожаром, случившимся за пять дней до предполагаемого отъезда. А они-то надеялись, что это будет лучший отпуск в их жизни! Вначале они планировали переночевать в легендарной гостинице «Наследие» в Пойнт-Провиденс, а затем отправиться в круиз по Миссисипи на борту «Королевы Америки» – судна, которое в рекламных брошюрах было представлено как «плавающий викторианский дворец, украшенный резьбой и росписью».

По заключению пожарной инспекции, возгорание произошло из-за неисправности кухонного прибора. Майку показалось странным, что виновником всего этого несчастья стал миксер, который подарили им родители на Рождество и которому не исполнилось еще и года. Как бы то ни было, дом сгорел дотла, и вместо того чтобы паковать чемоданы в круиз, Майку пришлось взять лопату и разгрести кучи пепла. Паковать было уже нечего.

* * *

– Вам крупно повезло, – ответила Оливия Купер на вопрос о наличии мест. – Одни наши клиенты только что отменили бронь.

– Это ответ на мои молитвы! – воскликнул Гетц. – Надеюсь, с этими клиентами ничего плохого не случилось?

Оливия уклонилась от прямого ответа, поблагодарила его за заботу о людях и забронировала комнату.

В пятницу, в сумерки, Пол Гетц подъехал к гостинице «Наследие». Багажа у него было немного, только самое необходимое – сумка с личными вещами и список того, что ему нужно было выведать. В списке было три пункта.

Во-первых, убедиться, что в музее действительно находится лишь копия Библии Морганов. Саймон очень об этом беспокоился.

Во-вторых, составить каталог всех Библий в музее и разузнать, как они были приобретены.

В-третьих, узнать электронный адрес гостиницы, если таковой имеется. В брошюре он указан не был.

Пол направился через парковку к входной двери. На крыльцо вышла женщина – очевидно, чтобы его поприветствовать.

– Добро пожаловать в отель «Наследие», – сказала она. – Позвольте взять вашу сумку.

Женщина пленяла с первого взгляда. С короткими рыжими волосами, она была совершенно не похожа на почтенную матрону, которую ожидал увидеть Гетц.

На вид ей был около пятидесяти; она преподносила себя с достоинством, но не отпугивала. Было очевидно, что она умна, уверена в себе и добродушна.

– Меня зовут Оливия Купер, – представилась она, протягивая руку за его сумкой.

– Пол Гетц, – ответил он. – Простите, но я не могу отдать вам свою сумку.

– Даже если я пообещаю обращаться с ней очень аккуратно?

– Дело не в том.

– А в чем?

– В правилах хорошего тона. Боюсь, я немного отстал от жизни. Я считаю, что мужчины должны быть мужчинами, а женщины – женщинами. Мужчины должны открывать двери и ни за что не позволять женщинам носить их сумки!

Миссис Купер улыбнулась:

– Вы истинный джентльмен! Ну, раз вы не позволяете мне взять вашу сумку, могу ли я предложить вам руку?

Гетц улыбнулся. Хозяйка оказалась одинаково проворной и милой. Взяв под руку, она повела его к двери. Он отворил дверь, она слегка поклонилась, отпустила его руку и вошла первой.

Ступая следом за ней, Гетц попал в шлейф ее духов. Его обволок чарующий запах, очень женственный, но не навязчивый. Он замечательно подходил его хозяйке, отметил про себя Гетц.

– Думаю, мы прекрасно проведем время вместе, – она снова обернулась к нему. Ее глаза искрились.

– Хотя я еще пяти минут здесь не пробыл, но уже в восторге! – ответил Гетц.

Она провела его на второй этаж в его комнату и показала, где лежат запасные полотенца и одеяла. Затем она сообщила, что ужин подается в шесть часов. Сегодня в меню курица с клецками. Ужин с ним разделяют две семейные пары: банкир из Оклахомы с женой и писатель из Южной Калифорнии, из маленького городка под названием Фелон, также с женой. Писатель специализировался на детективах.

Гетц распаковал вещи. Кажется, справиться с заданием будет легче, чем он думал, и гораздо приятнее. Такие женщины, как Оливия Купер, – открытые книги. Он не сомневался, что она с радостью сообщит ему всю необходимую информацию.

До него донесся запах курицы, а вдобавок чего-то сладкого – кажется, шоколадного десерта. До ужина оставался еще час, и он решил вздремнуть.

* * *

В назначенное время в столовой его ожидали оживленная беседа, веселый смех и невероятно вкусная еда. Все замечательно проводили время, в том числе и Гетц. Оливия Купер по-прежнему была на высоте. Не прошло и десяти минут, как гости уселись за стол, а они уже болтали без умолку, рассказывая истории из своей жизни. При содействии радушной хозяйки пятеро незнакомцев разоткровенничались, словно лучшие друзья. Даже банкир из Оклахомы, поначалу державшийся весьма прохладно, уже плакал от смеха к тому времени, когда подали десерт.

А писателю из Фелона и разогрев был не нужен – только подавай слушателей. К концу ужина всем было известно, что он успел поработать пожарником, радиоведущим, архитектором и преподавателем в семинарии, помочь в основании новой церкви, побывать на экскурсии на знаменитой подводной лодке «Солт-Лейк-Сити», поучаствовать в автопробеге президента Джеральда Форда и написать двадцать книг. Его жена, добрейшая женщина, смеялась над всеми его шутками и так внимательно слушала его истории, будто слышала их впервые.

Пол предпочитал молча внимать рассказам собеседников. Когда его попросили рассказать о себе, он выдал заготовленную биографию: он из Хантингтона, штат Западная Вирджиния, вдовец, занимается изготовлением ключей и увлекается историей. Именно поэтому ему всегда хотелось побывать в гостинице «Наследие» – его интересовала история этого дома и находящегося здесь музея. Когда он говорил, Оливия Купер внимательно его слушала, практически не сводя с него глаз. Это его смущало. Он не мог припомнить, когда в последний раз женский взгляд вызывал у него такие эмоции. Он улыбался и пытался придумать, что бы такое сказать, чтобы ее рассмешить.

Хоть еда была превосходной, а беседа – увлекательной, больше всего Гетца тронуло то, как были рассажены гости. Банкир с женой, писатель с женой, Гетц и Оливия. Три пары. Гетц уже очень давно не испытывал подобных чувств по отношению к женщине. Только теперь он почувствовал, насколько ему этого не хватало.

После ужина Оливия провела для гостей экскурсию по дому и музею, отвечая на вопросы об их истории и предыдущих владельцах. Экскурсия завершилась кофе и десертом, поданными на тележке прямо в музей. Гости столпились вокруг тележки, шутя, смеясь и поглощая вкусности. Как влюбленный подросток, Гетц не отходил от Оливии. Он ловил каждую нотку ее смеха и каждую молекулу духов.

Спустя некоторое время банкир с женой попрощались с остальными гостями и пошли к себе в комнату. Их уход послужил для Гетца сигналом к тому, что пора приниматься за работу. Пока Оливия желала спокойной ночи второй семейной паре, Гетц подошел к одной из витрин и притворился, что изучает ее содержимое. За эти пару минут он попытался стряхнуть с себя чары Оливии Купер.

Она подошла к нему сзади, беря его под руку.

– Вам налить еще кофе? – спросила она.

– Нет, спасибо, – ответил он, сжимая в руках свою чашку.

– Не хотите присесть?

Она указала на небольшой диванчик у окна, с одинаковыми тумбочками и лампами по обе стороны. Они сели. Гетц отдал пустую чашку горничной, которая пришла забрать десертную тележку. Вскоре та вышла, и они остались наедине.

– А в каком районе Хантингтона вы живете? – спросила Оливия.

– На Волнат-Хиллз. А вы знаете наш город?

– Я была там всего один день – в парке, на набережной, на площади Пуллмана. Там, где обычно бывают туристы. А давно вы там живете?

– Уже двадцать лет, – ответил Гетц.

Лгать было несложно. Он делал это уже столько лет, что вранье стало его второй натурой. Однако сегодня он сам себе удивился: как только ложь сорвалась у него с языка, он почувствовал себя плохо. Гетц не мог припомнить, когда еще он сожалел о том, что солгал.

– М-м-м... Расскажите лучше о себе, – он решил сменить тему. – Вы давно распоряжаетесь этим отелем?

Она негромко рассмеялась:

– Можно, я не буду отвечать на этот вопрос?

– Почему?

– Потому что это выдаст мой возраст. Очень давно! Иногда мне кажется, что я здесь самый древний экспонат. Я постоянно боюсь, что меня поставят в один из углов в музее, отгородят красной бархатной веревкой и включат в экскурсионную программу.

– Я оплачу экскурсию только ради того, чтобы взглянуть на вас, – сказал Гетц.

Оливия Купер покраснела:

– Так вы не просто джентльмен, а весьма красноречивый джентльмен.

Он говорил вполне серьезно. Он не мог отвести от нее глаз. Все, чего он хотел, – это смотреть на нее часы напролет. При этом даже не обязательно разговаривать.

Но задание не терпело отлагательств.

– Я бы с удовольствием просто поболтал с вами, – сказал он, – но я здесь только на один вечер. Вы не против, если я задам вам несколько вопросов о музее, миссис Купер?

– Конечно же, нет, – ответила она. – Я обожаю рассказывать о нашей коллекции Библий. И, пожалуйста, называйте меня по имени.

– С удовольствием, Оливия, – сказал он.

Лесть была одним из любимых инструментов Гетца. Но сегодня он не мог отличить лесть от чистосердечного восхищения.

– Давайте начнем с Библии Морганов, – сказал он, поднимаясь с дивана.

Они прошли в центр зала, где была выставлена Библия Морганов. Заглянув в витрину, Гетц увидел в стекле отражение Оливии.

– В брошюре сказано, что с нее все началось.

– Да. Вам что-либо известно о так называемых Церквах Наследия?

– Только то, что они требуют, чтобы фамильные Библии обязательно передавались из поколения в поколение. Это для них очень важная традиция. Правильно? – Оливия рассказала ему о приключениях Дрю Моргана, которые привели его из Англии в Америку, и о том, как он учредил специальную церемонию вручения Библии старшему сыну в семье. Затем эту традицию переняли другие семьи, в том числе и Куперы.

– Так, значит, здесь, в музее, хранится и Библия Куперов? Получается, это род вашего мужа?

Оливия грустно покачала головой:

– Фамильная Библия Куперов сгорела в пожаре вскоре после гражданской войны. Что же касается родословной, так это я сама происхожу из рода Куперов, а не мой муж. Муж бросил нас с дочерью за два месяца до ее появления на свет. Сказал, что не готов иметь детей. Позже выяснилось, что он также не был готов хранить верность. Я хотела дать дочери фамилию, которой она могла бы гордиться, поэтому перед ее рождением я снова взяла свою девичью фамилию.

– Мне очень жаль, – сказал Гетц. – Трудно представить, что кто-либо смог добровольно от вас отказаться.

– Вы снова мне льстите, мистер Гетц, – сказала она. – Продолжайте. Это бальзам для моей души.

– Пол. Пожалуйста, зовите меня Полом.

– Хотите поддержать Библию Морганов, Пол?

– А можно? Конечно, хочу!

– Минуточку.

Оливия скрылась за перегородкой и вскоре вернулась со связкой ключей в руке. Она отперла витрину, подняла крышку и протянула Библию Гетцу.

– Вот это да! – воскликнул он, внимательно разглядывая книгу в своих руках.

Хоть он и не имел возможности внимательно изучить Библию

Морганов, украденную из дома Этана, он видел, что копия была сделана очень качественно. Конечно, если это была копия.

– Не могу поверить, что держу в руках оригинал фамильной Библии Морганов! – воскликнул он. – Подумать только, какая у нее богатая история! Сам Дрю Морган...

– Это копия, – прервала его восторженные речи Оливия.

– Не может быть! Она выглядит совсем как настоящая!

– Это действительно настоящая Библия издания 1611 года, – ответила она. – Но это не Библия Морганов, – не забирая у него Библию, она открыла обложку.

– Здесь скопированы имена всех старших сыновей Морганов. А здесь, – она перевернула книгу у него в руках, – пробита дыра, точно такая же, как в оригинале.

– Невероятно! – сказал он. – Хотя я и не видел оригинала, – он снова соврал, и снова ощутил укор совести, – предполагаю, что только эксперт может отличить от него эту копию.

Оливия улыбнулась:

– Хотите, я расскажу вам маленький секрет? Он не входит в стандартную экскурсионную программу.

Она показала ему, чем копия отличается от оригинала. Гетц благодарно улыбнулся:

– Теперь я посвящен в одну из тщательно хранимых тайн вашего музея. Обещаю унести ее с собой в могилу!

– Мы называем этот экземпляр «Библией Иуды», – сказала Оливия, кладя книгу обратно в витрину. – На сегодняшний день сохранилось менее двухсот Библий издания 1611 года.

– Кажется, я слышал, что в одном издании, – наверное, не 1611 года – пропущено слово в Десяти заповедях. Это верно? – спросил Гетц.

Оливия широко улыбнулась:

– Совершенно верно – в издании 1631 года. Там пропущено слово «не».

– Вы все знаете!

– За эту опечатку издателей оштрафовали на триста фунтов стерлингов. В их наборе седьмая заповедь гласит: «Прелюбодействуй».

– Точно! Это издание еще называют «порочной Библией».

– У нас есть один такой экземпляр.

– Не может быть!

Она провела его через комнату и отперла другую витрину.

– Это фамильная Библия Вестонов, – она открыла ее на странице со злополучной опечаткой. – Ни о чем не догадываясь, Вестоны успели передать эту Библию трем поколениям, и только тогда Чарльз Вестон обнаружил опечатку. Он продолжил семейную традицию, но приобрел другую Библию. Его наследники подарили этот экземпляр нашему музею вскоре после его открытия.

В течение следующего часа она водила его от одной Библии к другой, рассказывая о каждой книге и о семье, которой она принадлежала.

– У вас феноменальная память, – сказал Гетц. – Боюсь, что я тут же забуду большую часть того, что вы мне рассказали. А нет ли случайно списка всех Библий, хранящихся у вас в музее?

– Обычно мы не распространяем эту информацию, – ответила Оливия. – Но, если хотите, *для вас* я распечатаю список всех наших Библий, с указанием семей, которым они принадлежали, и дам покупки или принятия в дар.

– Так вы и покупаете Библии?

– Да. Конечно, наши финансовые возможности ограничены, но, тем не менее, мы посещаем все аукционы антикварных книг, лично или по Интернету. Если нам не удастся приобрести желаемую Библию на аукционе, мы стараемся разузнать, кто ее купил – возможно, позднее новые хозяева выставят ее на продажу. Иногда нам удается убедить этих хозяев завещать нам Библию.

– Такой список – это предел всех моих мечтаний, – сказал Гетц.

– Пойдемте со мной.

Она провела его за перегородку. Открыв шкафчик, она бросила туда связку с ключами и закрыла его. Затем она уселась перед компьютером – детской игрушкой по сравнению с теми компьютерами, которыми привык пользоваться Гетц. Минуту спустя принтер уже выдал им список Библий.

– Так, значит, по этому компьютеру вы участвуете в аукционах? – спросил Гетц.

– Да. Конечно, в компьютерном мире это антиквариат, – ответила Оливия. – Иногда он слегка тормозит, и тогда мы волнуемся, что наша заявка опоздает.

– Но получается, что вы все же пользуетесь Интернетом. Просто в брошюре я не видел ни вебсайта, ни электронного адреса.

– Мистер Гетц! – воскликнула Оливия. – Вас интересует мой электронный адрес?

Ее поддельное возмущение ошарашило Гетца. Он растерялся.

Оливия рассмеялась:

– Вы бы видели свое лицо! Это незабываемо!

Она взяла визитку и написала на обратной стороне не только электронный адрес, но и номер телефона.

– Это мой мобильный, – сказала она. – По электронной почте лучше особо не откровенничать. Ее регулярно проверяет Элис, наша сотрудница.

– Хорошо, буду иметь в виду.

– Мы не указываем в рекламе свой электронный адрес. Это не соответствует нашему имиджу старинной гостиницы домашнего типа. По этой же причине у нас нет доступа к Интернету в номерах. Люди приезжают сюда как раз для того, чтобы отдохнуть от подобных благ цивилизации.

Гетц выполнил задание. Он получил все, ради чего сюда приехал. Но ему так не хотелось, чтобы этот вечер закончился.

– Как насчет горячего какао на крыльце? – спросила Оливия.

– Горячего какао? – Гетц в изумлении покачал головой.

– Не любите какао? Я могу сделать кофе.

– Нет-нет, какао – это замечательно. Просто я не пил какао еще со времен... Даже не помню, с каких времен.

– Тогда готовьтесь к убойной дозе шоколада, – улынулась Оливия. – Я заварю вам самое крепкое какао в мире.

Гетц надел плащ и вышел подождать ее на крыльцо. На темном небе были рассыпаны звезды – гораздо больше, чем можно было разглядеть через дымку Лас-Вегаса. Воздух был прохладным и влажным из-за соседства с рекой – не такой сухой и холодный, как в пустыне.

Здесь все было иначе. Он как будто перенесся на другую планету или в другую, более дружественную эпоху. Здесь он чувствовал себя пришельцем. Даже хуже – агрессором, поскольку принес с собой тлетворное влияние своего мира.

Он бросил взгляд на свою машину, припаркованную неподалеку. Будь он хоть сколько-нибудь порядочным, он бы сел за руль и уехал. Прямо сейчас. Чем дольше он здесь оставался, тем больше заражал мир Оливии.

Скрипнула дверь, и на крыльцо вышла Оливия с двумя чашками дымящегося какао в руках. Гетц поспешил ей навстречу, чтобы придержать дверь.

– Осторожно, горячее, – сказала она, вручая ему чашку.

Гетц взял чашку и улыбнулся, заглянув внутрь:

– Взбитые сливки!

– Что за какао без взбитых сливок?! – ответила она.

Они стояли у перил, вглядываясь в темноту – через дорогу и на речку, отражавшую лунный свет.

– Какао гораздо вкуснее, если пить его на улице, – сказала Оливия. – Я обожаю сочетание запаха какао и свежего воздуха. Они чудесно дополняют друг друга.

– Как друзья, – сказал Гетц.

Она повернулась к нему с самой ангельской улыбкой из всех, что ему доводилось видеть за свою жизнь.

– Как друзья, – повторила она, поднимая свою чашку, словно это был тост.

Они чокнулись чашками.

– А вы знаете, что моя дочь вышла замуж за одного из Морганов? – сказала она.

Она решила продолжить тему, начатую в музее. Видимо, ей хотелось больше рассказать о себе, как это делают новые друзья. Она и не подозревала, что снова вынуждает его лгать.

– Нет, – ответил он, – не знаю.

– Он трагически погиб около месяца назад.

– Мне очень жаль. А у них есть дети? Есть ли наследник, которому достанется фамильная Библия?

– Нет, детей нет, – сказала она. – Но Библия здесь ни при чем. Муж Мередит был младшим из братьев-близнецов. Так что Библия по наследству принадлежит старшему брату.

Больше она ничего не сказала об Этане и Библии. Ее мысли сосредоточились на дочери.

– Я пыталась уговорить Мередит снова переехать ко мне, помогать с гостиницей, а когда-нибудь и полностью взять ее на себя.

Гетц поставил свою чашку на перила.

– А сколько ей лет?

– Двадцать восемь.

– Слишком молода, чтобы быть вдовой, – сказал Гетц. – И слишком молода, чтобы понимать, что важно в жизни.

– Нет, дело не в этом. Мередит очень дорожит своим семейным наследием – может быть, даже слишком дорожит. Совсем недавно она была в Англии, в Эденфорде – вернее, в его руинах. Ведь это жители Эденфорда вдохновили Дрю Моргана положить начало новой традиции – передаче Библии из поколения в поколение. Кстати, во время этой последней поездки Мередит попала в Лондон как раз в тот день, когда был взорван собор Святого Павла.

– И она видела взрыв?

– Она как раз проезжала мимо на машине, когда он прогремел.

– Она пострадала?

– Небольшое сотрясение мозга. Синяки и царапины.

Оливия запнулась. Вспомнив об опасности, которой подверглась ее дочь, она не смогла удержаться от слез. То, как нежно она любила свою взрослую дочь, глубоко тронуло Гетца. Уже много лет он не испытывал к своему сыну ничего, кроме гнева. Еще с того времени, когда тот был подростком.

Последнее теплое чувство, которое Гетц мог припомнить, было связано с тем случаем, когда его мальчика укусила соседская собака. Ему было лет восемь. Гетц повез его в травмопункт. У раны были рваные края, и ее необходимо было зашить. Гетц знал, что сначала врач должен сделать несколько обезболивающих уколов, а его сын панически боялся шприца.

Но в тот раз мальчик совладал со страхом. Он не плакал, не хныкал и даже не отворачивался. Он вел себя как настоящий мужчина. Доктор очень хвалил его за храбрость, а Гетц промолчал. Только сейчас он пожалел об этом.

– Гибель мужа, а потом еще и взрыв... Вашей дочери пришлось нелегко, – сказал Гетц. – Как она себя чувствует?

– Мередит – из рода Куперов, – ответила Оливия. – Наша порода –

рыжеволосая, сильная и упрямая, мы умеем оказать сопротивление любым обстоятельствам.

– Упрямая? Не могу поверить! У вас такой приятный и мягкий характер.

– Мы ведь знакомы совсем недавно, – возразила Оливия. – А как насчет вас? У вас есть дети?

– Сын. Хоть мы и работаем вместе, мы не очень близки.

– По его вине или по вашей?

Гетц на минутку задумался.

– Не знаю, кто здесь виноват. Мы ведь не специально отделились, это произошло само собой, понимаете?

– Да, это как сорняки, – сказала Оливия. – Никто их специально не выращивает, но они растут, если за садом не ухаживают. Так же и в отношениях. Чтобы их испортить, достаточно за ними не ухаживать.

На минуту воцарилась тишина. Вдали, как и тысячу лет назад, текла древняя речка Огайо. «Интересно, сколько разговоров она подслушала за все эти годы», – подумал Гетц.

– Вот это да! – воскликнула Оливия. – Уже больше часу ночи!

С тяжелым сердцем Гетц взял чашку с перил. Ему так хотелось, чтобы это время не кончалось, чтобы они продолжали говорить, а утро не наступало. Его душа начала исцеляться. Но конец наступил, и теперь лучше забыть обо всем как можно скорее. Он встанет пораньше и уедет еще до завтрака.

– Пожалуйста, оставайтесь, – сказала Оливия, прикасаясь к его плечу.

Неужели она прочла его мысли?

– Оставайтесь еще на день, до воскресного обеда, – предложила она. – Ведь Митчеллы бронировали комнату на два дня. Я бы с удовольствием продолжила общение с вами.

– Да, я тоже был очень рад этому общению, – сказал Гетц.

– Так вы останетесь?

Ах, как же ему хотелось сказать «да».

– Нет, не могу, – сказал он. – Мне очень жаль.

– Ну что ж... – Оливия убрала руку с его плеча и приняла строгое выражение лица. – Предупреждаю, что никуда вас не отпущу, пока вы не забронироваете комнату на следующий приезд.

– Я тоже бываю упрямым, – ответил он. – Но, пожалуй, я смогу задержаться здесь до обеда.

Он снова принялся за ложь. Он сказал ей то, что она хотела услышать. На самом деле он, конечно же, уедет еще до завтрака. Оказалось, что вернуться к старым привычкам очень легко.

Они пожелали друг другу спокойной ночи и расстались на втором этаже у лестницы. По дороге к своей комнате Оливия выключила свет в коридоре. Как настоящий джентльмен, Гетц подождал, пока она закроет за собой дверь, а затем отправился к себе.

Он сразу же приступил к делу: включил свой ноутбук и подключился к Интернету через спутниковую связь. Он написал Саймону отчет, приложив всю необходимую информацию. Разумеется, Саймон первым делом с утра захочет ознакомиться с ней. Гетц также написал, что будет в офисе в субботу к обеду, и навел курсор на кнопку «отправить».

Однако что-то помешало ему нажать на эту кнопку. На минуту он замер в нерешительности. Затем стер последнее предложение – о том, что будет в офисе в субботу, – и отправил письмо.

Пока электронное письмо летело по спутниковым каналам в Лас-Вегас, Гетц вышел в темный гостиничный коридор. Он тихо постучал в дверь Оливии. С другой стороны послышался ее шепот:

– Что такое? Что-то случилось?

– Это я.

– Пол?

Ее голос звучал уже по-другому, когда она произнесла его имя. Мягче и не так официально.

– Я передумал, – сказал он. – Можно мне остаться?

— Только что мы очень странно поговорили с мамой, — сказала Мередит, занося в салон поднос с кофе и печеньем. — Она хихикала, как девочка.

— Не могу представить, чтобы твоя мама хихикала, — ответил Этан.

Он вытянулся на диване с раскрытой книгой на коленях, погруженный в свои мысли. Они с Мередит завели привычку проводить вечера вместе. Полицейский может позволить себе следовать распорядку дня только тогда, когда он временно не работает.

В эту субботу они взяли напрокат фильм. Пока Мередит убирала после ужина и звонила маме — неотъемлемый субботний ритуал, — Этан решил почитать. Мередит вернулась неожиданно быстро, проговорив с мамой намного меньше обычного.

— И что послужило причиной маминого веселья?

— Не знаю, она не сказала. Пообещала рассказать мне позже, снова захихикала и повесила трубку.

Мередит поставила поднос. Не отрываясь от книги, Этан убрал ноги с дивана, освобождая место для Мередит.

— Но вообще-то я этому рада, — сказала Мередит, наливая кофе в чашки. — В начале этой недели у нее было ужасное настроение. Ее клиенты, семейная пара, отменили свой заказ из-за того, что у них сгорел дом. Дотла. Ничего не осталось.

— Ужас, — сказал Этан, продолжая читать.

— Ты уже поставил диск с фильмом?

Этан не отозвался. Мередит взяла коробку и увидела, что диск по-прежнему внутри.

— Ты же сказал, что поставишь, — сказала она, направляясь к плееру.

Она снова уселась, взяла в руку пульт и приготовилась включать.

- Так ты будешь читать или смотреть кино? – спросила она.
- Минуточку.
- Что читаешь?

Он поднял книгу, показывая ей обложку. Это был бестселлер Мэ-лори Саймона «Три гигантских шага к успеху».

- Я думала, ты порвал ее на мелкие кусочки, – сказала она.
- Да, но я купил себе новую.
- Зачем?
- Погоди...

Он продолжал читать.

Наконец, оторвав глаза от книги, он сказал:

– Кажется, теперь я понимаю, почему Саймон коллекционирует Библии.

Это заинтересовало Мередит. Она отложила пульт в сторону.

– Для него это вопрос власти, – объяснил Этан. – В этой главе Саймон пишет о том, как завоевываются власть и собственность. По его словам, история доказывает, что власть отбирается главным образом не силой, а идейным путем.

– В смысле?

– Вначале нужно распространить идею. Сама подумай: все революции начинались с идеи. Идея вдохновляла вначале одного человека, а потом целый народ. А распространялась она посредством символов. Понимаешь?

– Да. Продолжай.

– Например, какая идея подвигла американские колонии на революцию?

– Идея свободы.

– Совершенно верно. А какие символы были у свободы?

– Ну, наверное, их было несколько. Колокол свободы. Декларация независимости. Ах да, и конечно же, флаг! Тринадцать полос, тринадцать звезд.

– Да, флаг – это важнейший символ. Надругаться над флагом страны, значит, оскорбить чувства ее граждан.

– Так ты хочешь сказать, что Саймон собирает Библии как символ христианства? Но почему только некоторые? В мире полно и других Библий.

Этан сдвинулся на край дивана:

– Мне вспомнилось, что говорил Саймон на семинаре в Лас-Вегасе. Он постоянно подчеркивал, что ради сегодняшней славы и успеха ему пришлось порвать с собственным отцом. В его уме революцию произвела идея, что он мог прожить совершенно иную жизнь, не такую, как прожил его отец.

– Стать человеком, всем обязанным самому себе.

– Точно! Но интересно было то, как он это сформулировал! Он придумал свой собственный девиз: «Обруби корни, и цветок засохнет».

– Броско.

– Поэтому он собирает не все Библии подряд, а только те...

– ...только те, которые тесно связаны с прошлым! Он обрубает корни!

– Вот именно!

– Тогда понятно, почему Саймон так интересовался бизнесом Эндрю. Эндрю писал свои романы, чтобы напомнить американцам об их духовных корнях. Но неужели это возможно? Неужели он сможет так просто уничтожить христианство – отобрав у нас наши символы?

– Не знаю. А ты представь, если бы у нас больше не было американского флага? Если бы в школах не учили историю Америки?

Вопрос повис в воздухе. Наступила неловкая пауза.

– М-м-м... Думаю, тебе не понравится то, что я сейчас скажу, – заявила Мередит.

Этан обеспокоенно посмотрел на нее:

– Ну, давай уже, говори.

– По поводу вопроса, который ты только что задал. – Она замялась. – С тем же успехом можно было спросить, а что если не рассказывать нашим детям об их духовных корнях? Я имею в виду не только библейские истории, но и истории о мучениках, о людях, отдавших жизнь за то, чтобы мы могли читать Библию на английском.

– А что, разве кто-то отдал за это жизнь?

– Энн Эскью и Джоан Бохер были сожжены на костре, за то что читали Библию на английском. Но это только два примера. Были и многие другие, храбро отстаивавшие свои убеждения.

– Например, Дрю Морган.

– Ну вот, я же говорила, что тебе это не понравится.

Этан внимательно посмотрел на Мередит. Неужели она и ее мама всегда были правы? Неужели такие, как они, мешали мэлори саймонам завладеть этим миром?

Кофе остыл. Мередит отнесла его на кухню, чтобы подогреть, и вернулась через несколько минут. О фильме никто и не вспомнил.

– Я тут дальше расследовал жизнь Саймона, – сказал Этан, перебирая копии газетных и журнальных статей.

Мередит налила ему чашку горячего кофе.

– И что ты выяснил?

– Он заработал свой первый миллион на измельчении документов. Уничтожал бумаги различных компаний и банков. Поскольку хранение старых документов обходится очень дорого, а правительство очень щепетильно следит за соблюдением всех формальностей, всего за пару лет его бизнес разросся до невероятных размеров. Он получал огромные прибыли. Это он впервые разработал «мобильные измельчители документов» – микроавтобусы, которые приезжали по вызову и резали бумаги на мелкие кусочки на глазах у заказчиков.

– Со всеобщей компьютеризацией Саймон обновил свою продукцию и перечень предлагаемых услуг. Его компания разработала программное обеспечение для необратимого уничтожения файлов, а также механические измельчители высокой мощности для физического уничтожения компакт-дисков и винчестеров.

– Но на этом он не остановился. – Этан нашел нужную статью. – По данным «Ньюсуика», Саймон настолько прославился своими разрушительными способностями, что крупнейшие компании стали обращаться к нему за услугами иного рода. Они стали заказывать уже не уничтожение документов, а уничтожение конкурентов! Он стал любимым подрядчиком ребят с Уолл-стрит.

– Но что за человек строит карьеру на разрушении? – поразилась Мередит. – Ты не думаешь, что рано или поздно он за это поплатится?

– Пока что это только помогло ему стать звездой. Я много раз говорил Скаю, что в нашем мире разрушение вошло в разряд развлечений. Оно воспевается повсюду – в кино, в видеоиграх, в роликах, размещенных в Интернете. Стоит каким-нибудь террористам выложить в Интернет видеозапись смертной казни, и на их сайт повалят

миллионы посетителей. Люди будут пересылать друг другу эту ссылку по электронной почте.

– Но это же извращение!

– Это мир, в котором живет Мэлори Саймон. Вот еще одно интересное сообщение о мистере Саймоне. Оказывается, он активно выступает за то, чтобы убрать из общественных мест кресты и рождественские вертепы.

– Опять-таки, это символы. Выходит, что Мэлори Саймон объявил войну христианской символике.

– Нужно предупредить твою маму, – сказал Этан.

Меридит прикрыла рот рукой от испуга:

– А я и не подумала об этом! Ты прав! Известно ли Саймону о ее музее?

– Кто его знает.

Меридит потянулась за мобильным телефоном:

– Вообще-то нет, – она положила телефон на место, – лучше я позвоню ей в понедельник. Сегодня она такая счастливая! Не хочется портить ей настроение.

* * *

Пол Гетцвел машину по Келлог-роуд навстречу заходящему солнцу. На нем была улыбка – та же самая улыбка, которую он впервые надел в пятницу вечером и не снимал ни в субботу, ни в воскресенье. Оказалось, что носить ее очень приятно.

Оливия попросила его остаться в воскресенье до обеда, и Пол поменял билеты на дневной рейс. Потом он решил задержаться еще на чуть-чуть и поменял билеты на вечерний рейс. За все эти перемены с него взяли плату, равную стоимости самого билета, но он ничуть не расстроился. Приятно проведенное время окупило это с лихвой.

Пребывание в Пойнт-Провиденсе подействовало на него, как лучшее лекарство. Он познакомился с такой жизнью, о существовании которой даже не подозревал. Его проводником по этой жизни была Оливия, и та порция радости, которую она ему подарила, была еще слаще, чем десерты шеф-повара Черил. В Пойнт-Провиденсе не было ни притворства, ни скрытых целей, ни борьбы за власть, ни ударов в спину, ни шика и блеска, предназначенных для того, чтобы отвлечь

и заманить в ловушку. Зато там были искренние беседы, вкусный кофе, неспешные прогулки по лесу и чистосердечные отношения. Он никогда еще не встречал никого лучше Оливии, расставаться с ней было крайне тяжело.

Дорожный знак предупредил его, что через две мили будет его поворот. Он планировал поехать по окружной дороге, чтобы не пересекать весь город. Солнце было ему в глаза. Он опустил защитный экран и только убрал руку, как ему навстречу проехала машина. Человек на пассажирской стороне был очень похож на его сына. Но, конечно же, это не он. Или все же он?

Он посмотрел на удаляющуюся машину в зеркало заднего вида. Черный «крайслер» одной из последних моделей. Нет, это никак не мог быть его сын.

Оливия много говорила о родственниках. Особенно о Меридит. Они были так близки! Гетц и не догадывался, что между родителями и детьми может существовать такая тесная дружба. Оливия отзывалась о дочери с уважением и восхищением. Гетц еще не видел, чтобы родители так восхищались ребенком, и это вызвало у него желание лучше узнать собственного сына. Видимо, поэтому ему показалось, что человек во встречной машине на него похож. Просто он много о нем думал в последнее время. Кстати, а почему бы ему не позвонить?

Вытащив из кармана мобильный телефон, он нашел в меню быстрого набора номер сына. Может быть, они смогут вместе поужинать сегодня вечером?

После четырех сигналов ему ответил автоответчик.

– Привет, – Гетц решил оставить сообщение, – я сейчас вылетаю из Цинциннати. Может, поужинаем вместе, когда я прилечу? Я угощаю. Перезвони мне.

Он захлопнул телефон. Что ж, во всяком случае, начало положено. Он свернул на окружную дорогу, но не мог выбросить из головы мысли о сыне. Нет, он точно обознался. С какой стати его сын оказался бы в Цинциннати? Он вернул взятую напрокат машину и прошел контроль. До вылета оставалось еще полчаса. Он купил кофе, чтобы скоротать время. Открыв ноутбук, он вошел в Интернет и проверил свою электронную почту. Пришло несколько деловых писем наряду

с непрошенной рекламой. Ни слова ни от Саймона, ни от сына. Он еще раз набрал номер сына и снова услышал автоответчик.

Нет, это не он был в машине.

Почему же тогда мимолетный образ упорно не желал покидать его? Гетц захлопнул крышку ноутбука и направился мимо столика регистрации к пункту проката автомобилей.

* * *

Уже совсем стемнело, когда Гетц вернулся в Пойнт-Провиденс. Точнее, почти вернулся. Он оставил машину на обочине примерно в километре от гостиницы и проделал оставшееся расстояние пешком. Если бы он подъехал на машине, Оливия увидела бы свет фар, вышла бы ему навстречу и задала бы вопросы, на которые у него не было ответа.

Она даже не догадывалась, кем работают они с сыном. Когда он это осознал, с него быстро слетели розовые очки, хоть он и успел привыкнуть к ним за выходные. Оливия не должна была узнать, кто он на самом деле. Она ни за что этого не поймет и тем более не одобрит. Она жила в мире, недоступном для него, как принцесса в сказочном королевстве. В его мире люди готовы были перегрызть друг другу глотку в любой момент. Они не ведали, что такое прощение. Жизнь была постоянной борьбой, хоть и приукрашенной мишурой снаружи.

Гетц наблюдал за домом издали сквозь кроны деревьев. Окна светились теплым светом, словно приглашая его приблизиться. Больно было думать, что она здесь, совсем рядом. Очень хотелось взбежать по ступенькам и сделать ей сюрприз. Он мог бы придумать какую-нибудь историю, чтобы объяснить происшедшее. Ведь он отлично умел лгать.

Держась на расстоянии, он решил обойти вокруг дома. Все было тихо и спокойно. «Вот дурак, пропустил свой рейс без всякой причины», – подумал он.

Продолжая свой обход, он вышел к северному фасаду дома. От входной двери его отделяла только парковка. Все было так, как положено – здесь стояли всего одна или две машины. Начиная с воскресного вечера постояльцев в гостинице не было. Понедельник и вторник были выходными.

Гетц вглядывался в окна, надеясь увидеть Оливию. И тут дверь открылась. Она вышла на крыльцо с чашкой в руке. Его сердце на секунду замерло, а потом бешено забилося, как у подростка. Он упрёкнул себя в глупости. Разве он не слишком стар для подобных чувств? Он прятался в темноте, мечтая о женщине, которая никогда не будет ему принадлежать. А она стояла на крыльце, опершись о перила и безмятежно глядя вдаль. О чем она думала? Что если о нем? Как бы она отреагировала, если бы он вышел из своего укрытия? Его так и подмывало это сделать. Конечно, у него была масса причин сдержаться. Главная из них: каким образом взрослый человек может объяснить подглядывание из леса? И вторая, не менее весомая: все кончено. Не стоит вступать в то, из чего заведомо ничего не получится.

Из дома раздался голос. Оливия обернулась на него и тут же зашла вовнутрь. Дверь захлопнулась, резко обрывая все его размышления.

Ему стало не по себе. Он понимал, что сейчас уйдет отсюда и больше никогда ее не увидит. Так будет лучше. Ради ее же блага он не станет ей звонить. Ради ее же блага он больше никогда сюда не вернется. Но уйти было непросто. Через силу он спустился с пригорка. Сейчас он выйдет к дороге, снова поедет в аэропорт, купит новый билет до Лас-Вегаса и постарается забыть Пойнт-Провиденс и Оливию Купер.

Не доходя до дороги метров сто, Гетц заметил, что деревья редеют, образуя что-то наподобие поляны. Выйдя на поляну, он уперся прямо в машину, которую не было видно с дороги из-за деревьев. Это был черный «крайслер». В точности как тот, в котором сидел мужчина, похожий на его сына.

У Гетца зашевелились волосы на голове.

В машине никого не было. Дверцы были закрыты.

Гетц побежал по пригорку обратно к дому и занял наблюдательный пост, с которого были видны все подходы.

Гостиница выглядела точно так же, как в любой другой день, — спокойно и умиротворенно. Но что-то было не так. Он это ощущал. Вокруг постепенно сгущались тучи, как в приближение грозы.

Гетц расположился поудобнее и решил выждать. Если нужно, то хоть и всю ночь.

В начале одиннадцатого во всех комнатах по очереди выключили свет. Дом погрузился в темноту.

Гетц ждал, ни на секунду не теряя бдительности.

Первым сигналом был хруст ветки, а за ним – шорох листьев под чьими-то ногами. Одинокая фигура подошла к дому с тыльной стороны, осторожно передвигаясь от дерева к дереву. Когда она метнулась через открытую площадку между лесополосой и домом, Гетц безошибочно узнал ее, несмотря на темноту. Он видел те же повадки еще много лет назад, когда его сын играл в войну с соседскими мальчишками, а затем и недавно, когда они вместе выполняли грязную работу для Саймона.

Больше ждать не стоило. Гетц не стал тратить время даже на то, чтобы сделать небольшой круг и подойти к дому под прикрытием деревьев. Он направился прямо через парковку обычным шагом.

Фигура подошла вплотную к двери и скрылась из поля обзора. Гетц услышал треск – деревянная дверь была вскрыта металлическим лезвием. Быстро и ловко. Один звук – и все стихло. Как будто ветка отломилась и упала с дерева. Даже если кто-то и услышал этот звук, то не обратил на него внимания. Нигде в доме не зажегся свет.

Гетц подошел к двери. Она была распахнута. Он оглянулся вокруг – в машине ведь было двое людей. Но сейчас он не видел больше никого и ничего, кроме леса, растворяющегося в темноте.

Он зашел в дом и направился в кухню. Все было тихо. Его рука автоматически потянулась к поясу за пистолетом, но он не взял с собой пистолета. А даже если бы и взял? Смог бы он выстрелить в собственного сына? А если бы жизнь Оливии была в опасности?

В ответ на все эти вопросы Гетц подошел к разделочному столу и схватил внушительных размеров нож для мяса.

Он вошел в темный коридор как раз в ту секунду, когда в двери музея мелькнуло что-то белое, похожее на привидение. Затем в музее включили свет.

– Кто вы? Что вы здесь делаете?

В голосе Оливии слышался страх, и в груди у Гетца поднялся благородный гнев – древний мужской инстинкт, призывающий вступить за слабого. Он был готов на что угодно, чтобы защитить Оливию и развеять ее страхи.

Гетц шагнул на порог музея. Ему понадобилось не больше секунды, чтобы оценить ситуацию. Оливия стояла у центральной витрины –

той, где хранилась Библия Морганов, – загораясь ее собой. В руке она держала мобильный телефон, словно это было оружие, некий лазерный пистолет будущего.

Злоумышленник неподвижно стоял у дальней стены, лицом к Оливии, с рюкзаком в руках. Судя по тому, что ляжки были натянуты до предела, рюкзак был очень тяжелым. Гетц прекрасно знал, что находится в рюкзаке. Работая на Саймона, он собирал десятки таких комплектов. Это была зажигательная бомба с дистанционным пусковым механизмом.

Сын увидел его первым. Если до этого на его лице была досада из-за того, что его поймали на горячем, то сейчас она сменилась изумлением. Оливия развернулась, чтобы увидеть, что же его так изумило. На ее лице отразился целый спектр эмоций – удивление, недоумение и, наконец, облегчение.

В это мгновение Гетц впервые почувствовал, что его жизнь обрела смысл. В ее глазах он прочел, что она убеждена в его добрых намерениях. Она верила, что он пришел спасти ее, а не причинить ей боль. Внезапно Пол Гетц осознал свое жизненное предназначение: любить, оберегать и лелеять эту женщину до своего последнего вздоха.

– Пол! Что ты здесь делаешь? – резко спросил его сын. Он не называл его «папа» лет с десяти.

– Пол! Ты знаешь этого человека? – спросила Оливия.

– Иди в свою комнату, Оливия, – ответил он. – Все в порядке. Я тут сам разбе...

Взрывная волна отбросила его назад, через дверной проем, и ударила о лестничные перила. Вначале все в глазах потемнело. Потом он услышал стон. Свой собственный. Только он был приглушен и шел откуда-то издалека.

Его голова безвольно болталась по сторонам. В лицо бил жар огня, сообщая мозгу, что нужно срочно что-то делать, как-то спастись. Но мозг, как ни старался, не мог заставить тело двигаться. Гетц задышался от дыма. В глазах что-то замелькало, и он стал различать языки пламени.

Оливия!

Пол заставил себя приподняться и сесть, опершись спиной на перила. Вокруг кружилось и прыгало пламя, совершая свой древний

ритуальный танец. Он попытался встать на ноги, и по всему телу пробежал электрический ток. Еще одна попытка – и вот он уже стоял на коленях, а потом и на ногах.

Он проковылял к двери музея и ухватился рукой за дверной косяк, чтобы не упасть, но тут же отдернул руку – все вокруг было накалено. Комната была объята огнем. Витрины, стоявшие по периметру, сомкнулись в огненном кольце. Центральная витрина была перевернута, стекло разбито, а Библия вывалилась на пол.

Тут же лежала Оливия.

Гетц упал на колени рядом с ней. Он прокричал ее имя, хотя сам с трудом расслышал свой голос. Она не отозвалась. Он прокричал еще раз, прикоснувшись к ее щеке. Кожа Оливии была нежной и бархатистой, как он и представлял. Он попытался прощупать пульс у нее на шее. Кажется, пульс был, но он не был уверен.

Нужно было вытащить ее оттуда.

Схватив ее под плечи и под колени, он нашел в себе достаточно сил, чтобы пронести ее через весь коридор, кухню, по ступенькам во двор. Там он осторожно положил ее на землю.

– Оливия! Ты меня слышишь?

Он обхватил ее лицо ладонями:

– Оливия, пожалуйста, ну пожалуйста, не покидай меня! Я ведь только тебя нашел!

Ее губы задрожали. Она подняла веки и посмотрела на него.

– Все хорошо, – заверил ее Гетц. – Ты в безопасности.

– Пол...

– Я здесь. Все будет хорошо.

Вдалеке загудели сирены.

– В безопасности... – пробормотала она.

– Да. Теперь ты в безопасности.

– А Библия?

Гетц оглянулся на пылающий дом.

– Нет. Все Библии сгорели.

– Нет, нет! – она разволновалась. – Нужно спасти... Библию... – она попыталась подняться, но ничего не вышло.

– Не двигайся. Это не в наших силах.

– Библия Морганов... Мы должны ее спасти...

– Оливия, прошу тебя, не двигайся. Это всего лишь копия.

– Пол, пожалуйста... спаси ее...

Слезы потекли у нее по щекам. Она закашлялась. Гетц крепко прижал ее к груди.

– Пожалуйста... ну пожалуйста... – повторяла она между приступами кашля.

– Хорошо, – сказал он, – хорошо.

– Отдай ее... Мередит, – сказала Оливия.

Гетц посмотрел на дом, раскаленный, как пекло.

Все что угодно. Он сделает все, что она хочет.

– Звезды... – сказала она, – мы с тобой... и звезды...

В субботу вечером они гуляли при свете звезд. Это был лучший вечер в жизни Гетца. Он набросил куртку на голову и ринулся в горящий дом. Все стены пылали, а вместо потолка над головой нависал толстый слой черного дыма. Он достал из кармана носовой платок и прикрыл им рот.

Было как в аду. Кухня – раскаленная сковородка. Коридор – камера пыток. Гетц понимал, что долго он не продержится. Он пробежал по коридору и завернул в музей. В центре на полу лежала Библия Морганов – нетронутая пламенем.

Он не верил своим глазам. Что такого особенного в этой Библии, если даже ее копия охраняется лично Богом?

Схватив ее, он направился обратно, но вначале бросил взгляд на то место, где перед самым взрывом стоял его сын. Лучше бы он туда не смотрел.

Голова догорала на полу, отдельно от тела.

Почему он это сделал? Почему?

Сверху предупредительно хрустнула деревянная балка и тут же обвалилась. Гетц успел отпрыгнуть в сторону, падая на пол и прижимая Библию к груди. Если Бог хранит эту Библию, подумал он, то сохранит и его, пока та у него в руках. Однако, выбежав в коридор, он засомневался в этом. Казалось, пришел конец. Легкие горели. Он так отчаянно кашлял, что не видел, куда бежит, и боялся наткнуться на горящую стену. Все, что оставалось делать, – это исправно переставлять ноги и надеяться, что ему повезет и что он впишется в дверной проем.

С каждым шагом он надеялся, что вот-вот покажется дверь, но ее все не было и не было. Огненные стены казались бесконечными. И вдруг стена справа рухнула, сбивая его с ног. Он постарался встать, но не смог. Силы покинули его. Тогда, не поднимаясь с коленей, он рванулся вперед в отчаянном кувырке, прорвался через огненную стену и скатился вниз по ступенькам.

Он перевернулся на спину и уперся глазами в звезды.

Какое-то время он ничего не делал, только конвульсивно дергался от кашля, каждый раз ему казалось, что легкие сейчас выпрыгнут через рот. Потом ему удалось встать на четвереньки. Нужно было проверить, как там Оливия, сказать, что он вынес Библию из огня, быть рядом с ней, пока не приедет подмога.

Он подполз к ней и приподнял заветный трофей у нее перед глазами.

Глаза были открыты, но ничего не видели. Их хозяйка покинула свое тело. Последнее, что она видела, – это звезды.

* * *

Этан на скорости подъехал к дому Мередит, резко затормозил и выпрыгнул из машины. Не обращая внимания на розовое зарево на востоке, он рванул к входной двери, на ходу выбирая нужный ключ в связке.

– Мередит!

Он вошел в дом. Всюду было темно, и только одна лампочка горела где-то в конце коридора.

– Мередит!

Дверь в ее спальню была открыта, но свет просачивался не от туда, а из ванной.

– Мередит...

Двадцать минут назад он крепко спал в своей постели. Внезапно его разбудил телефонный звонок. По мелодии вызова он узнал, что это она. Вначале она не могла ничего сказать, только плакала. Ее рыдания вызвали у него панику, которая не отступила и до сих пор.

– Мередит!

Через дверную щель лучи света из ванной падали на ковер в коридоре. Этан медленно открыл дверь.

Она сидела на полу в белом махровом халате, прислонившись спиной к тумбочке. Ее голова была запрокинута назад, глаза закрыты. Подбородок дрожал. В руке она сжимала мобильный телефон.

Этан хотел сказать что-нибудь утешительное, но все слова, которые приходили ему на ум, прозвучали бы бессмысленно и нелепо. В такие минуты слова бессильны помочь.

Когда она ему позвонила, ей с трудом удалось выдавить из себя слова. Произошел пожар. Гостиница «Наследие» сгорела до основания. Ее мама... Дальше она поперхнулась, и долгие несколько секунд Этан мог только догадываться, что случилось с ее мамой. В конце концов, Мередит-таки подтвердила худшие подозрения Этана: Оливия Купер была мертва.

Склонившись над Мередит, сидящей на полу ванной, Этан поразился ее хрупкости и ранимости.

– Тебе что-нибудь принести? – спросил он. – Может, воды?

Он готов был действовать, спасать, помогать. В крови кипел адреналин. Он должен был сделать что-то полезное. Если бы Мередит просто кивнула, он обрел бы миссию: найти стакан, наполнить водой, принести ей.

Но она никак не отреагировала. Она даже не подала виду, что знает о его присутствии. Тогда Этан сел рядом с ней, опершись спиной о ту же самую тумбочку. Он ничего не делал и не говорил. Он просто сидел, упершись взглядом в стену перед собой.

Через несколько секунд она прислонилась к нему. Ее щека прижалась к его плечу. Она открыла глаза, неосмысленно глядя вдаль, но уже не плача. Через рукав рубашки он ощущал тепло ее лица. Так, не двигаясь, они просидели еще несколько минут.

Потом Мередит прошептала:

– Спасибо, что приехал.

Гетц с силой толкнул от себя дверь офиса. Та грохнула о стену, объявляя о его приходе. Под мышкой он небрежно, словно футбольный мяч, зажимал копию Библии Морганов.

– Зачем? – закричал он с порога. – Зачем ты это сделал?

Саймон вздрогнул от появления неожиданного гостя, но, узнав Гетца, расслабился, как будто предвидел его визит.

– Ты не мог бы выражаться поконкретнее? – спокойно сказал он, откладывая в сторону утреннюю газету.

Гетц совершил проступок, которому не было прощения. Он прервал утренний ритуал, не изменявшийся с тех пор, как Саймон обоживался в своем офисе в Лас-Вегасе – просмотр деловых газет, затем отчеты подчиненных, как личные, так и почтовые (Гетц увидел сверху на столе распечатку своего электронного письма), затем новости от генерального менеджера «Изгоев из Невады» и, наконец, плавание и массаж в эксклюзивном спортклубе.

Все, кто работал на Саймона, знали, что этот ритуал священен. За его малейшее нарушение Саймон выгнал не одну секретаршу и уволил не одного менеджера. В других причинах он не нуждался.

– Ты послал моего мальчика в Пойнт-Провиденс, чтобы взорвать гостиницу «Наследие»! – продолжал кричать Гетц. – Я хочу знать, зачем ты это сделал!

– Понятия не имею, о чем ты говоришь.

– Кого ты отправил вместе с ним? Этот болван неправильно установил таймер. Мой мальчик погиб.

Гетц решил не упоминать об Оливии, хотя ее смерть еще больше разъяряла его, чем собственное поражение перед вечностью.

– Твой сын погиб? – Саймон поднялся из-за стола в знак соболезнования. Гетц ему не верил.

– Почему ты сделал это у меня за спиной? – не отступал он.

Саймон развел руками:

– Я здесь ни при чем. Видимо, твой сын подрабатывал где-то еще.

– Нигде он больше не работал! Только на тебя.

– Работал. В прошлом, – поправил Саймон. – Я его уволил. Он сложил с себя обязанности в пятницу вечером. Разве он тебе не сказал?

Гетц узнал излюбленный прием Саймона – двойное искажение истины. Однако доказательств не было, только догадки.

– Я присутствовал при взрыве, – сказал Гетц.

Он до сих пор чувствовал себя так, будто его уши были заткнуты ватой. Каждый глубокий вдох переходил в приступ кашля, а кожа краснела от малейшего колебания температуры.

– Ты там присутствовал? – Саймон вышел из-за стола. – Не может быть! А что ты там делал? Разве ты не должен был вернуться в субботу?

– Я задержался.

Саймон с интересом приподнял брови:

– Серьезно? В маленьком провинциальном отеле, напичканном Библиями? Что же могло послужить причиной задержки? А! Видимо, тебе понравились услуги персонала!

Гетц еле сдержался, чтобы не полезть в драку. Его гнев был доведен до кипения еще во время взрыва и с тех пор не остывал. Сейчас он усиливался отсутствием доказательств и ответов.

– Я видел в машине двух людей. Одним из них был мой сын. Я хочу знать, кто второй.

– Могу предположить, что его новый напарник, – ответил Саймон. – А может, ученик. Может, он решил начать свой собственный бизнес. Повторяю, я понятия не имею.

Возразить было нечего, однако ответы Саймона нисколько не удовлетворяли Гетца.

– Я вытащил это из огня, – сказал он, бросая Библию Морганов на стол.

Саймон внимательно осмотрел ее.

– Прекрасно, – сказал он. – Ты уверен, что это копия, а не оригинал?

– Я же писал об этом в отчете. Да, это копия.

– Понятно.

Саймон открыл обложку и молча прочел имена внутри. Затем он перевернул Библию другой стороной.

– Если заглянуть в дыру, – напомнил Гетц, – там видно имя – Иуда.

Саймон заглянул в дыру и кивнул.

– В оригинале другое имя – Фома.

– Молодец, хорошо справился с заданием, – сказал Саймон.

– Если ты не против, я бы хотел оставить ее себе.

Это позабавило Саймона:

– С какой такой целью?

– С личной.

Саймон немного подумал.

– Нет, – ответил он. – Она нам еще пригодится.

Гетц начал было спорить, но Саймон оборвал его:

– Помнишь хозяйку музея? У нее есть дочь, верно?

– Да.

– Та женщина, которая была замужем за братом Этана Моргана, а потом каталась по Англии вместе с самим Этаном.

– Совершенно верно.

Саймон вручил Библию Гетцу:

– Распорядись, чтобы ей доставили эту книгу.

Кто-то на месте Гетца обрадовался бы такому хорошему поступку. Но Гетц знал: если Мэлори Саймон делает что-то хорошее, он непременно извлечет из этого немалую выгоду. Однако в данный момент ему ничего не оставалось, кроме как повиноваться.

– Будет сделано, – сказал он.

Саймон снова прошел к своему месту за столом. Гетц собрался уходить.

– Мои соболезнования по поводу смерти сына, – сказал Саймон. – Если нужна помощь...

Это звучало как издевка, и Гетц оскалился в нервной улыбке. Сердце у Саймона слишком зачерствело, чтобы ощущать соболезнование. На самом деле, Саймон плясал на могиле его сына, и оба они знали, что Гетц ничего не докажет.

Через двадцать минут после ухода Гетца в офис Саймона вошел Брэд Питцер и вытянулся по струнке, как оловянный солдатик.

– Я слушаю, – сказал Саймон.

К чему вступления, к чему светская беседа? Питцер – пешка, а не человек.

– Миссия выполнена, – доложил Питцер. – Мишень и все, что внутри, уничтожены. Трое погибших. Один погиб во время взрыва, как и было запланировано. Двое других – владелица и сотрудница – умерли от полученных травм. У остальных сотрудников, в подтверждение предварительных данных, был выходной.

– Так, значит, трое погибших. Это весь отчет?

– Да, сэр. Все прошло по плану.

– А разве в здании не было четвертого человека?

На лице Питцера отобразилось удивление, но он быстро взял себя в руки.

– Был еще неизвестный, – сказал он. – Я видел его лишь мельком. Он вынес женщину на улицу, а потом побежал обратно в горящий дом. Больше он не появлялся.

– По-вашему, он погиб в пожаре?

– Ну конечно! Никто не смог бы выйти живым из этого пекла.

– А если я вам скажу, что он был здесь, в моем кабинете, не более получаса назад? И что у него была с собой одна из музейных Библий?

Питцер снова удивился, но на этот раз не смог так быстро прийти в себя.

– Не может быть, сэр... – неуверенно протянул он.

– Вы чуть не убили и сына, и отца, Питцер. Тот человек, которого вы упустили из поля зрения, – Пол Гетц.

– Гетц? Но он же поехал туда на один день! Он не должен был...

– И тем не менее.

Саймон окинул Питцера презрительным взглядом. Ну почему ныне так трудно найти хороших сотрудников? Гетц-старший его разбаловал – на Гетца всегда можно было положиться. Саймон надеялся, что усердие Гетца передастся и его сыну, но тот его разочаровал. А теперь новое разочарование – Питцер.

– Сэр, я в точности следовал плану. Это Гетц отклонился от своего расписания...

– Пытаетесь себя оправдать, Питцер?

Тот тут же вспомнил о своей армейской закалке и закрыл рот.

– Никак нет, сэр, – отчеканил он.

Чутье подсказывало Саймону, что его нужно уволить. Но было уже поздно искать и обучать ему замену. Поэтому он выдержал долгую паузу, чтобы Питцер в полной мере ощутил свое ничтожество, а затем перешел к следующему проекту.

– Как дела с установкой камер на новом месте? – спросил он.

– Места для камер обозначены. Оборудование готово к установке. Техники обучены. Интернет-трансляция начнется в пять часов ноль-ноль минут, согласно плану.

– А студия?

– Вебсайт уже работает. Все готово к трансляции. Мы в полной готовности.

Прогоняя Питцера по контрольному списку, Саймон тем временем взял со стола отчет Гетца. Он оторвал от него полоску бумаги и вручил Питцеру.

– Обязательно внесите этот адрес в базу для рассылки приглашений.

– Есть, сэр.

– Вы свободны.

– Есть, сэр.

Питцер резко развернулся и вышел из комнаты, но Саймон все же успел перехватить его взгляд. Там была написана решимость. Несомненно, она подпитывалась еще и тем, что проект в Пойнт-Провиденс был реализован неудачно.

Саймон улыбнулся. Таких вояк, как Питцер, ничто не подстегивало лучше, чем собственные неудачи. На этот раз Питцер его не подведет.

* * *

Прошло пять дней после пожара. Пол Гетц, весь в черном и с красной розой в руке, наблюдал за похоронами Оливии Купер издалека. Он был поражен количеством пришедших. Оказалось, не он один

попал под чары Оливии. Вокруг могилы собралось не менее двухсот родственников, друзей и знакомых покойной.

Это так отличалось от других похорон, двумя днями раньше, – сына Гетца. Там всех посетителей можно было пересчитать по пальцам. Мэлори Саймон не явился и даже не прислал венка. Двое из посетителей настояли, чтобы ведущий церемонии, – местный пастор, предоставлявший услуги тем, у кого не было своей церкви, – сказал в поминальной речи о том, что покойному принадлежал рекорд поедания блинов в местном баре.

Гетцу было горько оттого, что единственным достоинством его сына была любовь к блинам. Но что еще можно сказать о наемном снайпере? Сколько людей он убил? Сколько костей переломал? Сколько квадратных метров зданий разрушил?

Совершенно иное наследие оставила по себе Оливия – женщина, помогавшая каждому ощутить себя особенным.

Гетц не посмел присоединиться к пришедшим. Он боялся, что кто-нибудь из сотрудников гостиницы узнает его или, хуже того, предложит познакомить с дочерью Оливии. Он также не хотел, чтобы его узнал Этан Морган, видевший его на семинаре у Саймона. Если напомнить ему о себе, он может заметить его участие в событиях следующих нескольких недель.

Событиях, о которых Морган пока не подозревал.

Служитель подошел к изголовью гроба и начал проповедь. Мередит сидела в первом ряду; на ней был черный костюм, а в руке она держала белый носовой платок. Морган сидел рядом с ней.

После вступительного слова и молитвы служитель подал знак своему помощнику, и тот передал ему большую Библию. Копию Библии Морганов. Гетц отправил ее служителю с запиской о том, что Оливия Купер завещала вручить эту Библию ее дочери во время поминальной службы.

Оливия действительно просила передать ее Мередит, но когда именно, Гетц добавил от себя.

Увидев Библию, Мередит зажала рот рукой от изумления. Она обменялась с Морганом репликами, которые Гетц не мог слышать. Какое-то время служитель еще держал Библию в руках, продолжая проповедь, а потом отдал ее Мередит, которая тут же попыталась

передать ее Моргану. Однако тот отказался, и до конца службы Библия покоилась на коленях у Мередит.

Служба завершилась молитвой, и люди начали расходиться. Одни направились к своим машинам, другие небольшими группами что-то обсуждали, третьи подошли к Мередит, чтобы выразить ей свои соболезнования. Наблюдая за ней, Гетц ощущал острые уколы боли. Приветствуя людей, Мередит наклоняла голову в сторону, точно как ее мама, и улыбалась, тоже как она. Не могло быть никаких сомнений, что это дочь Оливии.

Хоть Гетц и стоял поодаль, он горевал не меньше других присутствующих. Его сердце скорбело и ныло.

Этан не мог дождаться, когда, наконец, попадет домой. Четырехдневная поездка на похороны Оливии истощила его душевные силы. Все это время прошло в непрерывных беседах, в основном с незнакомыми людьми. Чтобы быть приветливым и изображать интерес, ему приходилось сильно напрягаться, что было непонятно Мередит. Ее, как и ее маму, общество людей только заряжало. Но все, чего хотелось Этану, – это побыть одному.

Однако Мередит пригласила его на ужин. Это был ее первый вечер дома после смерти матери, и он не смог ей отказать.

Где-то посреди вечера речь зашла о какао. Пока Этан исследовал полку с дисками, выбирая подходящий фильм, Мередит пошла на кухню приготовить какао.

– Я готовлю его по маминому рецепту, – кричала она с кухни. – Все ее постояльцы были от него без ума. В книге отзывов ему оставлена масса восторженных похвал!

Боевики исключены, подумал Этан. Едва ли стоит смотреть на перестрелки и кровь.

– Они всегда спрашивали у мамы рецепт, но она его не давала.

Может, остановиться на романтической комедии? Этан покачал головой. Скай обожал этот жанр. Они с Мередит постоянно перебра-сывались цитатами из романтических комедий.

– Она думала о том, чтобы издать кулинарную книгу своего отеля и, возможно, дарить ее на память всем постояльцам.

Любимые диски Эндрю: Супермен, Бэтмен, Человек-паук, Супер-семейка, «Звездные войны».

– Секрет ее какао – в ванилине. А также в процессе пригото-

ния. Ведь дело не только в ингредиентах, а еще и в температуре, и в последовательности шагов.

Нужно, чтобы фильм был легким и веселым, чтобы главный герой не относился к жизни слишком серьезно. Как Дэнни Кэй!³ И он, и Скай обожали фильмы с этим актером.

У Мередит зазвонил мобильный телефон. Одной рукой помешивая какао, другой она взяла трубку:

– Элис, это вы! – поздоровалась она.

Вдруг она нахмурилась и перестала заниматься какао. Этан внимательно наблюдал за ней. Процесс приготовления какао мог быть прерван только по очень веской причине.

Мередит жестом подозвала его, а затем махнула в направлении кабинета и вполголоса сказала:

– Скорее включи компьютер!

Этан забыл о Дэнни Кэе и поспешил по коридору в кабинет Ская. Тем временем Мередит сняла какао с плиты и выключила конфорку.

– Сейчас посмотрю, – сказала она Элис.

Этан включил свет в кабинете. За все это время здесь никто ничего не трогал. Все выглядело так, будто Скай недавно закончил работу и пошел передохнуть. Разве что чуть более прибрано. Компьютер стоял у окна. Этан нажал кнопку, и раздалось жужжание винчестера и вентилятора. Вскоре система объявила о своей готовности к работе знакомой мелодией.

Сзади появилась Мередит.

– Этан загружает компьютер, дорогая, – сказала она в трубку. Затем указала Этану на стул.

– Войди в Интернет, – проинструктировала она.

Этан щелкнул по значку.

– Повторите адрес, пожалуйста, – попросила она Элис и тут же продиктовала его Этану. Этан ввел его в соответствующую строку.

Секунду спустя загрузился известный сайт, о котором Этан много слышал, хотя никогда его не посещал. На сайте хранились пользовательские видеоролики. Люди со всего мира могли загружать сюда свое домашнее видео, а другие – смотреть и оценивать его. На экране

³ Дэнни Кэй – американский комедийный актер, комик и певец. – *Прим. пер.*

отображались заглавные картинки видеороликов, а рядом – их рейтинг и количество просмотров. Если зрителю понравился какой-то ролик, он мог тут же нажать специальную кнопку и отправить ссылку по электронной почте своим друзьям.

Большинство сюжетов были достаточно предсказуемы: душевные излияния одиноких девушек, использующих камеру вместо дневника, пародии на рекламу, фрагменты фильмов и телепередач, видеоуроки на разные темы, японская анимация, чудеса природы и просто всякие глупости – что кому в голову пришло.

– Найди ссылку «топ-десятка», – сказала Мередит.

Этан нашел эту ссылку и кликнул ее.

– Спасибо, Элис. Я вижу. Спасибо. Да, я вам перезвоню. – Мередит завершила разговор. – Щелкни по номеру «один».

Она указала пальцем на ролик, который сегодня был рекордсменом по количеству просмотров. Он назывался одним словом – «Представьте». Согласно показаниям счетчика, его просмотрели уже 248 603 человека.

Этан щелкнул на кнопке воспроизведения.

Из динамиков раздалась одноименная песня Джона Леннона: «Представьте себе мир, где нет ни рая, ни ада, ни религии, а только небо над головой». На экране появилась старинная книга в темном переплете. Камера постепенно отдалялась, и вскоре стало видно, что ее держит в руках бледный человек с длинными черными волосами и черной губной помадой. Он был одет во все черное, и ногти бледных костлявых пальцев, сжимавших книгу, были покрыты черным лаком.

Камера остановилась. Без всякого вступления он начал говорить:

– Это «Вульгата», Библия на латыни, иллюстрированное издание 1480 года, – он раскрыл ее. Страницы были украшены изумительными цветными орнаментами. – Очень красивая книга. Одна из старейших и драгоценнейших Библий, дошедших до наших дней.

– Элис заново покупает Библии? – спросил Этан. – Думаешь, она хочет восстановить музей?

– Смотри дальше, – ответила Мередит.

Камера снова отъехала назад, и в кадре появился большой красный аппарат. Сбоку на нем была надпись «Представьте». Камера продолжала отдаляться.

– О нет! – закричал Этан. Он узнал, что это за аппарат.

Это был вовсе не аукцион.

Аппарат вздрогнул и заскрежетал.

– На недавнем аукционе, – продолжил готически одетый ведущий, перекивая шум машины, – за эту латинскую Библию было уплачено шестьдесят пять тысяч долларов.

– Он этого не сделает!

– Смотри! – сказала Мередит.

Она не сводила глаз с экрана, хоть и знала, что произойдет. Элис успела ей рассказать.

Ведущий бросил пятисотлетнюю книгу прямо в красную пасть аппарата. С жутким ревом тот поглотил ее, пережевал и выплюнул с другого конца одну труху.

Ведущего это явно раззадорило.

Ему передали еще одну книгу, еще большего размера, чем предыдущая.

– Великая Библия издания 1539 года. Ее прозвали «великой» из-за огромных размеров, – он оглядел Библию и заметил: – Хотя мне она не кажется столь уж великой.

Этан обратил внимание на то, в каком разделе был размещен этот видеоролик – в разделе «Развлечения».

– Эта Библия была недавно приобретена за сто девяносто пять тысяч долларов. Ой! – он внезапно уронил Библию в измельчающий аппарат, и от нее тут же ничего не осталось.

– Вот об этом я и говорил! – воскликнул Этан. – Наш мир настолько извращен, что разрушение в нем считается развлечением!

Ведущему передали еще одну Библию. Он запрыгал от радости.

– Даже не верится, что я это сделаю! – провизжал он, как пятнадцатилетняя девчонка. – Рукописная Библия Уиклиффа, выпущенная в 1410 году! Только посмотрите!

Он предъявил камере одну из страниц.

– Угадайте, сколько стоит эта книга! Ну давайте же, угадайте!

Он приподнял свои черные брови.

– Сто тысяч долларов?

Он покачал головой.

– Полмиллиона долларов?

Он хихикнул.

– Чуть теплее! Может быть, м-м-м-миллион долларов?

Зажмурил глаза от удовольствия, он крутнулся вокруг себя, размахивая книгой над головой, а затем прокричал:

– Эта книжица стоит два миллиона семьсот пятьдесят тысяч долларов!

Этан и Мередит вытаращили глаза, наблюдая, как ведущий поворачивается к аппарату. Он положил Библию на самый краешек.

– Неужели я это сделаю? – скривился он перед камерой. Затем чуть подтолкнул книгу, и та скользнула вниз к губительной пасти. Но тут он передумал, схватил ее и стиснул в объятиях.

– Нет... Почти три миллиона долларов! Я не могу!

Обнимая книгу, он отвернулся от аппарата и стал уходить. Затем остановился, злобно улыбнулся и направился обратно.

– А вот и могу!

Библия полетела в аппарат и через несколько секунд превратилась в конфетти.

– Мы только начинаем! – прокричал ведущий.

Камера метнулась вбок и показала стол, на котором стопками лежали десятки Библий.

– Следующая!

Он взял в руки верхнюю из стопки.

– Это моя Библия! – воскликнул Этан, вскакивая со стула так резко, что тот опрокинулся назад. – Это же моя Библия!

Он повернулся к Мередит, которая раскачивалась из стороны в сторону и тихо плакала.

– Он не сделает этого, правда?

Мередит была слишком расстроена, чтобы отвечать.

– Вы только посмотрите на *эту* Библию! – продолжал ведущий. – Она в ужасном состоянии! Испачкана сажей. Сзади дыра. Да это будет убийство из сострадания!

Он замахнулся ею в сторону аппарата, но не швырнул.

– Я передумал. Прибережем ее для следующего шоу – в прямом эфире! Возможно, эта Библия ценнее, чем кажется!

– Так он ее не порезал? – переспросил Этан.

– Нет, – ответила Мередит. Она все еще дрожала.

Ведущий подошел к камере так близко, что его лицо уже не помещалось в картинку.

– Что будет дальше? Сколько Библий может съесть эта машинка? Увидимся на следующем шоу, – он засмеялся и помахал рукой, – если вы достаточно храбры, чтобы *представить*.

Конец.

На экране выскочило новое окно, которое спрашивало Этана, не хочет ли он поставить оценку этому видеоклипу.

* * *

– От его вида у меня мурашки идут по коже, – сказал Мэлори Саймон, направляя дистанционку в сторону экрана. Тот погас.

– Имидж подобран с учетом предпочтений зрительской аудитории, – ответил Гетц. – Наши специалисты утверждают, что к концу дня будет уже полмиллиона просмотров, а еще через парудней – миллион.

– А если сравнить с сюжетами о Нотр-Даме и соборе Святого Павла?

– Новые клипы привлекают больше внимания. Они более развлекательны, в то время как ролики о церквах напоминают кадры из обычных теленовостей.

– А какие прогнозы на шоу в прямом эфире?

– Мы сможем удвоить или даже утроить количество просмотров. Саймон остался доволен цифрами.

Гетц повернулся к двери:

– Я сегодня же улетаю в Бостон.

В его голосе не слышалось никакого энтузиазма. Он никогда не был особо экспрессивен, но после смерти сына вообще сник. Может быть, бостонский проект послужит для него необходимой подзарядкой? А если нет, придется его заменить.

– Хочешь узнать, что я готовлю на следующее шоу?

Гетц оглянулся, хоть и без особого интереса.

– Небольшой тест для самого себя. Посмотрим, насколько я умею мотивировать людей, – объяснил Саймон. – Что скажешь, если я заставлю Моргана не только предстать перед камерой, но и собственноручно бросить свою фамильную Библию в наш аппарат?

Гетц был впечатлен, и это потешило самолюбие Саймона.

– Хочешь сделать ставку? – предложил он.

– Чтобы я ставил против Мэлори Саймона? – возразил Гетц. – Я слишком хорошо его знаю.

Это был правильный ответ. Саймон улыбнулся.

– Иногда я сам себя удивляю, – сказал он.

* * *

– Откуда у вас этот номер? – рявкнул Этан в телефонную трубку. Номер, с которого ему позвонили, не определился.

– Это не имеет значения, – сказал звонивший. – Я хочу дать вам шанс спасти свою Библию.

Этан узнал голос:

– Вы – ведущий того ужасного видеоклипа!

– Значит, вы его видели.

– Видел.

Голос на другом конце рассмеялся.

– Наверное, я заставил вас понервничать, да? Скажите честно, разве у вас не оборвалось сердце, когда я притворился, что бросаю вашу Библию в машину?

– Кто вы такой?

Последовала пауза. Звонивший соблюдал осторожность.

– Можете называть меня Санада.

Этан только вошел в дом – и зазвонил телефон. Понадобилось несколько часов, чтобы успокоить Мередит. Видеоклип очень ее расстроил. Она сравнила его с тем, как в языческие времена людей заставляли смотреть на детские жертвоприношения. Этан сидел на полу у ее кровати, пока она не уснула.

– Санада? Это скорее похоже на фамилию лас-вегасской певички! – сказал Этан, записывая фамилию на листе бумаги.

– Я бы не советовал вам грубить, – парировал Санада. – Я ведь могу хоть сейчас скормить вашу Библию нашему аппарату.

– И разочаровать пятьсот тысяч зрителей? Сомневаюсь.

Санада повеселел:

– Впечатляющая цифра, правда? Самая высокая из всех моих клипов.

Этан записал и эти сведения: «Уже размещал свои клипы в Интернете».

– Что именно вы мне предлагаете? – спросил он.

– Вы что, невнимательно слушаете? Шанс спасти свою Библию.

– И сколько вы за нее хотите?

– Фи! Как вам не стыдно! Неужели вы думаете, что я... А сколько вы можете предложить?

«Фи!» Кто так выражается в наши дни? Этан законспектировал.

– Пытаетесь затянуть меня на скользкую тропу алчности? – возмутился Санада. – Что за грязные мыслишки! Мне придется хорошенько помыться после нашего разговора!

Вначале «фи», а теперь еще и «грязные мыслишки». Ну и лексикон у этого парня!

– Если не деньги, тогда что же вам нужно? – спросил Этан.

– Мне нужно, чтобы вы пришли ко мне на шоу.

– Даже не мечтайте.

– Это будет мое первое шоу *в прямом эфире*, и я просто пишу от восторга! Я войду в историю Интернета!

Этан отметил про себя, что готического в Санаде только костюм. Может быть, он и одет, как гот, но говорит он совсем по-другому. У готов обычно другие клички, например, Ворон или Паук, и высказываются они, как Эдгар По, пытаясь запугать простых смертных и таким образом завоевать их уважение. Но Санада просто актер, и притом не очень хороший.

– Послушай, сынок, – сказал Этан серьезным «полицейским» голосом, – эта Библия краденая. Сейчас ты позаботишься о том, чтобы вернуть ее мне, и добровольно сдашься в полицию. Если ты пойдешь на сотрудничество и расскажешь, кто поручил тебе эту работу, то, возможно, тебе даже удастся избежать тюрьмы. Ты меня понял?

Санада затих. Через пару секунд Этан услышал гул включившегося измельчающего аппарата, а за ним – ужасный звук пережевывания бумаги.

Этан съежился. Кажется, он погорячился.

Аппарат выключился, и Санада снова заговорил:

– Похоже, это больше не краденая Библия, а кучка бумажного мусора. Подумайте об этом, господин полицейский.

Значит, Санада знал, кто он такой.

– Вы этого не сделали! – заявил Этан.

– А вот и сделал! – возразил Санада. – Пока что я сделал конфетти из телефонного справочника – и сделаю то же с вашей Библией, если вы не последуете моим указаниям.

– Я слушаю, – сказал Этан.

* * *

– Бостон? – воскликнула Мередит.

– Он сказал, что реалити-шоу обычно вещаются из кухонь и спален.

Мередит фыркнула:

– Не думаю, что у него в спальне стоит промышленный измельчитель.

– Ну, он говорил образно. Несколько раз он упоминал о некой «студии», но эта студия может располагаться где угодно. Теперь каждый может вещать на весь мир, если только у него есть ноутбук и веб-камера.

Этан сидел на небольшом диванчике в лоджии, выходящей во двор Мередит. Это было идеальное место для утреннего кофепития.

– Я должен вылететь туда завтра. Меня встретят в аэропорту и отвезут в студию. С завязанными глазами.

– С завязанными глазами?

– Да, из предосторожности. Они ведь преступники, в конце концов.

– И что они от тебя хотят?

– Санада сказал, что у меня будет пятнадцать минут, чтобы выступить, так сказать, с просьбой о помиловании Библии. Вся интернет-аудитория сможет тут же проголосовать. Вопрос будет решен простым большинством. Если мне удастся убедить пятьдесят процентов и еще одного голосующего спасти Библию, я смогу забрать ее и уйти. Но если мне это не удастся...

– Как ты думаешь, какие у тебя шансы?

– Мои шансы равны нулю. Люди, которые смотрят подобные шоу, вовсе не жаждут счастливого конца. Они жаждут крови и зрелищ.

– А если Библию решат уничтожить? Что тогда будет с тобой?

– Не знаю, он не сказал.

– Этан, мне это не нравится. Ты же не согласишься, правда?

– Я уже согласился. Мой брат лишился жизни из-за этой Библии. Каждому Моргану, начиная с Дрю, приходилось рисковать собой, защищая ее. Если какой-то человек, пусть даже с черной губной помадой, готов вывести меня на ее след, я соглашусь на любые его требования.

– А что дальше?

– Дальше я что-нибудь придумаю.

Мерedit покачала головой:

– Нет, мне это не нравится... Это слишком опасно.

Этан улыбнулся.

– Что такое? – спросила она.

– Ты переживаешь обо мне больше, чем о Библии. Кто бы мог подумать?

– Не смейся надо мной, Этан.

– А ведь еще недавно ты обвиняла меня в том, что я недостойн своей фамилии.

– Времена меняются, и люди вместе с ними, – у нее на глазах выступили слезы.

Этан поставил чашку. Он потянулся через стол и взял ее за руку.

– Я должен это сделать, – прошептал он.

– Я понимаю. Вот только...

– Что?

– Решения кажутся гораздо проще, когда читаешь о них в книгах.

– Когда их принимает Дрю Морган, а не ты, – добавил он.

– Точно, – тихо согласилась Мерedit.

Она встала и пошла за носовым платком.

Еще до окончания их телефонной беседы Этан уже знал, что согласится на предложение псевдогота – хотя бы для того, чтобы сузить круг своих поисков. Теперь он уже знал, что Библия находится в Бостоне или его окрестностях. Санада также пообещал свести их с Библией в одной комнате, хотя бы на время. *Что* или *кто* еще будет рядом – измельчающий аппарат, камера, гот – это уже неважно. Главное – увидеть Библию, а там он что-нибудь придумает.

Было ясно, что в аэропорту его непременно обыщут и отберут удостоверение и пистолет, если он надумает взять их с собой. Санада также предупредил, что любое участие полиции, прямое или косвенное, будет означать, что Библии Этану больше не видеть.

Этан не смог бы привлечь к этому делу полицию, даже если бы хотел. Они бы тут же связались с его управлением в Сан-Диего. Опять зашел бы разговор о Мэлори Саймоне, и Этану не только не помогли бы, но и строго-настрого приказали бы ни во что не вступать. Если позвонить в бостонскую полицию, там, возможно, и примут его заявку, но вряд ли станут тратить силы на поиск чьей-то личной Библии.

А значит, Этан мог полагаться только на себя.

Нет, не совсем. С ним был Скай.

Этан отхлебнул кофе и окинул взглядом лужайку, которая все еще зеленела, хотя зима была уже не за горами. Он подумал, что это можно было бы назвать первым реальным приключением Ская. Два Моргана слились в одно: его тело, движимое несокрушимым духом брата.

Этан рассмеялся. Скаю бы понравился такой ход мыслей.

Тут вернулась Мередит – с копией Библии в руках.

– У меня есть план, – сказала она.

– Ты не поедешь со мной в Бостон.

Она дерзко уперлась руками в боки.

– Я еще ничего не сказала.

– Но ты ведь хочешь поехать в Бостон, разве нет?

– Да, и ты меня не остановишь.

– Мередит!

Она жестом приказала ему замолчать:

– Сначала послушай меня, хорошо? Если мой план тебе не понравится, так и скажешь.

– И ты останешься дома?

– Нет. Тогда мы придумаем еще какой-нибудь план.

– Мередит...

Он поднялся, подошел к ней и взял за плечи. Глядя ей в глаза, он сказал:

– Я, конечно, очень люблю тебя за твою изобретательность, но...

– Ты меня любишь?

– За твою изобретательность.

– Ты сказал, что любишь меня.

– Да, люблю – за твою изо...

– Ну вот, ты снова это сказал!

Да, сказал. И не случайно, хоть сам не мог в это поверить.

– Ладно, извини, – отступила Мередит. – Больше не буду дразнить тебя.

А он только собрался признаться ей по-настоящему. Но момент был упущен.

– Я вспомнила об Иакове и Исаве Морганах, – сказала Мередит, – единственных близнецах в роду, кроме вас.

– Да. Один был патриотом Америки и сражался за свободу колоний, – отозвался Этан, – а второй хранил верность Британии.

Мередит улыбнулась, довольная тем, что Этан все-таки знал свою историю.

– Их план состоял в подмене. Хоть они провели всю жизнь по разные стороны баррикад, но когда одного брата схватили, второй поменялся с ним местами, чтобы освободить его.

Мередит взяла в руки копию Библии:

– У нас есть Библия-близнец. Предлагаю осуществить аналогичную подмену.

* * *

Саймон был один в своем центре управления. Его внимание было приковано к единственному включенному экрану. В конференц-зале на том же этаже Гетц выдавал заключительные инструкции четырем оставшимся ученикам, трем мужчинам и одной женщине.

– Это последний тест, – сказал Гетц. – У мистера Саймона на данный момент имеется только одна вакансия.

Ученики не переглядывались друг с другом, сосредоточенно внимая каждому слову Гетца. Благодаря видеотрансляции Саймон мог наблюдать за мимикой и жестами каждого из них. Они были отобраны из более чем двухсот кандидатов – самые голодные, самые амбициозные.

– Каждый из вас получит задание. Вы должны выполнить его за назначенное время. Если не успеете, то немедленно вылетите из соревнования.

Саймон наблюдал за их реакцией. Все четверо сохраняли спокойствие и решимость. Это хорошо. Они уже и раньше проходили тесты на время. Они знали, чего от них ожидают.

– Это проверка вашего характера, – сказал Гетц. – Мистер Саймон ознакомился с вашими резюме и университетскими оценками. Раз вы дошли до этого этапа, значит, вы уже продемонстрировали деловые навыки, необходимые для успеха. Теперь он хочет, чтобы вы продемонстрировали желание получить эту работу – и чтобы это желание оказалось сильнее, чем у ваших соперников.

Здесь они дерзко переглянулись, бросая друг другу вызов. Уже два месяца они жили в жесткой конкуренции. Саймон вглядывался в монитор, выискивая любые признаки неуверенности. Двух участников, вылетевших в предыдущем туре, еще придерживали про запас на случай, если кто-либо из финалистов проявит хоть малейший страх. Саймон не хотел, чтобы повторилась история с собором Святого Павла.

– Вы готовы? – спросил Гетц.

– Всегда готов! – отсалютовал один из парней.

Остальные рассмеялись.

Саймон переключился на крупный план шутника. Самый низенький и самый дерзкий. Саймон поднял трубку телефона.

– Убрать Гамильтона. Отправить домой. Поставить на его место Квигли.

Секунду спустя Саймон увидел на экране, как дверь в конференц-зал открылась. Один из его сотрудников подошел к Гамильтону и прошептал что-то ему на ухо. Еще секунду спустя его уже не было, а на его месте был Квигли. Его глаза горели. Он был полон решимости не упустить ниспосланный ему второй шанс. Остальные трое учеников мгновенно встрепнулись, увидев, что произошло.

– Сегодня вечером, – продолжал Гетц, – вы полетите на самолете в город, название которого останется для вас неизвестным. Затем вы начнете работать отдельно друг от друга. Для финального теста мистер Саймон выбрал простое курьерское задание. Вам нужно будет доставить пакеты по указанному адресу в указанное время, точно в ту точку, что будет обозначена в инструкции. Кто не справится, тот будет сразу же освобожден от участия в конкурсе. За вашим передвижением будет идти постоянная слежка. Задание ясно?

Все кивнули. Больше никто не шутил.

– На пути вы непременно встретите препятствия. Иногда физические. Некоторые люди искренне пытаются выполнять свою работу, даже если получают за нее копейки, – например, охрана. Как только им вручают удостоверения, они начинают мнить себя богами. Или секретарши директоров – они еще хуже. Выбор мистера Саймона будет зависеть от того, насколько вы изобретательны и инициативны.

Гетц сделал паузу. Он посмотрел им в глаза. Его задача выполнена – мотивации у них хоть отбавляй. Осталось завершить встречу запоминающимся советом.

– Я дам вам один совет, как человек, который много лет проработал с мистером Саймоном бок о бок. Те, кто следует правилам, миллионерами не становятся.

Участники заулыбались – из вежливости, а не от волнения. У себя за экраном, Мэлори Саймон довольно кивнул: это были подходящие люди.

– Не обманывайтесь кажущейся простотой задания, – добавил Гетц. – Порой простые задания на поверку оказываются самыми сложными. Если вы не доставите пакет вовремя, работа у мистера Саймона вам не светит.

Женщина – привлекательная брюнетка – сказала:

– Это наша голубая ваза.

– Совершенно верно, – ответил Гетц.

Каждый кандидат, прошедший отборочный тур и допущенный к участию в программе, получил в подарок кассету с мотивационной историей под названием «Голубая ваза». В ней драматически преподносилась история одного обычного служащего, который проявил необычайное рвение в доставке богатому клиенту голубой вазы.

Он будил людей посреди ночи, чтобы взять у них нужные ключи, разбивал окна, покупал дорогие билеты за свой счет – но доставил вазу в кратчайшие сроки. Владелец вазы был так впечатлен его усердием, что тут же назначил его на высочайший пост в своем бизнесе.

Команда Саймона уже рвалась вперед. Только им предстояло доставить не голубые вазы, а нечто другое.

– Пакуйте свои чемоданы, – сказал Гетц, – мы вылетаем через три часа.

* * *

– Этан, ну неужели ты не понимаешь? – уговаривала его Мередит. – Пастор Клейтон сказал, что это было мамино предсмертное желание: чтобы копия была доставлена мне лично в руки. Как будто мама знала, что она мне понадобится.

Этан покачал головой. Дело не в том, что ему не нравился план, да и альтернативы у них не было. Но...

– Это даст нам необходимое преимущество, – доказывала она. – Они-то не знают, что у нас есть копия!

– Ты должна пообещать мне, что отступишь при малейших признаках опасности, даже если нужно будет бросить Библию.

– Обещаю! – с радостью откликнулась Мередит.

– И даже если нужно будет бросить меня, – добавил он.

Эта добавка ее смутила.

– Не требуй от меня этого обещания.

– Это принципиально, Мередит. Иначе я вообще не соглашусь на твой план.

Мередит нахмурилась:

– О какой опасности ты говоришь?

– Не знаю! Как раз это меня и пугает.

– А может, я бы смогла...

– Никаких «может»! Ты бросишь все – и бросишься бежать оттуда как можно быстрее. Обещай!

– Этан, как я могу обещать, если я не знаю...

– Обещай!

– Ну ладно. Обещаю.

Этан вглядывался в ее лицо, пытаясь разгадать, правду ли она говорит.

Обычно он без труда мог это распознать. Но не сейчас.

Он вдруг стал смотреть на нее совершенно по-другому – как на привлекательную женщину. Она притягивала его – и душевно, и физически, – но при этом он по-прежнему чувствовал себя неловко. Все произошло так быстро. А что если эта неловкость никогда

не пройдет? И спросить было не у кого: ситуация была совершенно нетипична. Вряд ли кто из его знакомых влюблялся во вдову собственного брата.

– Хорошо, можешь поехать со мной.

Мерedit заворчала:

– Я не об этом спрашивала. Я и так могу поехать, куда захочу, я ведь свободный человек.

– Ну, ты знаешь, что я имел в виду, – терпеливо пояснил Этан. – Что мы поступим по-твоему.

Мерedit просияла:

– Вот это совсем другое дело! Это мне нравится!

* * *

Этан лежал в постели и смотрел в потолок, хоть и не видел его в темноте. Он разговаривал со Скаем.

– Мы действуем вслепую, – сказал он. – Это меня пугает. Мы понятия не имеем, кому и чему объявляем бой.

Значит, вам придется поступать по вере.

Этан нахмурился:

– Твоя потусторонняя жизнь явно на тебя повлияла. Ты всюду приплетаешь духовные уроки.

А может, это ты становишься духовнее, а?

Этан рассмеялся:

– По-моему, это маловероятно!

Он снова вспомнил о плане Мерedit. Больше всего его беспокоило то, что им придется на время разлучиться. Если у нее возникнут проблемы, он может не успеть прийти на помощь. Более того, он может даже не узнать об этих проблемах.

– Есть идея, – сказал он Скаю. – Давай ты будешь охранять Мерedit, а если что-то случится, дашь мне знать.

Ты же знаешь, что так не бывает.

– А ты видишь будущее? Ты знаешь, что произойдет?

Ну вот, теперь ты просто дурачишься.

Этан скрестил руки на груди:

– Что толку иметь мертвого брата, если он не готов оказать тебе элементарную услугу: заглянуть в будущее и рассказать, что он там видит?

Скай не ответил.

– Ну ладно, – уступил Этан. – Скажу тебе кое-что еще, только не пойми меня неправильно. Надеюсь, ни я, ни Мередит завтра тебя не увидим.

И опять тишина.

– Кстати, а ты видел Оливию? Как она там? Мередит будет рада узнать.

Тебе явно пора спать, Этан!

Наступил тот самый день. В конференц-зале бостонского отеля Пол Гетц озабоченно просматривал сценарий предстоящих событий. Из кармана пальто он достал несколько карточек со своими собственными, дополнительными действиями и прикрепил их к сценарию.

Трое финалистов-мужчин вошли в комнату. Они были одеты в униформу трех разных служб доставки. На столе их ожидали три запечатанных пакета одинакового размера, с ярлыками соответствующих служб. Им пока еще не разрешили прочесть адрес доставки. Адрес был один и тот же для всех.

– Ваши голубые вазы, – сказал Гетц, указывая на пакеты.

Брюнетки, которая привела это сравнение, в комнате не было. В последнюю минуту перед отлетом из Лас-Вегаса Саймон дисквалифицировал ее без всяких объяснений.

– Как вам уже известно, ваш последний тест состоит в том, чтобы вовремя доставить эти пакеты по указанному адресу. Если вы не справитесь, то утратите свои шансы на занятие вакансии. Господа, это ваш финальный матч. Не жалейте сил!

Трое молодых мужчин стояли плечом к плечу в полной готовности.

– Первая часть задания состоит в том, чтобы сориентироваться на местности. В бизнесе такого масштаба, как у мистера Саймона, сотрудникам часто приходится работать на незнакомой территории. За этой дверью может оказаться чужая страна, где люди даже не говорят по-английски.

Они и вправду понятия не имели, где находятся. Они летели сюда на самолете с закрытыми иллюминаторами, затем ехали на лимузине с затемненными окнами. Из лимузина их с завязанными глазами

провели в эту комнату, где были плотно закрыты шторы, отключен телефон и отсутствовали какие-либо признаки дислокации. За ними велся постоянный надзор.

– Перед каждым из пакетов вы видите горнолыжную маску с заклеенными стеклами и плейер с наушниками. В наушниках играет громкая музыка. В назначенное время вы наденете маску и наушники. Затем вас доставят на стартовую точку. Там вы снимете маску и наушники, возьмете свой пакет, и начнется отсчет времени. Понятно?

– Так точно, сэр! – хором сказали все трое.

– Хотя для своевременной доставки пакетов вам рекомендуется применять любые средства, предупреждаю, что творческие силы следует поберечь до начала операции. Иными словами, если вы попытаетесь что-либо увидеть или услышать до того, как пойдет отсчет времени, вы будете немедленно дисквалифицированы.

Кандидат, стоявший посередине, невольно вздрогнул. Видимо, Гетц только что разрушил его планы.

– И не пытайтесь подкупить водителей лимузинов, – добавил Гетц. – Только потеряете время. Поверьте мне, это невозможно.

Кандидат посередине опять вздрогнул.

– Для усложнения задачи, на месте назначения вас может никто и не ожидать. Однако там будет квитанция о доставке, с телефонным номером на ней, а также мобильный телефон. Позвоните по этому номеру, и вы получите дальнейшие указания для завершения задания. Вопросы есть?

Кандидаты отрицательно покачали головой.

Гетц улыбнулся:

– Проигравшие отправятся по домам. Победитель полетит обратно в Лас-Вегас на личном самолете мистера Саймона. Там ему сообщат кругленькую сумму его новой зарплаты и расскажут о дополнительных преимуществах. Все это за бокалом шампанского.

Три кандидата. Три улыбки. Одна мечта: потягивать шампанское на борту роскошного самолета.

– Господа, желаю успеха. Рад буду работать с одним из вас. А теперь наденьте маски и наушники.

В комнату вошли трое водителей. Они взяли пакеты и повели участников за собой.

Гетц остался один. Он чувствовал себя совершенно иначе, чем в Реймсе или в Лондоне. Азарт куда-то исчез. Он больше не горел той идеей, которой они с Саймоном загорелись еще много лет назад: заставить Америку отвернуться от прошлого и смотреть в будущее.

Маленький отель в Пойнт-Провиденсе изменил что-то в его душе. Теперь он вспоминал о прошлом с улыбкой, за которой тут же следовал приступ боли, когда вспоминалось и то, что случилось с Оливией.

Лучше не вспоминать.

Гетц собрал свои вещи и вышел из комнаты. Нужно было проследить за исполнением сценария.

* * *

Двумя этажами выше Мэлори Саймон разговаривал с единственной девушкой-финалисткой, которую он накануне отделил от остальных. Он сказал Гетцу, что она выбыла из игры. Впервые он что-то утаил от Гетца. Он ему больше не доверял.

– У вас будет свой тест, не такой, как у остальных, – объяснил он ей.

Брюнетка стояла у окна, выходящего на бостонскую бухту. Он не стал скрывать от нее их пункт назначения. Она прибыла вместе с ним на его личном самолете, в то время как Гетц и мальчишки воспользовались чартерным рейсом.

– Мы решили поручить вам отдельный тест потому, мисс Сегер, что вы – лидирующий конкурсант.

Она так и просияла, хоть и пыталась сдерживать эмоции. Во время перелета он уже упоминал о ее лидирующем положении, но сейчас специально повторил еще раз. Судя по всем его сведениям, мисс Сегер была из тех людей, которые ради похвалы готовы на что угодно.

– Наденьте-ка это, – сказал Саймон.

Он протянул ей значок и кратко пояснил, что он означает. Она начала было что-то говорить, но он жестом остановил ее. У нее была склонность много болтать, когда следовало слушать.

– Бизнес – это люди, мисс Сегер, – сказал он. – Успешный бизнесмен умеет распоряжаться не только товаром, но и людьми. С этим и связано ваше задание. Как и вашим соперникам, вам нужно будет доставить пакет – только ваш «пакет» ходит и разговаривает.

– Вот и прекрасно, сэр! – воскликнула она, прикалывая значок к лацкану пиджака.

– Вам придется преодолеть несколько препятствий. Думаю, сам «пакет» особых проблем не создаст. Что бы она ни делала, с кем бы она ни была, что бы ни делали другие люди, ваша задача одна: доставить эту женщину в нужное место в нужное время и задержать ее там до моего прихода.

– Только скажите, куда и когда, сэр.

– Вы смотрите футбол, мисс Сегер?

– Верная фанатка «Изгоев», сэр.

Великолепно. Саймон даже не мог отличить, говорит она правду или просто подлизывается. Он вручил ей крошечный наушник со встроенным радиопередатчиком.

– У наших футболистов такие передатчики встроены в шлемы, – сказал он, – так что тренер может руководить игрой с трибуны. То же самое буду делать и я. Я буду пристально следить за ситуацией. Как только ваш «пакет» прибудет, я вам сообщу. Тогда же я сообщу, куда и когда его доставить.

Она взяла наушник и тут же вставила его в ухо.

– Любыми средствами, мисс Сегер, – подчеркнул Саймон.

– Так точно, сэр.

– Если вы справитесь с заданием, то, как бы ни проявили себя остальные, вы вернетесь со мной в Лас-Вегас в качестве моего постоянного ученика. На борту самолета я расскажу вам о вашей зарплате и других преимуществах вашей новой должности.

Она расплылась в улыбке.

– За бокалом шампанского, разумеется.

– Разумеется, – откликнулась она.

Последнюю фразу Саймон позаимствовал у Гетца. Она произвела замечательный эффект. Мисс Сегер урчала, как довольная кошка. Это было непрофессионально с ее стороны, но очень соблазнительно.

– Я вас не разочарую, сэр.

Он встал. Она подала ему руку, и он ее пожал.

– Жду не дождусь, когда смогу работать с вами, мисс Сегер, – сказал он.

С легкой сумкой через плечо, Этан пробился через поток пассажиров и тележек в бостонском аэропорту к конвейерам для получения багажа и выходу на улицу.

Возле выхода он увидел крупного мужчину в темном костюме с самодельной табличкой в руках. На табличке шариковой ручкой было написано «Э. Морган».

Вначале Этан притворился, что не видит его. Он нагнулся завязать шнурок, который уже и так был крепко завязан. На самом деле он хотел выиграть немного времени, чтобы Мередит могла его догнать.

Боковым зрением он увидел ярко-розовый прямоугольник. Мередит была уже рядом, возле багажных конвейеров. Это ей пришла в голову идея взять ярко-розовую сумку. На сумке была напечатана цитата:

«Не могу жить без книг» (Томас Джефферсон).

Внутри была еще и запасная сумка незаметного песочного цвета, без надписей. Мередит взяла ее, чтобы иметь возможность адаптироваться к ситуации. Розовая, если нужно быть заметной, и песочная, если нужно затеряться в толпе.

Этан предпочел бы взять одну сумку и не усложнять ситуацию. Но поскольку Мередит должна была везти Библию, он оставил это на ее усмотрение. В данный момент он был рад яркой сумке. Так он знал, что Мередит неподалеку.

– Этан Морган, – представился он человеку с табличкой.

Тот посмотрел на него сверху вниз, поджав губы, словно внешний вид Этана его разочаровал. Наверное, он ожидал увидеть кого-то крупнее. Или грознее. Или красивее.

– А что это за сумка?

Этан небрежно помахал ею:

– Ну я же останусь на ночь. Может, погуляю по городу.

Мужчина взял сумку у Этана из рук, прошел к конвейеру и забросил ее к багажу, прибывшему из Орlando 289-м рейсом.

– Пойдемте, – сказал он.

Сумка была не большой потерей. Там действительно была смена одежды – и ничего, что представляло бы угрозу для Санады.

Этан последовал за своим проводником к черному лимузину, припаркованному неподалеку. Проводник остановился у задней двери, но не открыл ее.

– Распахните пальто.

Этан повиновался. Он расстегнул пуговицы и раскинул полы пальто, словно крылья, позволяя обыскать себя на предмет наличия оружия.

– Приподнимите штанины.

Этан приподнял штанины, из-за чего на него подозрительно покосилась проходившая мимо пожилая парочка с багажной тележкой.

– Развернитесь.

Мужчина прощупал Этана со спины вдоль линии талии. Достаточно неуклюже, заметил Этан.

Исследовав содержимое карманов и бумажника, мужчина, наконец, открыл заднюю дверь лимузина и подал знак садиться.

Этан рискнул оглянуться в поисках Мередит. Дилетантский обыск дал ей время поймать такси. Забравшись на заднее сиденье, она что-то объясняла водителю. Тот указал пальцем на лимузин и понимающе кивнул.

Для Этана Бостон исчез вместе с хлопком двери. И окна, и перегородка между ним и водителем были непроницаемо черны. Весь мир сузился до небольшого салона с липким и засаленным диваном. Интересно, что за панк-рок-группа в нем ездил? Ручки внутри также отсутствовали. Это напомнило Этану о его поездке в патрульной машине.

Когда машина тормозила, Этана бросало с сиденья вперед. Когда она резко поворачивала, он летел вбок. Не имея возможности следить за дорогой, Этан был вынужден прочно зафиксировать свое положение в пространстве. Одной рукой он держался за крышу на случай остановки, а другой – за подлокотник на случай поворота.

Теперь ему оставалось только ждать.

* * *

– Я понятия не имею, куда они едут, так что, пожалуйста, не упускайте их из виду! – просила Мередит, передвигаясь на самый краешек пассажирского сиденья.

Она прижала к груди розовую сумку, ожидая сумасшедшей поездки. Однако эта поездка оказалась самой безопасной в истории таксомоторной службы. Водитель аккуратно переключал передачи, перестраивался в другой ряд только при крайней необходимости и трижды смотрел по сторонам, прежде чем повернуть.

Через лобовое стекло Мередит увидела, как лимузин с Этаном отъезжает.

– Не потеряйте их! – закричала она.

Лимузин выехал на трассу. Таксист приступил к планомерному осмотру всех зеркал. Это был смуглый мужчина средних лет, видимо, из какой-то средиземноморской страны. Он на секунду оторвал руку от руля и погрозил Мередит пальцем:

– Жизнь слишком коротка, чтобы пить плохие вина!

– Что?

Объяснения не последовало.

Прекрасно, подумала Мередит. Ей повезло поймать единственного в мире осторожного таксиста, да еще и философа.

Трасса провела их мимо порта в самый центр Бостона. Вскоре они догнали лимузин. Улыбаясь на все тридцать два, таксист сказал:

– Вот видите, дамочка! Подумайте, а стоит ли плевать в колодец?

Проехав через туннель, лимузин перестроился в крайний правый ряд, чтобы свернуть на Атлантик-авеню. На минуту Мередит потеряла его в оживленном потоке машин, а когда увидела, закричала:

– Правый ряд! Правый ряд!

Таксист спокойно кивнул. Он посмотрел в боковое зеркало. Включил сигнал поворота. Снова посмотрел в боковое зеркало, затем в зеркало заднего вида. Затем оглянулся, чтобы проверить то, что не помещалось в зеркала. Снова разворачиваясь вперед, он выключил сигнал поворота.

– Вы должны отодвинуться назад, – сказал он, так и не сдвинувшись со средней полосы. – Мне не видно, что там за нами.

Мередит закатила глаза. Вцепившись в сумку, будто это было горло таксиста, она скользнула вглубь сиденья.

Таксист начал процедуру смены рядов с самого начала.

Каким-то чудом они успели вовремя перестроиться вправо и повернуть на Атлантик-авеню. Сейчас они объезжали бухту.

Расширенными глазами Мередит глядела вперед, выискивая черный лимузин. Он обнаружился на три машины впереди них и как раз сигналил о повороте на Брод-стрит.

– Видите? – просиял водитель. – Жуйте «Орбит», и все будет хорошо!

Начиная с этого места, лимузин немного потанцевал по улицам города – с Брод-стрит на Милк-стрит, затем по Индия-авеню на Стейт-стрит, оттуда снова налево на Конгресс-стрит, а оттуда через туннель обратно на Атлантик-авеню. Несмотря на все свои меры предосторожности, таксист ухитрился не отстать от лимузина. Теперь они направлялись в исторический центр Бостона.

С Ганновер-стрит лимузин повернул налево, а потом еще раз налево, заезжая на парковку. Таксист включил сигнал поворота, готовясь следовать за ним.

– Нет-нет! – закричала Мередит. – Езжайте прямо.

С подчеркнутой снисходительностью таксист выключил сигнал и поехал прямо:

– Пожалуйста, в следующий раз решайте за меня поскорее, – сказал он.

Она попросила его объехать вокруг квартала. На Салем-стрит было одностороннее движение, поэтому они повернули направо, затем снова направо на Тайлстон, направо на Ганновер, проехали мимо Беннетт-стрит и завернули на Принс-стрит.

Она указала на свободное место у бордюра под кронами деревьев. Рядом была небольшая баскетбольная площадка, а сразу за ней – парковка, где стоял лимузин. На парковку выходила входная дверь старого пятиэтажного дома из красного кирпича.

Водителя в лимузине не было.

Сжимая в руках сумку, Мередит выбралась из такси и рассчиталась с водителем.

– Вот видите! Все получилось! – похвастался он. – Помните: поспешишь за зайцами, ни одного не поймаешь.

Постукивая каблуками, Мередит направилась через баскетбольную площадку к красному зданию. Она как раз была посередине площадки, когда из дома вышел водитель и уселся обратно в лимузин. Заводя мотор, он поднял глаза. Мередит оказалась прямо перед ним,

одна посреди голой баскетбольной площадки с ярко-розовой сумкой в руках.

Заскрипели шины, и лимузин стартовал прямо в ее направлении, но затем свернул, огибая площадку.

Мерedit ничего не оставалось, как только отвернуться, прикрыть сумку собственным телом и надеяться, что водитель не приметил ее еще в аэропорту. Она сжала плечи и зажмурилась.

Лимузин медленно проезжал мимо. Крошечными шажочками Мерedit разворачивалась по мере его движения, все время оставаясь к нему спиной. Снова заскрипев шинами, лимузин выехал на проезжую часть и умчался прочь.

Мерedit перевела дыхание. Ее сердце билось так отчаянно, что наверняка набило синяки на ребрах. Оказалось, что быть шпионкой не так просто, как она думала.

Только потом она открыла глаза и увидела на краю площадки двух маленьких мальчиков. Один из них сидел верхом на баскетбольном мяче, и оба они пялились на женщину с розовой сумкой, топтавшуюся посреди площадки.

Мерedit улыбнулась им, развела руками и пошла к красному дому.

Прежде чем Этана выпустили из машины, его захватчики потребовали, чтобы он надел горнолыжную маску с заклеенными стеклами.

Водитель схватил его под локоть и вытащил из машины. Еще один рывок – ступенька, а затем, судя по всему, входная дверь. Воздух внутри был сырой и затхлый. Они прошли по кафельному полу через большой вестибюль, отзывавшийся эхом на их шаги. Затем они спустились по узкой бетонной лестнице, что было достаточно неудобно, учитывая габариты водителя.

Здесь с Этана бесцеремонно сорвали маску. Он увидел, что находится в подвале с ярким студийным освещением. Один из предметов интерьера тут же привлек его внимание. В дальней стороне сцены стоял большой красный измельчающий аппарат. Сбоку на нем было написано «Представьте». Рядом на полу была кучка книжных останков.

Пурпурный занавес отделял сцену от остальной части подвала. Между ступеньками и сценой стояли два длинных стола. Первый стол был заставлен электронным оборудованием. Десятки проводов сбегались и разбегались от черных пультов с рядами ручек. На втором столе лежали стопки Библий.

Одна из них сразу привлекла внимание Этана. Он не видел ее с того вечера, когда пошел на школьный спектакль и злонамеренно оставил ее дома. Занавес приподнялся, и в студию вошел Санада. В жизни он выглядел еще отвратительнее, чем на экране, – нездоровая худоба, толстый слой черно-белого грима.

– О, наш почетный гость! – сказал он.

Он оглядел Этана с головы до ног, корча такие гримасы, будто это не он, а Этан был выряжен шутлом гороховым.

– Воплощение заурядности, – сделал вывод Санада.

Внезапно он повернулся и хлопнул в ладоши:

– Ах, как мы сегодня повеселимся! Он ведь нейтрализован? – спросил он водителя, кивая в сторону Этана.

– Без оружия и без удостоверения. Если вы это имеете в виду, – ответил водитель, явно тяготясь обществом Санады. – Я могу идти?

Получив разрешение, он тут же побежал вверх по лестнице. Этан оглянулся, пытаясь понять, кому Санада адресовал свою экзальтированную реплику, но кроме гота больше никого не увидел.

Это его обнадежило. От спасения фамильной Библии его отделяли только хилый мужчинка и бетонная лестница.

Санада усмехнулся, видимо, прочитав мысли Этана. Занавес снова приподнялся, и вошел человек, чью фотографию можно было бы поместить в словаре под статьей «мускулатура». Этан затруднялся определить, что в нем было более устрашающим: толстенные ручищи, бычья шея или автомат наперевес.

– Это Фрэнк, – объявил Этану Санада. – Его можно назвать нашим сторожем. Будете вести себя хорошо, и никаких проблем не возникнет. Он будет сторожить дверь и выпустит вас только в одном из двух случаев. Либо вы убедите зрителей пощадить Библию – кстати, я уже сообщал, что вам дается на это пятнадцать минут? Если нет, то сообщая сейчас. Пятнадцать минут. Либо же вы сами бросите свою Библию в наш аппарат. Как только произойдет одно или другое, Фрэнк отступит в сторону и даст вам уйти.

Фрэнк подтвердил это выразительным взглядом и занял место у первой ступеньки. Санада продолжал:

– Мы с вами войдем в историю Интернета! Мы оставим далеко позади все знаменитые реалити-шоу!

Санада искренне радовался потенциальному рейтингу, нимало не переживая о том, каким путем он собирался его заработать. Библии на столе служили только одной цели – прославить Санаду.

– Нашим зрителям не придется никуда звонить. Все, что им нужно будет сделать, – это навести мышку на выбранную кнопку и – щелк! Их голос тут же будет зарегистрирован и учтен. Мы сразу же получим данные о результате голосования.

Он снова захлопал в ладоши.

– Телезвезды, трепещите!

Этан не разделял его восторга. Он прошел к столу и взял в руки Библию Морганов.

– Ты ведь понимаешь, что я арестую тебя за кражу в особо крупных размерах? – сказал он готу.

Это замечание очень обидело и огорчило гота.

– Как это? – закричал он дрожащим голосом. – Но это же жестоко! Разве можно говорить такое актеру перед его звездным часом?

Он нервно замахал руками.

– Да это просто... это просто...

Слезы подпортили его макияж.

– Мне нужно выйти, – заскулил он. – Нужно успокоиться и взять себя в руки, – он пошел, но снова развернулся к Этану. – Не могу поверить, что вы это сказали! Это очень некрасиво с вашей стороны!

Он скрылся за занавесом.

Этан никогда еще не встречал столь эпатажного типа. Санада явно был лишь исполнителем, но не изобретателем этого шоу.

Все по порядку, напомнил себе Этан. Вначале нужно спасти Библию, а потом уже разбираться с Саймоном.

Он смотрел на Библию, которую держал в руках, – символ духовного наследия его семьи. Как он ни доказывал Оливии и Мередит, что непременно отыщет ее, он все же боялся, что никогда больше ее не увидит.

– Иногда нужно что-то потерять, чтобы понять, насколько оно тебе дорого, – пробормотал он. – Брата. Библию.

Тут он улыбнулся неожиданной мысли. Морганы и их Библия обошли полный круг и пришли туда, откуда все начиналось. Ведь именно здесь, на бостонском побережье, некогда стоял Дрю Морган, сжимая в руках эту Библию. А теперь, более чем триста пятьдесят лет спустя, пережив американскую революцию, гражданскую войну, первую и вторую мировые войны, путешествие в Англию и зенитный огонь над Германией, проехав через всю Америку и обратно, эта Библия вернулась туда, откуда начала свой путь история Америки. И держал ее в руках прямой потомок Дрю Моргана.

Сердце Этана наполнилось гордостью за свой род, и он произнес клятву.

В один прекрасный день он отвезет эту Библию к истокам их семейной истории, в Эденфорд, где, согласно традиции, вручит ее своему сыну. Он расскажет ему о Дрю и об остальных отважных Морганах, проложивших путь перед ними.

* * *

Пятью этажами выше за всеми операциями наблюдали Саймон и Гетц. Здесь был оборудован центр управления, похожий на тот, что в Лас-Вегасе: с плоскими мониторами, ноутбуками, звуковыми микшерами, наушниками, мобильными телефонами и биноклями. Отсюда они следили за всем сразу: продвижением трех конкурсантов, доставляющих пакеты, студией, где вот-вот должно было начаться шоу Санады и Моргана, и церковью, которая скоро будет снесена с лица земли. Своей третьей мишенью они выбрали историческую Старую Северную церковь, откуда был дан знаменитый сигнал «одна лампа, если с суши, и две, если с моря»: увидев его, легендарный Пол Ревер посреди ночи понесся предупреждать соотечественников об опасности.

Во всех стратегических местах внутри церкви были установлены миниатюрные видеокамеры, так что Саймон мог убедиться, что пакеты доставлены, прежде чем нажимать на кнопку пуска. Из их окна на пятом этаже были видны крыша и шпиль церкви.

Саймон контролировал каждую деталь, как и тогда, когда ходил вдоль боковой на матчах «Изгоев». Он был готов вмешаться в любой момент, как только что-то вызовет у него опасения. За двумя предыдущими операциями он наблюдал из центра управления в Лас-Вегасе – и остался недоволен тем, как Гетц их провел. Поэтому сейчас он решил переместиться поближе.

– Они уже стартовали и бегут со всей прытью, – доложил Гетц.

Трех учеников доставили в различные точки города на одинаковом расстоянии от церкви. В назначенное время с них сняли маски и вручили пакеты вместе с адресом доставки:

193, Салем-стрит

Они понятия не имели, что адрес у всех один и тот же. Однако дальнейшие указания отличались. Один ученик должен был доста-

вить пакет на первый этаж, к лестнице у восточной стены; другой – на второй этаж, к кладовой у западной стены; третий – на третий этаж, к кладовой под шпилем. Саймон хорошо заплатил специалисту по подрывным работам за подбор этих точек.

Саймон хотел не просто разрушить здание, но зрелищно завалить шпиль. Так, чтобы всем это запомнилось.

Саймон посмотрел на шпиль в бинокль. Сколько поколений видело его и слышало звон его колоколов? Сколько людей не могли представить панораму Бостона без этого шпиля? Сегодня он навсегда исчезнет с лица земли. Конечно, люди погорюют какое-то время. Но с уходом церкви разрушится их привязанность к прошлому, и постепенно они привыкнут искать спасение в будущем.

Обруби корни, и цветок засохнет.

Саймон отложил бинокль в сторону. Им предстоял хороший день.

– А что она здесь делает? – спросил Гетц, указывая на монитор.

Энергичная брюнетка раскладывала разные принадлежности на столе, который только что поставили в вестибюле здания.

– Мисс Сегер? О, это печальная история, – ответил Саймон. – Бедная девочка так плакала, когда я сообщил ей, что она выбыла из игры. Она умоляла меня о пощаде. Ты ведь знаешь, они так и рвутся доказать свою правоту.

Гетц смотрел на монитор. Ему не нравилось, что Саймон вмешивался в сценарий игры. Тренерам «Изгоев» это тоже никогда не нравилось.

На мониторе входная дверь отворилась. Мисс Сегер поприветствовала молодую женщину с ярко-розовой сумкой.

– Мередит Морган? – воскликнул Гетц.

– Она самая, и как раз вовремя! – ответил Саймон. Он нажал одну из кнопок и проговорил в микрофон:

– Да, это она.

* * *

– Извините, – сказала Мередит, войдя в дом. – Может быть, вы мне поможете.

Брюнетка за столом приветливо улыбнулась. Зря Мередит волновалась, что ей придется общаться с непроницаемыми вооруженными охранниками!

– Чем я могу помочь?

– Ну... насколько мне известно, здесь снимается одна передача... Вот только непохоже, что здесь может находиться студия...

Секретарша улыбнулась.

– Боюсь, вы отстали от жизни, – сказала она. – Сегодня, чтобы снять и транслировать шоу, не нужны огромные павильоны и тонны оборудования.

– Так значит, здесь действительно снимается передача?

Секретарша кивнула.

– С кем имею честь говорить?

– Меня зовут Мередит.

Они обменялись рукопожатием, и Мередит заметила значок на груди у секретарши.

– Так вот, насчет шоу, – продолжила Мередит. – Оно как-то связано с Библиями?

– Да, это аукцион. Мы проводим интернет-аукцион антикварных Библий. К нам приходят заявки со всего мира!

– Аукцион? Ну, тогда, наверное, я пришла по адресу... Видите ли, у меня тут есть одна антикварная Библия, – она вытащила ее из розовой сумки, затем из песочной сумки. – Это Библия короля Иакова издания 1611 года. Она очень ценная. Я бы хотела выставить ее на аукционе.

Секретарша осмотрела Библию и покачала головой:

– Это невозможно. У нас есть установленный порядок...

– Разумеется, я заплачу вам комиссионные! Сколько скажете!

Секретарша перевернула Библию и увидела дыру сзади:

– Она не в очень-то хорошем состоянии...

– Ну, с одной стороны, да. А с другой стороны, у нее такая история! Благодаря этой дыре хозяин Библии остался жив.

– Не знаю... Мы не принимаем Библии просто так, без всякой документации, – она вернула Библию Мередит. – Думаю, вам нужно поговорить с нашим продюсером. Я дам вам его номер. Может быть, мы сможем выставить вашу Библию на следующем аукционе.

Секретарша открыла ящик стола.

– Нет, я не могу так долго ждать! – воскликнула Мередит. – Понимаете, это срочное дело!

Секретарша подозрительно нахмурилась. Мередит поняла, что хватит разыгрывать спектакль:

– Послушайте, мисс...

– Сегер.

– Я заметила у вас значок.

Мисс Сегер прикоснулась к значку, признавая его наличие.

– Это же символ Церквей Наследия! Вы состоите в такой церкви?

– Всю свою жизнь.

– Значит, в вашей семье тоже есть Библия, которая передается из поколения в поколение?

– Да.

– И сколько ей поколений?

– Пять, – с гордостью ответила она. – На прошлое Рождество ее презентовали моему старшему брату.

– А вы слышали о Морганах и их Библии?

Мисс Сегер просяла:

– Ну конечно! Дрю Морган – основоположник этой традиции.

Мередит открыла свою Библию и показала мисс Сегер имена на внутренней странице обложки. Она ткнула пальцем в первое имя:

– Дрю Морган! – изумленно воскликнула мисс Сегер. Дрожащей рукой она провела по надписи.

– Так это действительно фамильная Библия Морганов? – прошептала она.

Мередит на минутку засомневалась. Но нужно было рискнуть и сказать правду.

– Это ее копия.

Мисс Сегер нахмурилась и напустила на себя холодность.

– Пожалуйста, выслушайте меня, – сказала Мередит. – Не знаю, что вам сказали по поводу происходящего здесь. Но на самом деле это не аукцион. На самом деле там уничтожают Библии.

– Боюсь, мне придется попросить вас уйти, – заявила мисс Сегер. – Мои работодатели ни за что не стали бы такого делать.

– Прямо сейчас, у вас в студии находится Этан Морган. Если ему не удастся убедить зрителей спасти фамильную Библию Морганов, они уничтожат ее. Бросят в промышленный измельчитель.

– Нет-нет, что вы! Такого не может быть!

– А вы были в студии?

Мисс Сегер покачала головой. Не была.

– Оригинал Библии Морганов сейчас находится там. Мы с Этаном пытаемся его спасти, и вы – наша единственная надежда.

– Настоящая Библия Морганов – здесь в подвале?

Мерedit снова положила Библию в песочную сумку, затем в розовую сумку.

– Мы хотим поменять Библии местами, чтобы уничтожили не оригинал, а копию. Пожалуйста, только помогите мне попасть в студию. А остальное сделает Этан.

– Я вам не верю. Я знаю этих людей. Они ни за что не стали бы бросать Библию в измельчитель, тем более антикварную.

– Вас обманывают.

Мисс Сегер упрямо покачала головой.

Мерedit обошла стол, подходя вплотную к мисс Сегер. Та отодвигалась, пока не уперлась в стену:

– Не заставляйте меня вызывать охрану! – крикнула она.

Мерedit взяла ее руку и вложила в нее ручку от сумки, потом отступила.

– Сходите вниз, в студию, – сказала она. – Там вы увидите большой красный измельчитель с надписью «Представьте».

Секретарша настороженно смотрела на нее.

– Если измельчитель действительно там, поставьте сумку на пол и уходите. Если его там нет и я вас дезинформировала – я тут же покину это помещение. Но я вас уверяю, что судьба Библии Морганов – в ваших руках. В буквальном смысле слова. На несколько секунд мисс Сегер замерла в нерешительности. Затем направилась вниз по ступенькам с сумкой в руках. Мерedit утомленно присела на краешек стола.

* * *

– А почему нет звука? – спросил Гетц.

Вместе с Саймоном он следил за общением Сегер и Мерedit на мониторе.

– И так понятно, что произошло. Я предупредил мисс Сегер, что кто-то может попытаться подменить Библию. Она взяла эту проблему на себя.

Гетц внимательно разглядывал Мередит, сидящую на краешке стола. Она была стройнее, чем ее мать, но в целом очень на нее похожа.

Зазвонил телефон. К ним постоянно поступали отчеты от тех, кто следил за продвижением конкурсантов. Саймон взял трубку.

Повернувшись к боссу спиной, Гетц открыл свой телефон. Он набрал текстовое сообщение. Получатель: Маркус. Сообщение гласило: «За Оливию».

* * *

Жизнь в студии закипела. Помимо Санады, появились звукооператоры, осветители, другие техники.

– Маркус, закрепи-ка этот кабель, – сказал звукооператор.

Не выпуская из рук Библию, Этан наблюдал за происходящим. Крепкий молодой парень опустился на колени и приклеил кабель к полу, отматывая длинные куски сверхпрочного скотча. Тут у него в кармане что-то пропищало. Парень вытащил оттуда телефон, посмотрел на экран, затем поднялся и ушел.

– Эй, мы еще не закончили! – прокричал ему вслед звукооператор.

Но Маркус даже не оглянулся, предоставляя оператору нарекать на дешевую рабочую силу, сколько тому угодно.

Этан не мог дождаться, когда, наконец, начнется шоу. Он не умел ждать. Когда его повысили с патрульного до детектива, он больше всего радовался тому, что теперь не нужно было сидеть и ждать, пока приедет эвакуатор, или привезут ключи, или заполнят бумаги.

Санада хлопнул в ладоши и приказал всем занять места. В это мгновение Этан узрел краем глаза нечто розовое. Он осторожно перевел взгляд в ту сторону и увидел, как в комнату вошла девушка с сумкой Мередит и направилась к столу, на котором лежали Библии.

Этан вздохнул с облегчением – Мередит справилась со своей задачей!

Он еще раз осмотрел стол и прилегающие объекты. Времени было в обрез. Нужно было придумать, как подойти к столу, не привлекая всеобщего внимания. Тогда он сможет взять копию Библии, а оригинал сунуть в ящик с проводами. Он сможет! Все, что ему нужно, – это немного времени.

Но времени не было. Еще секунда, и его надежды рухнули.

К вошедшей девушке приблизился Маркус. Он сказал ей несколько слов, которых Этан не расслышал, и она протянула ему розовую сумку. Он открыл ее, вынул песочную сумку, проверил ее содержимое и скрылся за кулисами вместе с ним.

Сердце Этана замерло.

Девушка развернулась и пошла вверх по лестнице, унося с собой пустую розовую сумку.

Этан встал и, делая вид, будто бесцельно бродит по комнате, стал следить за Маркусом.

На сцене Санада хлопал все громче и громче.

– Вперед, друзья, вперед! А где же наш гость? Где Морган?

Санада увидел его и замахал ему рукой. Время вышло.

Этан быстро отдернул краешек занавеса и заглянул за него. Там он увидел Маркуса, стоявшего на полу на коленях, с ножом в руках. Библия лежала прямо перед ним. На глазах у Этана он открыл обложку и запустил нож в страницы. Он торопливо резал и рвал внутренности Библии.

– Быстрее, быстрее! – позвал Этана Санада. – И не забудьте свою Библию!

Все пропало.

С оригиналом Библии в руках Этан ступил на сцену, к Санаде и большому красному измельчителю.

* * *

– Хорошая новость! – сказала мисс Сегер, возвращаясь с пустыми руками.

Мередит подскочила от волнения – так резко, что стол отъехал назад.

– И плохая новость тоже. Начну с плохой, – мисс Сегер наклонилась поближе к Мередит. – Представляете, там действительно стоит измельчитель, как вы и сказали! Зачем же он нужен на аукционе?

– Нет там никакого аукциона, – сказала Мередит.

– Теперь я вам верю... – протянула мисс Сегер, с трудом принимая тот факт, что работодатели ее обманули. – Всю свою жизнь я свято чтала Библию, а тут... – она была очень расстроена, – оказывается, я сама участвовала в этом...

Она развела руками, не в силах подобрать слова.

– Но вы ведь оставили там копию, – утешила ее Мередит.

Мисс Сегер вытерла слезы.

– Да. Это и есть хорошая новость.

Мередит сгорала от желания услышать все подробности. Наконец, мисс Сегер продолжила рассказ:

– Я увидела там одного знакомого. Он... – ее глаза блеснули, – в общем, он ко мне равнодушен... Ну, это неважно... Суть в том, что я отдала ему сумку.

– Вы ему доверяете?

Мисс Сегер улыбнулась:

– Можете не сомневаться! Чтобы мне понравиться, он готов нарядиться Кинг-Конгом и залезть на верхушку небоскреба!

Мередит улыбнулась в ответ.

– Там есть стол, на котором сложены все Библии. Он поставил сумку под стол.

– Под стол? – Мередит запаниковала. – А ее видно? Ведь, если ее не видно, Этан не сможет...

– Я же сказала, что у меня хорошая новость!

Мередит терпеливо замолчала. Мисс Сегер снова радостно сверкнула глазами:

– Мистер Морган все это видел!

– Так он знает, что Библия там?

Мисс Сегер кивнула.

– И это еще не все! Мой знакомый прикрыл его, и он успел поменять Библии местами!

Мередит была так счастлива, что невольно завизжала. В порыве восторга, она схватила мисс Сегер за руку.

– Как мне вас отблагодарить? – воскликнула она.

– Погодите, это еще не все!

– А что еще?

– Мистер Морган попросил Маркуса спрятать оригинал Библии за кулисами. После шоу он заберет его и встретится с нами. Я так мечтаю с ним познакомиться! Ведь он – один из *Морганов*!

Мередит больше не могла сдерживать радость, и радость вылилась в слезы и объятия.

– А он назначил место встречи? – спросила Мередит.

– Он предложил встретиться где-нибудь на людях. В безопасной обстановке.

Мередит кивнула, ища носовой платок.

– Здесь за углом находится Старая Северная церковь, – сказала мисс Сегер. – Мистер Морган попросил нас пройти туда, а он к нам скоро присоединится.

Мисс Сегер тут же направилась к выходу.

Ступая на порог, Мередит заподозрила что-то неладное:

– А как же ваша работа?

Мисс Сегер фыркнула:

– Неужели вы думаете, что я останусь работать с теми, кто врет мне в лицо и режет Библии на мелкие кусочки?

* * *

– Прекрасно сыграли, мисс Сегер! – сказал Саймон, находясь на своем посту четырьмя этажами выше. Он снял с уха наушник.

Гетц не слышал беседу девушек, зато Саймон слышал каждое слово. Он был вынужден признать, что мисс Сегер вела себя впечатляюще. Ему было почти что жаль, что сегодня она погибнет. В ней было что-то от Макиавелли, и выглядело это очень привлекательно.

– Ты знал, что они попытаются подменить Библию, – сказал Гетц.

– Я знал, что они хоть что-то, да попытаются предпринять. Вернув им копию Библии, я лишь направил их по очевидному пути. Нужно сказать, я разочарован. Все слишком примитивно. Я надеялся, что они продемонстрируют более творческий подход.

Гетц бросил взгляд на монитор, ведущий трансляцию из подвала. Этан как раз проверял свой микрофон. Шоу должно было начаться через три минуты.

– Какие новости? – спросил Саймон.

– Судя по всему, все три пакета будут доставлены вовремя. Конкурсанты в нескольких минутах пути от церкви.

– Отлично, – сказал Саймон. – Пора мотивировать мистера Моргану.

Этан сидел за кулисами с Библией на коленях. Парень, только что распотрошивший копию, уже ушел вместе с ней.

С того самого момента, как Этан взял в руки фамильное сокровище, он ни на секунду с ним не расставался. На столе перед ним были наушники и монитор, чтобы он мог следить за тем, что происходит на сцене. Охранник оставил пост у двери и переместился ближе к Этану.

Этан не обращал внимания ни на монитор, ни на звук в наушниках. Ему нужно было побыть наедине с собой.

– Прости, Скай, но думаю, мы с тобой проиграем, – тихо сказал он.

Как бы Этан хотел ошибиться! Но нет, это Скай заблуждался. Чудес больше не было. Супергерои не возникали ниоткуда в последний момент. Времена изменились. Сегодня мир принадлежал таким, как Мэлори Саймон, – людям, готовым подниматься в гору по трупам своих конкурентов. Или таким, как Санада, создающим блестящее шоу из смерти и разгрома.

Этан ненавидел этот мир.

Он ненавидел тот факт, что люди стремились к дешевой славе. Критиковать и разрушать всегда легко. Гораздо сложнее созидать. Чтобы что-то построить, требуется воображение, посвящение, терпение и труд. Америка утратила свои ценности.

Неужели люди не понимают, что культ насилия заведет их в тупик? Вскоре нечего будет разрушать. Но даже если мечтатели каким-то образом выживут, станут ли они что-либо строить, если толпы людей только и ждут, чтобы сплясать на руинах их творения?

Этан погладил обложку Библии. Он завидовал Дрю Моргану. Тот жил в другую эпоху, когда люди объединялись ради сотворения нации из горстки пришельцев и рисковали жизнью, чтобы построить новую страну на мечтах о свободе.

Он открыл Библию, чтобы в последний раз взглянуть на имена внутри обложки – список великих мечтателей. Он с нежностью пробежался пальцами по списку: Дрю Морган, 1630, Захария 4:6; его сын Кристофер Морган, 1654, Матфея 28:19. И дальше – Филипп, Джаред, а потом один из близнецов – Иаков Морган, брат Исава, 1786, 1 Иоанна 2:10.

За каждым именем стояла легенда о мужестве и вере, а все вместе они составляли американскую историю с 1630 года и до настоящего дня. Список замыкался его именем – Этан Морган, 2000, Евреям 8:10.

Его отец решил подождать с передачей Библии до двухтысячного года. Он хотел, чтобы Этан стал первым владельцем Библии в новом тысячелетии.

Этан услышал, как по ту сторону занавеса кто-то включил и выключил измельчитель, тестируя его работоспособность. Охранник предостерегающе посмотрел на него, чтобы он не вздумал выкинуть нечто героическое. Он и не догадывался, что героические мысли уже покинули Этана, уступив место отчаянию.

Этан подумал, что мог бы придушить Санаду. Он мог бы пригрозить ему перед камерой, толкая его тощее тело к жерлу машины. Но кого он сможет обмануть? Все бы тут же поняли, что это пустая угроза. Единственный шанс Этана заключался в том, чтобы переубедить зрителей, которые придут поглядеть на этот акт вандализма. Что ж, он расскажет историю Морганов... Но сможет ли он сделать это достаточно убедительно, чтобы склонить голосование в нужную сторону?

Он снова пробежался по списку имен, вспоминая, чем знаменит каждый из этих людей. Ах, если бы только на его месте был Скай! Он был прекрасным рассказчиком, не то, что Этан.

* * *

Три коротких удара, пауза, потом еще два. Саймон вздрогнул.

– Не беспокойся, – сказал Гетц. – Это мой человек.

Гетц отпер дверь. В темном коридоре стоял Маркус. Он вручил Гетцу большую книгу. На секунду они встретились взглядом, и Маркус еле заметно кивнул.

– Что это? – пожелал знать Саймон. Его резкий тон напомнил Гетцу о том, насколько Саймон ненавидит сюрпризы в последний момент.

– Я подумал, что ты будешь рад получить гарантию того, что план Морганов не пройдет, – сказал Гетц. Он протянул Саймону Библию. Тот подозрительно покосился на нее, но не взял. Гетц перевернул ее.

– Это копия, – сказал он, указывая в глубь дыры. – Хочешь сам проверить?

Саймон метнул глазами молнию.

– Я просто стараюсь работать как можно тщательней! – объяснил свой поступок Гетц. – Я ведь вижу, что ты мне больше не доверяешь.

– Мне некогда, – отмахнулся Саймон.

Возвращаясь к монитору с изображением Этана за кулисами, он нажал кнопку и отдал приказ.

* * *

Звукооператор подошел к Этану сзади и похлопал его по плечу. Тот обернулся.

– Наденьте наушники, – сказал оператор.

Монитор перед глазами Этана показывал Санаду на сцене. В уголке экрана шел обратный отсчет времени. До начала шоу оставалось две минуты.

Этан надел наушники. Голос, который он услышал, принадлежал не Санаде.

– Добро пожаловать в Бостон, мистер Морган.

Это был Мэлори Саймон.

– Чего вы хотите? – спросил Этан.

– Хочу сказать, что я с нетерпением жду вашего шоу. Как и все зрители, я тоже буду голосовать. Сумеете ли вы убедить меня?

– Прекратите эту комедию, Саймон.

– Если комедия вам не по вкусу, могу предложить вам небольшую драму.

Монитор мигнул и переключился на другую сцену. Теперь он показывал интерьер большой церкви – десятки рядов скамеек. А по центральному проходу шла...

– Мередит! – закричал Этан.

Она была налегке и не одна, а со спутницей.

Снова раздался голос Саймона:

– Просто хотел попросить, чтобы вы отнеслись к шоу с полной самоотдачей. А если нет... Ну что вам рассказывать, вы же полицейский! Сами знаете, как трудно найти пропавших без вести. Конечно, мы всегда надеемся на счастливый конец, но, к сожалению, реальная жизнь отличается от фильмов.

Этан не сводил глаз с Мередит. Она беззаботно улыбалась и даже не подозревала, что ее жизнь в опасности. Он также узнал ее спутницу – это была любительница поло. Одна из учеников Саймона, которых он встретил у лифта в отеле.

– Саймон, даже не смей!

Что-то привлекло внимание девушек на экране, и они обернулись. В церковный зал вбежал запыхавшийся курьер в коричневой униформе. Он остановился, достал пакет и внимательно прочел ярлык. Затем он обыскал глазами помещение, не обращая никакого внимания на девушек. Он снял кепку, вытер пот со лба и побежал дальше.

– Некогда угрожать, Морган, – сказал Саймон. – Шоу вот-вот начнется.

Монитор снова мигнул, и перед Этаном предстал Санада. Часы в углу показывали тридцать секунд до начала шоу.

* * *

– Ты не говорил мне, что Мередит будет внутри церкви! – кричал Гетц.

– А тебе и не нужно было этого знать.

Гетц вскочил на ноги, не отрывая глаз от картинки с Мередит и мисс Сегер. Он кипел от злости.

– Сядь, Гетц, – сказал Саймон. – Делай свою работу. И наблюдай, как работает мастер!

* * *

Этан до боли сжал кулаки. Он был так разъярен, что не мог даже думать.

Титаническим усилием воли он постарался снова обрести власть над собой.

Пятнадцать секунд до начала шоу.

Он снова подумал о своих предках – Морганах. Большинство из

них так или иначе воевали, шли в тыл врага, вели сражения на земле и в воздухе.

Пришло его время. Его война.

Думай! Думай!

Он вспомнил библейский стих, написанный рядом с его именем, – Евреям 8:10. Этот стих отец выбрал специально для него.

Десять секунд до начала шоу.

Этан встал, откидывая стул с такой силой, что охранник подпрыгнул и тут же приготовился защищать выход.

Но Этан пошел в другом направлении.

Он обогнул занавес как раз в тот момент, когда менеджер сцены начал отсчет вслух:

– Пять секунд до эфира... Четыре...

Этан включил измельчитель. Тот зашумел, готовый к работе.

– Три... Два...

Этан бросил фамильную Библию прямо на скрежещущие лезвия.

– Один!

Первые кадры шоу показали Санаду в глубоком потрясении: он глотал ртом воздух и беспомощно глядел на останки Библии Морганов, вылетающие из измельчителя. Из колонок раздавалась песня Джона Леннона «Представьте».

Этан пронесся по сцене, бесцеремонно отодвигая в сторону изумленного ведущего.

Охранник хотел было его остановить.

– Прочь с дороги! – рявкнул Этан. – Я выполнил необходимое условие!

Охранник в недоумении посмотрел на Санаду, но тот лишь размахивал руками, не в силах сказать ни слова. Не получив дальнейших указаний, охранник пропустил Этана.

Поднимаясь по ступенькам, Этан чуть не споткнулся о розовую сумку с надписью: «Не могу жить без книг».

— Что происходит? — заорал Саймон в микрофон. Услышав от звукоинженера, что Этан действительно бросил Библию в измельчитель за секунду до начала шоу, Саймон сорвал с головы наушники, но быстро пришел в себя.

— Зря он так поступил, — спокойно подытожил он.

Выглянув в окно, он увидел, как Этан Морган выскочил из дома, выбежал на середину улицы и теперь отчаянно осматривался вокруг.

— Кто бы мог подумать, что коп так быстро сдастся? — сказал Саймон. Затем он повернулся к Гетцу:

— Но я ведь тебе говорил! Я так и знал, что заставлю Этана Моргана уничтожить собственную фамильную Библию. А теперь...

Саймон снова выглянул в окно. Этан уже бежал по направлению к парку.

— Теперь он рванется спасать всех бедных и слабых, как мы это уже наблюдали после лондонского взрыва. Что я точно знаю о Морганах, так это то, что все они воображают себя героями. Я знал, что стоит заманить девчонку в церковь, и он побежит за ней. Герои так предсказуемы! — он самоуверенно уперся руками в боки. — Победить злодея может только злодей!

Он повернулся к Гетцу, ожидая подобострастного согласия.

— Морган сбил нас с графика, — сказал Гетц. — Пакеты еще не на месте.

Из окна было видно, как Этан свернул на тропинку, срезая путь к церкви.

— Так сделай так, чтобы они были на месте! — рявкнул Саймон, надевая наушники и фокусируя внимание на мониторах.

* * *

Этан вылетел на улицу без малейшего понятия о том, в какой части Бостона он находится. Он осмотрелся по сторонам, выискивая церковь, но не увидел ее. Деревья и здания закрывали обзор. Но Мередит должна была находиться где-то поблизости, если только ее не увезли на машине.

Он выбежал на открытое пространство и увидел между деревьями церковный шпиль. Он понесся по дорожкам, лавируя между домами, пока не выбежал на главную улицу. Знак на противоположной стороне гласил, что это Салем-стрит. Искомая церковь стояла прямо перед ним, и он тут же понял, что угроза еще страшнее, чем он думал.

Старая Северная церковь гордо возвышалась на этом месте с 1723 года – старейший сохранившийся храм в городе.

Отчаянным рывком он бросился к церковным воротам. Он не допустит, чтобы Мэлори Саймон сделал с этой церковью то же, что с соборами Нотр-Дам и Святого Павла.

* * *

– Первый пакет на месте, – сказал Саймон.

Не обязательно было докладывать. Гетц прекрасно видел это на мониторе.

Притаившись в углу под лестницей, первый курьер – высокий блондин – сорвал с нижней ступеньки квитанцию и сверил ее с ярлыком на своем пакете. Довольный тем, что номера совпали, он нашел рядом мобильный телефон и набрал указанный на квитанции номер.

Саймон взял трубку.

– Молодец, Бэррингтон, – сказал он. – Вы пришли к цели первым.

Даже на мониторе было видно, как у Бэррингтона засияли глаза. Он все еще не мог отдышаться.

– Но ваша миссия еще не закончена.

Улыбка спала с его лица. Саймон продолжил:

– Пакет – моя собственность. Только когда он попадет лично мне в руки, я буду считать, что вы выиграли соревнование. Вы должны оставаться на своем посту до моего приезда и не отдавать этот пакет никому, что бы ни случилось и что бы вам ни говорили. Понятно?

– Да, сэр.

– Со мной достойны работать только самые цепкие, Бэррингтон, только те, кто не отвлекается от цели и не ведется на обман.

– Я вас не подведу, сэр.

– Я в этом не сомневаюсь, сынок. Жду нашей совместной работы. Бэррингтон разъединил связь. На его лице отобразилось бульдожье упрямство.

– Первый пакет на месте, – сказал Саймон. – Но где же остальные два?

* * *

Этан ворвался в Старую Северную церковь.

– Немедленно покиньте помещение! – закричал он. – Здесь бомба!

Он тут же привлек внимание двух охранников и других сотрудников, находящихся в вестибюле. После разрушения соборов Нотр-Дам и Святого Павла, в знаменитых церквях по всему миру были ужесточены меры безопасности. Этан надеялся, что в этой церкви тоже.

Охранники тут же подбежали к нему.

Этан представился:

– Этан Морган, полицейский детектив из Сан-Диего. Те же террористы, которые подорвали Нотр-Дам и собор Святого Павла, избрали новой мишенью эту церковь.

Он полез в карман за удостоверением, но там его не оказалось. Пистолета тоже. Карманы были пусты.

– Сэр, нам нужно проверить...

– На это нет времени! – воскликнул Этан. – Выведите отсюда людей, а арестовать меня вы всегда успеете!

Люди в вестибюле уже услышали их громкую беседу и в панике бросились к выходам.

– Освободите помещение! – кричал Этан. – Быстрее, быстрее!

Охранники переглянулись – ни один из них не хотел брать на себя ответственность за решение. Воспользовавшись заминкой, Этан бросился вперед к алтарю. Один из охранников попытался схватить его за рукав, но не успел и решил не догонять. Он начал кричать людям, чтобы они выходили, в то время как второй охранник уже отдавал команды по рации.

Этан бежал по залу и звал:

– Мередит! Мередит!

Он нашел ее вместе со спутницей-брюнеткой в передней части здания, у самого алтаря. Реакции девушек на его появление были диаметрально противоположны. Мередит выразила радость, брюнетка – досаду.

Этан объявил всем людям неподалеку:

– Немедленно уходите! Скорее всего, здание заминировано!

Какую-то секунду люди переваривали столь неожиданную информацию, а затем бросились к выходу.

– Этан! Что случилось? – поразилась Мередит и бросилась к нему.

Брюнетка схватила ее за руку.

– Не слушайте его, – сказала она.

– Мередит, ты должна немедленно отсюда выйти!

– Что происходит? Где Библия?

Этан оценивающе посмотрел на брюнетку. Он не знал, что она сказала Мередит, чтобы заманить ее в церковь, но что бы это ни было, его появление пробило брешь в ее лжи.

– Некогда объяснять, – сказал Этан Мередит. – Ты должна отсюда выйти.

– Нет-нет, – воскликнула брюнетка, – она никуда не пойдет. Она останется здесь со мной. Я слишком далеко зашла, чтобы проиграть соревнование.

– Соревнование? – закричал Этан. – Так вот что это такое, по-вашему!

Брюнетка схватилась за руку Мередит, как утопающий за соломинку.

– Все, что мне осталось, – это продержаться здесь, пока не придет мистер Саймон, и тогда место достанется мне!

– Если вы отсюда не уберетесь, вам достанется только одно место – ящик в морге!

Брюнетка не сдавалась. Этан думал было нокаутировать ее одним ударом и освободить Мередит. Но потом ему пришла в голову еще одна мысль. Брюнетка располагала ценной информацией.

– Сколько их? – спросил он.

Брюнетка посмотрела на него с подозрением.

– Сколько? – заорал он.

Она решила похвастаться:

– Я уже оставила позади сотни, а может, и тысячи претендентов на это место.

– Я спрашиваю о сегодняшнем дне! Сколько их сегодня?

– Финалистов?

– Да! Я только что видел одного из них – с пакетом подмышкой, одет в курьерскую униформу.

Брюнетка удивилась тому, что он был в курсе о соревновании.

– Финалистов трое, не считая меня, – неуверенно сказала она.

– И у всех троих пакеты?

– Да, но мое задание – самое ответственное. Я должна была доставить живой «пакет».

– А вы знаете, что в пакетах? – спросил Этан. – Бомбы! Ваши конкуренты сейчас размещают бомбы в различных местах здания. Саймон собирается подорвать его, и вас вместе с ним.

– Какой ужас! – закричала Мередит.

– Я вам не верю, – сказала брюнетка.

* * *

– Где еще двое? – лютовал Саймон.

Гетц пожал плечами.

– Где-то в здании. Это все, что нам известно.

Саймон стукнул кулаком по столу. Приборы и Библия подскочили в воздух.

– Ну давайте же, найдите свои мишени! Неужели это так сложно?! – орал Саймон на мониторы.

На одном из мониторов Бэррингтон склонился над своим пакетом, готовый его защищать. Вдруг послышался топот ног, а затем голос:

– Покиньте помещение! Вероятно, оно заминировано! Немедленно покиньте помещение!

Бэррингтон вжался еще глубже под лестницу. Голос прошел мимо. Камеры возле двух других мишеней не зафиксировали никакого движения.

Камера, установленная возле алтаря, показывала оживленный спор между мисс Сегер, Этаном и Мередит.

– Мы не можем больше ждать! Нужно взрывать сейчас! – сказал Гетц.

Он протянул руку к кнопке пуска.

Саймон ударил его по руке.

– Ты и в Лондоне вел себя так же? Паниковал? – он передвинул пусковое устройство поближе к себе. – Я сам решу, когда взрывать, и я обязательно завалю шпиль.

* * *

Времени катастрофически не хватало.

Этан схватил Мередит за руку. Брюнетка упорно цеплялась за вторую руку.

– Отпустите ее! – потребовал Этан. – Я полицейский, и вы сейчас совершаете преступление – незаконно применяете силу.

Мередит повернулась к брюнетке:

– Вы меня обманули! Вы солгали, чтобы заманить меня сюда! Вы солгали и про Библию, и про вашего приятеля, не так ли?

Брюнетка не стала этого отрицать, а только еще крепче сжала руку Мередит. Тогда Мередит вырвала вторую руку от Этана и наотмашь ударила брюнетку по лицу. Та разжала руку, споткнулась и завалилась на спину. Зажимая ладонью разбитый нос, она закричала:

– Ну, это уже слишком! Я подам на вас в суд!

Этан притянул Мередит к себе. Ему очень хотелось обнять ее и не выпускать из объятий. Но это не убережет ее от взрыва. Чтобы ее спасти, нужно было ее отпустить.

– Беги! – сказал он. – Я постараюсь найти бомбы.

Он бросил на нее последний долгий взгляд и отвернулся, чтобы бежать дальше. Она придержала его.

– Их трое, – сказала она. – Один вошел через эту дверь. Я пойду за ним.

– Нет! – закричал Этан. – Найди охранника и сообщи ему эту информацию, а сама убегай!

Мередит покачала головой:

– Я справлюсь.

– Я не могу тебе это позволить!

Мередит посмотрела ему в глаза:

– Ну когда уже до тебя это дойдет? Мы ведь Морганы! Мы не можем иначе.

* * *

– Ха! Ты видел этот удар? – воскликнул Гетц. – Теперь твоя мисс Сегер еще долго будет ходить с распухшей губой!

– Не вижу здесь ничего смешного! – огрызнулся Саймон.

Этан и Мередит направились в разные стороны, оставляя брютетку на полу утирать нос.

По-прежнему никаких новостей с двух других мишеней.

– Да где же они, в самом деле? – закричал Саймон, нервно расхаживая по комнате.

Камера под лестницей уловила чье-то приближение.

– Эй, курьер!

Это был женский голос. Голос Мередит.

– Я знаю, ты где-то здесь!

Саймон уперся глазами в монитор.

– Не двигайся, – наставлял он, хоть курьер его не слышал.

– Меня прислал мистер Саймон, – сказала Мередит.

Блондин запрокинул голову, напряженно думая.

– Не двигайся! – повторил Саймон монитору.

Блондин медленно выполз из-под лестницы. Он ушел из поля охвата камеры, но микрофон продолжал улавливать голоса.

Саймон снова ударил по столу.

– Ну почему никто не умеет следовать инструкциям?! – закричал он.

– Пакет все еще на месте, – попробовал успокоить его Гетц.

– Да, но надолго ли?

Внезапно сменилась картинка на другом мониторе.

– Еще один пакет доставлен! – сказал Гетц. – Кладовая у западной стены.

На экране появился затылок второго финалиста, затем его рука. Он отклеил от стены квитанцию, сверяя номера.

Саймон кивнул.

– Два пакета из трех, – сказал Гетц. – Будем считать, что нам повезло. Жми на кнопку.

– Нет, – отказался Саймон.

Прибытие второго пакета немного его успокоило. Он присел на стул.

– Я намерен взорвать шпиль.

– Но что толку от шпиля, если Морган с девчонкой останутся в живых? Они сдадут нас полиции! Взрывай сейчас!

Саймон упрямо покачал головой.

– Вот в чем разница между мной и тобой, Гетц. Я – профессиональный игрок, а ты дилетант. Шпиль будет разрушен.

Мередит чуть было не прошла мимо. Она уже ступила на первую ступеньку и вздрогнула от неожиданности, когда курьер все же выполз из-под лестницы.

– Меня прислали забрать тебя отсюда!

Он скептически улыбнулся:

– Не выйдет!

– Я серьезно. Бери свой пакет и пойдем.

Он бросил произвольный взгляд под лестницу.

– Я отдам этот пакет только самому мистеру Саймону.

Мередит смотрела ему прямо в лицо. Он крупнее и сильнее ее, поэтому драться бесполезно. Нужно было каким-то образом его переубедить.

– Послушай, приятель, – сказала она, – я знаю, что в этом пакете. Я бы очень хотела дождаться, пока ты передашь его мистеру Саймону, но это невозможно.

– Очень даже возможно.

– Ты разве не слышишь крики? – спросила Мередит. – Всех срочно отсюда эвакуируют. Церкви взрывают одну за другой, и сегодня пришла очередь Старой Северной.

Блондин хихикнул:

– Нечего меня пугать. Я не сдвинусь с этой точки.

Внезапно кто-то схватил Мередит за обе руки и заломил их за спину. Над ухом раздался голос Сегер:

– Ты пойдешь обратно со мной!

– Сегер! А ты что здесь делаешь? – закричал блондин.

– Выигрываю соревнование, Бэррингтон! Прочь с дороги!

Мисс Сегер оказалась сильнее, чем можно было предположить.

Мерedit попыталась вырваться, но не смогла. Она снова обратилась к блондину:

– Ты знаешь, что у тебя в пакете? Бомба!

Неожиданное появление мисс Сегер вывело его из равновесия. Все было уже не так однозначно, как пару секунд назад.

– Ты должен мне поверить! – воскликнула Мерedit.

Мисс Сегер тащила ее назад. Мерedit отчаянно сопротивлялась, царапая деревянный пол каблуками, но не могла ни за что уцепиться.

– Эй, курьер! – закричала она. – Если Сегер дотащит меня назад к алтарю, она выиграет соревнование!

Вот это он понял!

Издав воинственный клич, он тараном набросился на девушек, и все трое покатались по полу. Блондин прижал Сегер к полу, и Мерedit оказалась на свободе.

Она тут же забралась под лестницу и достала из кармана маникюрные кусачки – все, чем она располагала для обезвреживания бомбы. Этан высказал предположение, что бомбы были из тех, которые содержат пластичное взрывчатое вещество. В предыдущих случаях все бомбы взрывались одновременно, следовательно, они наверняка детонировались дистанционно, а не таймером. И вряд ли они были хрупкими, ведь курьеры бежали с ними через полгорода.

Этан объяснил ей, что нужно сделать. Вначале осмотреть пакет снаружи. Если она обнаружит там проволоку, открытую или выступающую под скотчем, нужно было немедленно оставить пакет и уходить. Это означало, что бомба могла взорваться в любой момент. Но если проволоки снаружи не было, можно было вскрыть пакет. Внутри она увидит проволоку, соединяющую батарею с детонатором. Ее нужно было перерезать.

Пока блондин и мисс Сегер вели рукопашный бой на полу, Мерedit забралась под лестницу. Она нашла пакет.

* * *

– У нас проблемы, – сказал Гетц.

На одном экране было видно, как Мерedit протянула руку к пакету. На втором, передававшем картинку из-под западной стены, Этан

Морган набросился на второго финалиста, как раз взявшего в руки мобильный, чтобы звонить Саймону.

Драка началась и тут же закончилась. Мощным ударом в челюсть Этан вывел конкурсанта из строя.

– Время вышло! – воскликнул Гетц. – У тебя не остается выбора!

Саймон молча пялился на мониторы.

– Время вышло! Жми на кнопку!

Саймон глядел попеременно то на один монитор, то на другой. Камера под шпилем по-прежнему не посылала никаких новых сигналов. Он взял в руки пусковое устройство и погладил кнопку большим пальцем.

– Ну давай же, давай... – сказал он так, будто болел за лошадь на скачках. – Покажи мне хоть что-нибудь! Хотя бы тень...

Быстрым и уверенным движением Этан расклеил пакет и отсоединил провода.

* * *

Пакет был уже совсем рядом, и Мередит не сомневалась в своем успехе, как вдруг кто-то схватил ее за лодыжки и потянул назад.

Блондин. С красным от ярости лицом.

– Нет! – взмолилась она. – Не надо!

Он ее не слушал, а тащил подальше от лестницы.

– Что ж, простите, – сказала Мередит, – но вы не оставляете мне выбора.

Резко вырывая одну ногу, она изо всей силы врезала ему каблучком. Нос громко и отвратительно хрустнул, и блондину пришлось выпустить Мередит.

Пока он корчился от боли, Мередит схватила пакет и тщательно осмотрела его под тусклой лампой. Может быть, слишком тщательно. Она была готова к тому, что он может взорваться в любой момент. Но пусть лучше это произойдет по инициативе Саймона, чем по ее собственной неосторожности.

Убедившись, что никакие проводки снаружи не торчат, она распечатала пакет. Разорвав картонную упаковку, она увидела два проводка и быстро перекусила их своим нехитрым прибором. Ничего не произошло. Проводки безжизненно обвисли. Получилось! Все уже позади.

Мередит закрыла глаза и заплакала.

Она показала бомбу мисс Сегер и белобрысому курьеру, которые были заняты тем, что размазывали по лицу собственную кровь. С расширившимися от ужаса глазами они понеслись к выходу, отталкивая друг друга.

Мередит оставила пакет на ступеньках и побежала вслед за ними, молясь и надеясь, что Этану также все удалось.

* * *

Камеры из-под лестницы и западной стены не фиксировали никакой активности. Пакеты были отобраны у курьеров и, возможно, обезврежены.

– Кто его знает, а вдруг они в рабочем состоянии? – не унимался Гетц. – Нажми кнопку и проверим!

Саймон убрал руку с пускового устройства и откинулся на спинку стула.

– Ничего ты не понимаешь! – презрительно протянул он. – Это не просто подрыв здания – это символическое действие! Что нам толку, если мы просто пробьем дыру где-нибудь в стене собора?

Он снова поднялся со стула, закипая от гнева. Гетц еще никогда не видел, чтобы его лицо было таким багровым.

– Мы должны завалить этот несчастный шпиль! – завопил он.

Он устался в пол, пытаясь обуздать эмоции. Когда он снова заговорил, его голос звучал вполне уравновешенно.

– Из трех наших мишеней важнее всего кладовая под шпилем. Мы подождем. Как только туда доставят пакет, я нажму на кнопку.

– А если его не доставят?

Саймон явно уже думал об этом, поскольку тут же ответил:

– Что ж, тогда мы отступим и проведем операцию повторно.

– А что будем делать с сегодняшними финалистами?

– Свяжись со своими агентами. Подключи запасной состав. Нужно, чтобы они были мертвы прежде, чем успеют с кем-либо поговорить.

Гетц кивнул. У агентов было две функции. Во-первых, они следили за продвижением конкурсантов. Во-вторых, стоило кому-либо из конкурсантов повести себя неадекватно, – например, попытаться

вскрыть пакет, – агент тут же вывел бы его из игры. Навсегда. Гетц отошел в угол, чтобы не отвлекать Саймона. Набрав номер на своем мобильном телефоне, он отдал распоряжение найти трех конкурсантов и ликвидировать их.

Но никто не услышал его распоряжения. Хотя он и набрал номер, однако не нажал кнопку вызова.

Он захлопнул телефон и вернулся к Саймону.

– А как насчет Моргана и девчонки? – спросил он.

– Я сам с ними разберусь, – ответил Саймон. Он достал телефон, набрал номер и только собрался говорить, как Гетц выхватил телефон у него из рук.

– Я этого не допущу, – сказал он.

* * *

Этан мог только надеяться, что Мередит обезвредила первую бомбу и вышла из здания. Он очень хотел увидеть ее и лично в этом убедиться. Но время не позволяло. Нужно было найти бомбу номер три.

Но где?

Курьеры оставляли бомбы не где попало, а в стратегически важных местах. У них были конкретные указания.

Мередит отправилась в восточную часть здания. Этан уже побывал в западной. Значит, остается...

– Север и юг, – пробормотал Этан, – а может, центральная стена, или подвал, или... Точно!

Этан побежал к основанию шпиля.

* * *

– Что ты делаешь? – закричал Саймон. – Верни мне телефон!

Гетц захлопнул телефон и швырнул его через всю комнату.

Саймон посмотрел на него со знанием дела:

– Это все Купер-старшая. Когда ты там застрял, я сразу понял – что-то здесь не то.

– Все кончено, Саймон, – сказал Гетц.

И тут они заметили движение на третьем мониторе. Дверь в кладовую под шпилем отворилась. Третий конкурсант прислонился

к стене и осел на пол, пытаясь отдышаться после подъема по крутой лестнице.

Саймон усмехнулся.

Затем раздался голос.

Этан Морган.

– Сынок, отдай мне пакет!

Улыбка Саймона растянулась до ушей. Морган отсюда не уйдет.

– Нужно доверять своему чутью, Гетц, – сказал он с явным оттенком превосходства и протянул руку к кнопке. – Я знал, что заставлю Моргана уничтожить свою Библию, и знал, что заманю его в церковь. Безошибочное чутье – вот чем победители отличаются от неудачников.

* * *

– Я упустил его, – сказал охранник. – Он мне сразу не понравился. С какой стати курьер будет бежать как угорелый?

– И где ты его упустил? – спросил второй охранник.

– Возле экскурсионного бюро.

– Ладно. Иди в сторону офиса, а я вернусь обратно к входу.

Они искали не там, где нужно, но у Этана не было времени их поправлять. Он побежал к лестнице, ведущей к основанию шпиля. Подбегая, он успел увидеть чьи-то ноги, промелькнувшие и тут же завернувшие на следующий лестничный пролет. Этан закричал и бросился вдогонку.

Первая площадка была пуста, равно как и вторая. На третьей Этан увидел запыхавшегося курьера. Тот открыл дверь в кладовую и нырнул туда вместе со своим пакетом.

Этан подбежал к двери, как раз когда курьер пытался закрыть ее за собой. Он схватился за ручку, распахнул дверь и навис над ошарашенным курьером.

– Сынок, отдай мне пакет! – сказал он.

* * *

Пол Гетц изо всей силы толкнул босса, прежде чем тот успел нажать на кнопку.

Саймон свалился со стула.

– Конец игры, Саймон.

Глядя на Гетца снизу вверх, Саймон потирал челюсть.

– Что с тобой сделала эта баба? – спросил он.

– Лучше скажи, что ты с ней сделал.

Саймон медленно покачал головой:

– Я же говорил, что не имею к этому никакого отношения.

– Я тебе не верю.

Саймон пожал плечами:

– Так вот в чем дело?

– Да. Вот в чем дело.

– Ну ладно. Но ты должен зарубить на носу...

Он бросил в Гетца стул, сбивая его с ног.

– Конец наступит только тогда, когда я его объявлю!

* * *

– Ты знаешь, что здесь происходит, сынок? – спросил Этан.

– Да. Я доказываю, что достоин работать среди сильнейших.

– Нет. Ты доказываешь лишь то, что ты идиот.

Курьеру это не понравилось.

– Тебя одурачили. Мэлори Саймон уже разрушил две церкви, а сейчас пользуется твоими услугами, чтобы разрушить третью. Сам подумай! Зачем еще доставлять пакет в кладовку? Там бомба! Давай его сюда.

* * *

Гетц попытался встать, но Саймон оказался проворнее. Он взял еще один стул, поднял его над головой и с размаху запустил в Гетца.

Гетц покатился по полу, увертываясь от стула. Ему удалось избежать удара по голове, но ножка больно ударила по почкам. Не смертельно, но достаточно, чтобы у Саймона появилось время добраться до кнопки. Прежде чем ее нажать, он посмотрел на монитор.

Затылок Моргана заслонял камеру.

* * *

Одной рукой курьер прижимал пакет к груди, а другой пытался оттолкнуться от пола, чтобы встать.

– Потом не говори, что я тебя не просил, – сказал Этан, выхватывая из угла швабру. Одним движением он выбил землю у парня из-под ног. Вторым прижал его под горло, так что тот едва мог дышать.

Теперь парень трезво оценил ситуацию и передал пакет Этану.

Отбрасывая швабру в сторону, Этан распечатал пакет.

Не с той стороны. Здесь не было никакой проволоки.

Он перевернул пакет. Другая сторона была густо заклеена скотчем.

* * *

Не сводя глаз со шпиля за окном, Мэлори Саймон нажал на кнопку.

Ничего не произошло.

Он нажал ее еще раз.

По-прежнему ничего.

Лежа на полу, Гетц закрыл глаза и улыбнулся.

Саймон швырнул пусковое устройство прямо в монитор. Монитор показывал Этана Моргана, теперь уже в пол-оборота к камере. Одну руку он протянул курьеру, помогая ему подняться, а во второй сжимал пакет. Пакет был распечатан, и обрезанные проводки смотрели прямо в камеру.

Гетц поднял стул и сел.

– Это ты во всем виноват! Ты за это ответишь! – сказал Саймон.

– Это уже неважно.

– Ты изменился.

– Да, пожалуй. А ты – нет. Ты все так же предсказуем.

Саймон выглядел оскорбленным.

– Не веришь? – сказал Гетц. – Я знал, что, если я скажу тебе взорвать здание, ты ни за что этого не сделаешь. И чем больше я буду настаивать, тем больше ты будешь сопротивляться. Ты всегда уверен в своей правоте. Ты всегда поступаешь по-своему. Так что можешь винить самого себя. Я тебя перехитрил.

Саймон подошел к Библии Морганов и положил на нее руку.

– Ты, наверное, и Библию подменил? Это оригинал?

Гетц улыбнулся:

– Проверь!

Саймон перевернул Библию, заглянул в дыру и прочел слово – «Иуда».

Переверачивая ее обратно, Саймон вдруг изменился в лице. Он открыл обложку и увидел, что книга набита взрывчаткой.

Гетц уже держал в руке пусковое устройство.

– Пожелай миру спокойной ночи, Саймон.

Саймон взревел и запустил взрывоопасную Библию в Гетца, выбивая устройство у него из рук. Оно с гулом покатилося по деревянному полу. Оба бывших приятеля потянулись за ним.

— Кажется, это все, — сказал Этан, протягивая обезвреженную бомбу прибывшим саперам.

К нему подошел лейтенант полиции:

— Вам придется посетить наше управление, детектив Морган.

Этан кивнул. Эта песня была хорошо ему знакома.

Он вышел на улицу и увидел, что церковь уже огорожена по периметру. За оградой стояли несколько сотен человек, напряженно наблюдая за одной из главных достопримечательностей города.

— Они даже не подозревают, что сегодня чуть ее не лишили, — сказал лейтенант.

Полицейские как раз усаживали в патрульную машину трех курьеров и мисс Сегер. Все они пищали, как испуганные цыплята.

Этан сообщил лейтенанту о студии и о Санаде. Тот направил туда патрульную бригаду для дальнейшего расследования.

За оградой в первом ряду стояла Мередит.

— Лейтенант, позвольте отлучиться на минутку.

Даже на расстоянии было видно, что она заплакана.

— Все в порядке. Я должен поехать с ними в управление, — прокричал Этан, еще будучи на полпути.

— Я поеду следом за тобой, — ответила она.

Он подошел к ней вплотную, отодвинул барьер и крепко обнял ее, склонив голову ей на плечо.

— Я так боялся потерять тебя сегодня, — сказал он.

Он не хотел выпускать ее из объятий. Никогда.

— Наконец-то ты пришел в чувство, — сказала она.

Несколько бесценных мгновений они не замечали ничего вокруг. Не было ни толпы, ни церкви, ни бостонских улиц. Только он и она.

Этан отпустил ее, но не ушел. Они стояли плечом к плечу и смотрели на Старую Северную церковь.

– Сегодня мы вели себя как настоящие Морганы, – сказала Мередит.

– Да, это точно, – подтвердил Этан, весело смеясь. – Не завидую нашим правнукам.

– Почему?

– Нелегко будет сравняться с нашим примером.

Мередит улыбнулась:

– Твоим и Дрю Моргана?

– Ага, вроде того.

– Погоди-ка... Ты сказал «*нашим* правнукам»?

Этан поцеловал ее. А потом еще раз. Он даже не обратил внимания, что все смотрели на них и аплодировали.

Она сделала шаг назад.

– Этан, а как же Библия Морганов?

Не успел он ответить, как раздался ужасный взрыв. Люди закричали, закрыли глаза, прижались к земле.

Но оказалось, что взрыв произошел в квартале от них. От пятого этажа кирпичного здания осталась только черная дыра.

— Я заблуждался, — сказал Этан.
Он сидел в своем садике в компании двух десятков друзей. По инициативе Мередит, они пришли отметить его день рождения.

Мередит и Этан были женаты уже почти год. Мередит сидела на шезлонге, светясь в лучах летнего солнца, сложив руки на заметно округлившемся животике. Скоро они ожидали прибавления.

Этан решил, что представился прекрасный случай рассказать о том, о чем он думал с того самого дня, когда перемолол на кусочки Библию Морганов.

— Я всегда считал, что хранить духовное наследие семьи — это тяжелое бремя. Но Эндрю и Мередит помогли мне понять, что это большая честь.

Он поднял свой стакан, приветствуя жену.

— Когда я сидел в подвале с Библией на коленях и вчитывался в список имен, я почувствовал себя полным неудачником. Конечно, не впервые — всю свою жизнь я пытался сравняться со своим братом. Но в тот день это чувство особенно меня одолело. Я прочел все имена, даты, библейские ссылки, дойдя до последнего имени — своего. Даже сама дата — двухтысячный год — свидетельствовала против меня. Отец возлагал такие большие надежды на то, что я пронесу ценности Морганов в новое тысячелетие!

— Потом я прочел «свою» ссылку — Евреям 8:10 — и вспомнил, что там говорится. В ту же секунду все изменилось.

На него нахлынули все те чувства, и пришлось сделать паузу. Когда он снова был в силах говорить, он процитировал это место Писания:

— «Вложу законы Мои в мысли их, и напишу их на сердцах их; и буду их Богом, а они будут Моим народом». В тот момент я избавился

от заблуждения, которое не давало мне спокойно жить. Я впервые осознал, что семейное наследие не равняется книге, какой бы древней и красивой она ни была. То, что должно передаваться из поколения в поколение, находится здесь, – Этан прижал руку к груди, – и здесь, – он положил руку на сердце Мередит, – и здесь, – он погладил ее живот.

– Истинное духовное наследие записано не на страницах, а в сердцах. Когда я увидел на экране Мередит, я понял, что будущее рода Морганов зависит от нее, а не от книги у меня на коленях.

Этан встал и подошел к столу, где были сложены подарки. Он взял один из них, который сам же и завернул несколькими часами раньше, и протянул его Мередит.

– Это мне? Но сегодня же твой день рождения! – удивилась она.

– Это нам обоим. Открывай!

Она разорвала упаковку. Под ней была новая семейная Библия. Открыв обложку, она увидела полную родословную, начиная с Дрю Моргана.

– Ты – достойный наследник, – улыбнулась она.

Обняв жену, Этан развернулся к гостям и сказал:

– В нашем роду так принято, что на церемонии вручения Библии кто-то обязательно рассказывает всю историю Морганов. Надеюсь, что когда-нибудь я смогу рассказать ее своему сыну на руинах Эденфорда в Англии. Но сегодня, чтобы «окрестить» нашу новую Библию, я хочу потренироваться на вас. Вы позволите?

Этан Морган стоял перед женой, будущим ребенком и друзьями, помня о том, что он – единственный прямой наследник Морганов, живущий на земле. Но эта мысль его больше не пугала. Он гордился тем, что он – Морган. Корни, уходящие в прошлое, питали его жизненной силой.

Он приступил к рассказу:

– История о Дрю Моргане начинается в Виндзорском замке в тот день, когда он познакомился с епископом Лодом. Ведь именно с того дня его жизнь покатила под откос...

* * *

Несколькими часами позже Этан и Мередит лежали в постели и разговаривали, не желая, чтобы день заканчивался.

– Если я не посплю, то завтра буду ужасно себя чувствовать, – сказала Мередит.

– Да, надо спать. Но ведь хороший был день, правда?

Она придвинулась поближе и поцеловала его в щеку.

– Замечательный! Спокойной ночи, дорогой!

– Спокойной ночи.

Мередит отвернулась и натянула на себя одеяло. Приподняв голову, она обратилась к потолку:

– Спокойной ночи, Эндрю!

– Не смешно, – сказал Этан.

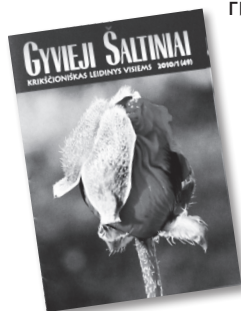
Тем не менее, оба они захохотали, и прошел еще добрый час, прежде чем они утихомирились и заснули.

Христианский журнал «Вера и жизнь» издается уже 36 лет. Это совсем не малый срок для периодического издания. Он духовно поддерживал верующих в Советском Союзе в то время, когда быть христианином было небезопасно. Среди его благодарных читателей были не только наши отцы и матери, но и дедушки с бабушками.

У истоков журнала стоит такая легендарная личность, как Николай Александрович Водневский.

Весь материал готовился Николаем Александровичем у него дома. Он все делал сам — собирал материал, печатал его на машинке, редактировал, иллюстрировал, макетировал и отправлял в Германию по почте. Миссия «Свет на Востоке» его печатала и вместе с другой христианской литературой на машинах переправляла в Советский Союз. Конечно, это делалось нелегально — через Польшу, Финляндию, Югославию и другие страны Восточной Европы.

Со дня выхода в свет первого номера журнала «Вера и жизнь» прошло тридцать шесть лет. Конечно, журнал изменился. Другим стал и стиль подачи материала, и оформление. Теперь никто не вырезает заголовки из газет, все делается на компьютере. Увеличился авторский коллектив. Тираж журнала вырос в двенадцать раз — с семи до восьмидесяти четырех тысяч экземпляров. Его читают в 63 странах мира. С 1998 года он издается и на литовском языке под названием

«Источник жизни», с 2002 года — на болгарском под названием «ПРОЗОРЕЦ» и с 2009 года на украинском языке — «Віра і Життя».

Журнал «Вера и Жизнь» рассматривает христианство как мировоззрение, а не как древнюю экзотическую религию или свод правил и догматов веры, далеких от реальной человеческой жизни.

«Вера и Жизнь» — это размышления о смысле жизни, о значимости человеческой личности, о проблемах современности и о непреходящих духовных ценностях.

«Вера и Жизнь» — это не монолог журналистов.

Это живая беседа читателей между собой. Это разговор верующих и ищущих, служителей церкви и прихожан.

Если вы ищете опору в жизни и нуждаетесь в теплом человеческом общении, если вы хотите разобраться в христианской вере и получить ответы на сложные жизненные вопросы, тогда «Вера и Жизнь» — это ваш журнал.

Издается с 1974 года.

Выходит 6 раз в году.

Тираж 84. 000 экз.

Распространяется по подписке.

Бесплатный.

Существует на добровольные пожертвования.

Подписчик оплачивает только расходы, связанные с рассылкой журнала.

По вопросам подписки обращайтесь по адресам представительств миссии «Свет на Востоке»

СЕРИЯ • ЕГО ЛЮБИМЫЙ РОМАН •
История одной семьи

Кавано Джек
ХРАНИТЕЛИ

Перевод Надежды Бражник
Редактор Наталья Вовк
Корректоры: Ирина Никольская, Ирина Зотова
Дизайн и верстка Андрея Цорна

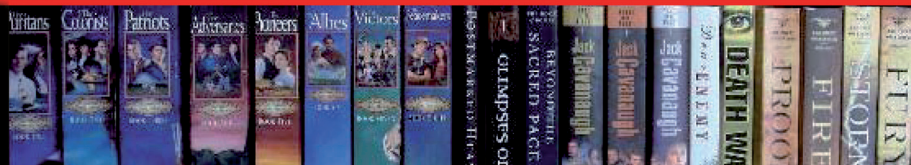
«Джек Кавано, признанный мастер христианской исторической прозы, наконец-то перенесся в наши дни. „Хранители“ — достойное завершение серии романов о семействе Морганов, так что пристегните ремни и не уставайте переворачивать страницы!»

Джон Кулеа,
телеведущий, репортер и автор нескольких романов
(в том числе романа «Свет в ночи»),
обладатель премии «Эмми»

Иногда нужно встретиться со смертью, чтобы научиться жить.

Этан Морган родился первенцем не по собственному желанию и совершенно не признавал нелепых семейных традиций, которые ему полагалось блюсти. Однако его брат-близнец Эндрю, который был младше всего на пару минут, всю жизнь мечтал о такой чести.

Возможно, Этану стоило отказаться от своего первородства, как сделал это Исав, и тогда их семью не постигла бы катастрофа. Но все сложилось иначе. Этан, детектив полиции, оказался в необычном для себя положении — на потерпевшей стороне. Жена брата осталась вдовой. Семейную реликвию похитили. В сердце Этана не осталось ничего, кроме ярости, горечи и сожалений. Как слепить из этого трагического набора обстоятельств дальнейшую жизнь? Как взять на себя ответственность за будущее рода? Правда ли, что грехи отцов падают на головы детей? А может, призраки прошлого вселяют в них веру?

Jack
Cavano